

AARDM Reprint - 1983

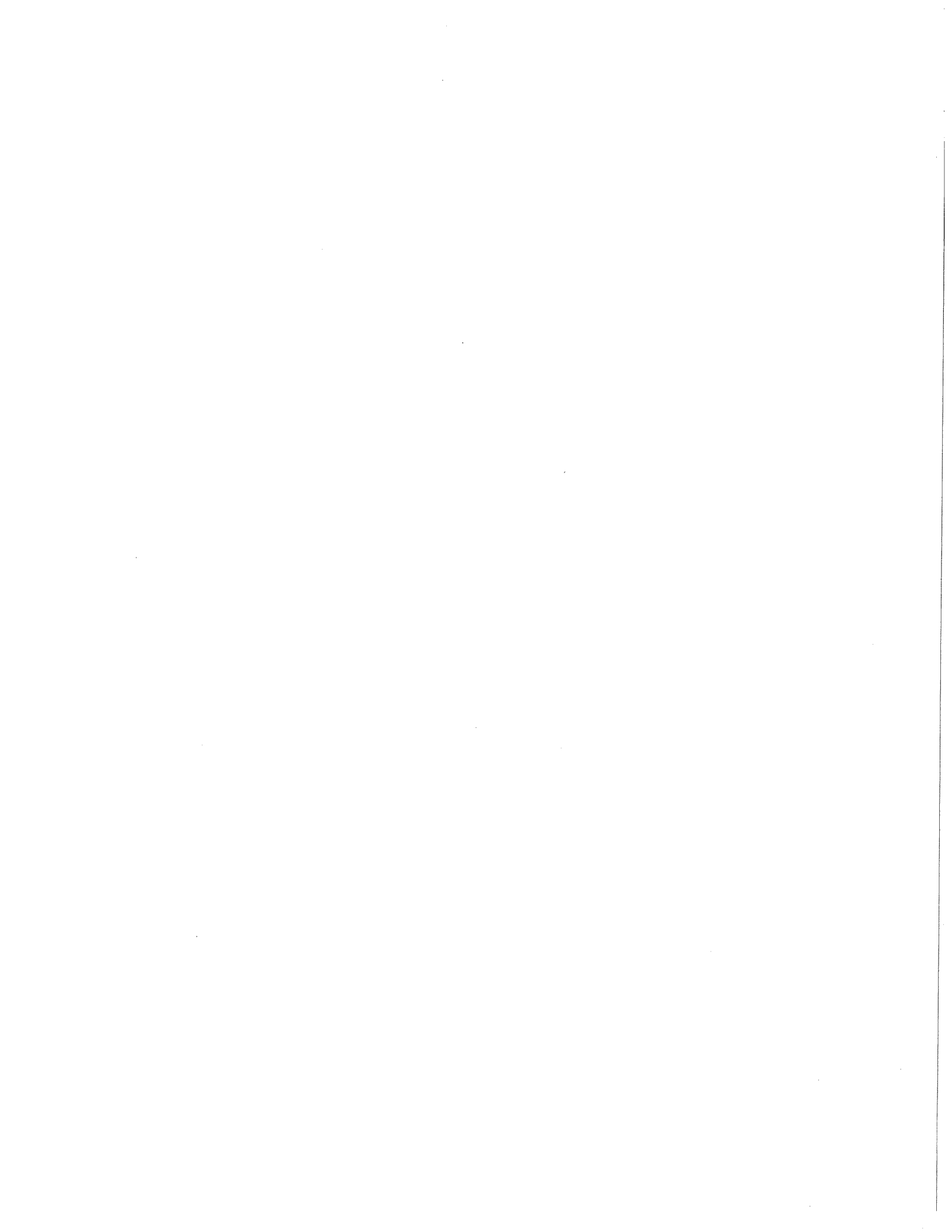
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ
ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ,

АРХІЕПИСКОПЪ
Херсонскій и Таврическій.

МАТЕРІАЛЫ и ЗАМѢТКИ
Л. М.

ОДЕССА

1907.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ
ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ,
АРХІЕПИСКОПЪ
Херсонскій и Таврическій.

МАТЕРІАЛЫ и ЗАМѢТКИ
Л. М.

---

*Изданіе Свято-Андреевскаго Братства при Одесской
Духовной Семинаріи.*

ОДЕССА
Тип. „Русской Рѣчи“, Александров. просп., д. Покровской церкви.
1907.

Copyright © 1983 by AARDM Press

All Rights Reserved

Library of Congress Catalog Card No. 82-74469

AARDM Reprint

Archives of Americans of Russian Descent
in Minnesota

3217 - 32nd Avenue N.E.
Minneapolis, MN. 55418
U. S. A.

ВВЕДЕНИЕ

Иван Алексеевич Борисов, ставший архиепископом Херсонским, знаменитый проповедник и ученый, родился 15 дек. 1800 г. и умер 26 мая 1857г. Он родился в семье священника г. Ельца, обучался в Воронежской, потом в Севской семинариях и в 1823 году окончил Киевскую Духовную Академию со званием магистра. Он был назначен инспектором и профессором Спб. семинарии и ректором Петербургского духовного училища. В конце 1823 г. он принял монашество и занял кафедру богословских наук в Петербургской Духовной Академии, где вскоре стал инспектором, членом правления и духовно-цензурного комитета. В 1826 г. он был возведен в архимандриты а в 1829 г. получил степень доктора богословия. Через год в 1830 г. он был назначен ректором Киевской Духовной Академии. В 1836 г. он был возведен в сан епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. В 1841 г. он был перемещен на кафедру в Вологду и в этом же году в Харьков. В 1845 г. он был возведен в сан архиепископа а в 1848 г. перемещен на епархию Херсонскую где и скончался.

Своими знаниями уже на ученической скамье студент Борисов отличался от других учившихся. Свои работы после обдумывания, он прямо писал на белом и они были настолько хороши что 3 из них как и 4 его проповеди были опубликованы Киевской Академией еще когда он был на первом курсе. Он самостоятельно изучал немецкую философию и делился прочитанным на специальных лекциях со своими соучениками. В Академии лекций о Западном Богословии не было и он самостоятельно изучал произведения великих западных ораторов. Ставши профессором он смог реформировать методы преподавания и создал совершенно новые отрасли богословской науки: основное богословие, сравнительное богословие, экклезиастическую и символику. 3 три его работы: Жизнь св. Киприана, Жизнь св. Апостола Павла и Последние дни земной жизни Иисуса Христа, Иннокентию была присуждена степень доктора. Эти и другие его произведения были напечатаны в Христианском Чтении,

сделав этот журнал одним из наиболее популярных.

По своем прибытии в Киевскую Академию Иннокентий отменил существовавшую столетия практику преподавания богословия на латинском языке. Иннокентий внес новые методы образования, расширяя и обновляя программы философии, истории, литературы и др. академических курсов. Особое внимание он обратил на студенческие сочинения, сам предлагая в большей части исторические темы. Некоторые из них он сам разрабатывал и издавал напр. Историческое обозрение богослужебных книг. За неправильно истолкованные суждения некоторое время Иннокентий находился под духовным расследованием, но митр. Филарет признал его не ответственным за ученические записи. В Киеве Иннокентий основал еженедельный духовный журнал Воскресное Чтение. В 1836 г. Иннокентий был возведен в сан епископа Чигиринского и когда он прибыл в Петербург для посвящения то он был избран в действительные члены Российской Академии Наук. После смерти митр. Евгения и занятия кафедры Киевской Митрополии Филаретом Амфитеатовым, епископ Иннокентий оставил профессию и посвятил все свое время ректорству, епархиальным делам, проповедничеству и ученым занятиям. В этот период он написал много ученых работ из кот. необходимо отметить:

- 1/ Памятник Веры, - собрание символов и вероизложений христианского учения,
- 2/ История соборов вселенских и поместных, в их подлинных деяниях,
- 3/ Вертоград духовный - хронологический сборник лучших проповедей всех времен и народов,
- 4/ Церковный архив - перечень древних и новых сочинений по истории Церкви,
- 5/ Перевод на польский язык православной литургии, годичного круга богослужебных песнопений и катихизиса митр. Филарета,
- 6/ Перевод катихизиса митр. Филарета на молдавский язык,
- 7/ Памятник Унии - сборник материалов по истории унии,
- 8/ История христианства в Польше,
- 9/ Палинодии Захария Копыстенского и др. противоуниатские сочинения,
- 10/ Кормчая книга - перевод и издание полного подлинного текста,
- 11/ Богословский словарь,
- 12/ издание "Записки Петра Могилы" и его "Православное исповедание Веры",
- 13/ История русской Церкви в связи с историей церковью славянских.

После посещения Киевской Академии в 1837 г. Обер-прокурор Св. Синода нашел ее во всех отношениях в отличном состоянии и по его представлению вл. Иннокентию был пожалован орден св. Владимира 3-й степени. Изданные владыкою сборники проповедей: "Седмицы", "Первая седмица Великого Поста", "Страстная седмица" и "Светлая седмица" быстро распространились в России и приобрели ему еще более популярности и значения как среди верующих так и в правительственных, научных и литературных кругах. Насколько обширна была его деятельность и влияние показывают его коллекции и архив в кот. хранится масса присланных ему писем в кот. его спрашивали совета как напр. имп. Александра Феодоровна и принц И. Ольденбургский советовались с ним об учреждении женских учебных заведений, по поручению вел. кн. Константина им была составлена для Морского Устава глава об положении духовенства в морском флоте, им редактировалось по поручению гр. Блудова законодательство о браке, по поручению министра Внутр. Дел гр. Перовского он составил доклад по вопросу об ритуальном употреблении евреями христианской крови, для Киевского генерал-губернатора Д. Бибикова он составил доклады "О политическом значении духовенства в юго-западных губерниях", "Об устройстве Киевского университета" и "Взгляд на управление учебными округами". Владыка Иннокентий был в переписке можно сказать почти со всеми министрами и др. правительственными лицами, как напр. министры Просвещения кн. Голицын, гр. Уваров и Норов обращались к нему за советами. Обер-прокуроры св. Синода - Нечаев, Протасов, Ахматов и гр. А. Толстой обращались к Иннокентию за советом при каждом важном деле. Большинство архиереев также как и многие синодальные работники вели с ним регулярную переписку о церковных делах.

Благодаря идее Иннокентия было начато описание Московской синодальной библиотеки. В своей деятельности Иннокентий старался об увеличении числа церквей и школ, боролся против распространения раскола и сектанства, восстановления закрытых и открытия новых монастырей и скитов. Его деятельность не ограничивалась как это было указано выше только религиозными вопросами. Много времени он

уделял церковной истории и светским наукам. В числе его сочинений известны трактаты по философии: "О неологизме или рационализме" и "Взгляд на греческую философию". Он очень интересовался естественными науками и собрал прекрасную коллекцию минералов и будучи в Крыму предпринимал геологические экскурсии. По вопросам астрономии, космографии, нумизматики, этнографии он переписывался со многими учеными и академиками в числе кот. нужно отметить Савича, Сомова, Хавского, Саввантова и гр. Литке. О политических делах на Востоке и о политике других держав, о новостях западной научной литературы он переписывался с Бурачковым, Палаузовым, Казначеевым, Стурдзой, о классических и христианских древностях, о религии и литературе древнего Востока - с арх. Софонием и Антонином, с афинским проф. Типальдосом, со Снегиревым и Терещенко, о произведениях русского и славянского народного творчества он переписывался с Бодянским, Новоструевым и кня. М. Оболенским - о общеславянской и русской в частности палеографии и о ранних памятниках русской и славянской литературы с М. Погодиным, о славянской и польской истории с бар. Шодуаром, Максимовичем и Новицким, о древностях Крыма и Кавказа с гр. Уваровым, Мурзакевичем, Будбергом и со многими другими специалистами на другие темы.

Заслуги Иннокентия огромны в деле изучения археологии Крыма, в частности в раскопках Херсонеса. Под его руководством работали над историей и археологией Киева - Аскоченский, Максимович и другие специалисты. Во многих других епархиях где он епископствовал он или сам начал или назначил других лиц для работ над этнографическими и историческими исследованиями. Он не только сам работал но также и покровительствовал начинающим ученым и исследователям, помогая им материально из средств полученных от продажи его сочинений, ходатайствовал за них пред своими знакомыми.

Иннокентий был знаком со многими писателями того времени напр. с А. Толстым, Н. Кукольниковом, Квиткою, Щербиной, Гоголем и др. На херсонской епархии Иннокентий проявил себя не только как религиозный но и как политический деятель. Русские духовные

лица, бывшие его друзьями или учениками по Киевской Академии, были направлены в миссии на Ближний Восток и Южную Европу и оттуда они ознакомили его с бедственным положением христиан в этих странах. Иннокентий в своей деятельности старался направлять ход дел в этих странах в духе единения и мира между греками и славянами. При его участии в Константинополе, с разрешения султана и с согласия патриарха, была построена церковь для болгар и возведен в епископы Стефан Ковачев. Греческий богослов, по ходатайству Иннокентия, получил звание члена конференции Петербургской Духовной Академии. В Одессе для болгар он устроил "болгарское настоятельство" кот. заботилось о болгарях в Турции. Когда началась война то Иннокентий рекомендовал русскому правительству болгар кот. налаживали связь между русскими войсками и населением Болгарии. Когда началась Крымская Война местное духовенство по его распоряжению писало ему подробные донесения о всем происходящем. Он настолько был знаком с Крымскими делами что при своей поездке в Севастополь у него остановились великие князья и советовались с ним.

Во время Севастопольской осады сам Иннокентий обходил во время сражений ряды войск, ободряя и благословляя защитников города. В своих проповедях в это время арх. Иннокентий отмечал двуличность и предательство христианства со стороны "культурных наций" Западной Европы. Он говорил о том что Россия стала на защиту христианства на Святой Земле. Вопрос был религиозный. В ответ на это - западные "не варвары" появились в последние дни Страстной седмицы и даже в самый день Воскресения Господня продолжали бомбежку города. В действиях "Западной Европы" ставшей "под знамя Магомета" против христианского Востока, Иннокентий усматривал последовательность с кот. Запад действовал, желая со времен Александра Невского уничтожить Православие и Россию, где и христиане и магометане у источника Козьмы и Демиана вместе молились и выпивши "воды здравия" по молитвам этих святых исцелялись. Россия по его словам не притесняла в правах магометан и ожидала этого же по отношению к христианам в мусульманских странах.

Главным делом Иннокентия было проповедничество. Он проповедывал почти каждый праздник и по своим риторическим заслугам ставится богословами в ряд с первостепенными светилами. Рецензии на его проповеди появлялись в "Москвитяине", "Ревю критику" и др. Знаменитый западный богослов Стурдза многие из проповедей Иннокентия перевел на французский язык и с ними ознакомились в Западной Европе. Переводы его проповедей были сделаны на немецкий, польский, сербский, греческий и армянский языки. На русском языке многие из его проповедей были изданы и следует отметить что кроме 5 Киевских собраний его проповедей были также изданы сборники: "К пастве Вологодской", "Беседы на четырехдесятницу", "Беседы о грехе и его последствиях", "С нами Бог", "Беседы к пастве Харьковской", "Слова одесские", "Слова и речи, говоренные во время нашествия неприятелей" и другие.

Архиепископ Иннокентий один из самых замечательных, русских людей 19 века, сыгравший роль в развитии русского богословия, церковной истории, проповедничества и науки. Он повлиял на умственное развитие всего русского общества. Его произведения были напечатаны в 11 томах в 1871-75 г.г. Библиография его произведений занимает несколько страниц в то время как библиография о нем и о его произведениях и о его влиянии на общество занимает несколько десятков страниц. Мы советуем интересующимся деятельностью пр. Иннокентия сл. труды: Н.И. Барсов-"Материалы для биографии Иннокентия, арх. херсонского" в 2-х томах, Т. Буткевич - "Иннокентий, арх. херсонский" М. Погодин - "Венок на могилу преосв. Иннокентия".

ЗАМѢТКИ И МАТЕРІАЛЫ

для полнаго изданія сочиненій

Архіепископа Иннокентія Борисова.

Извѣстно, что правомъ издавать сочиненія знаменитаго Херсонскаго Архіепископа Иннокентія Борисова владѣеть теперь С.-Петербургскій книгопродавецъ Вольфъ. Право это перешло къ нему отъ Одесскаго старожила—русскаго болгарина Николая Христофоровича Палаузова, (+1899 г.) *), который въ свою очередь получилъ его отъ единственнаго бывшаго наслѣдника всего Иннокентіевскаго имущества отъ роднаго брата Иннокентіева—Матѳея Алексѣевича Борисова—получилъ за тѣ услуги, которыя оказалъ ему—наслѣднику—въ качествѣ его повѣреннаго по розысканію и упорядоченію Иннокентіевскаго имущества, послѣ кончины Иннокентія въ 1857 году. *) Нужно отдать нѣкоторую честь книгопродавцу Вольфу. Приобрѣвши въ собственность изданіе сочиненій знаменитѣйшаго изъ русскихъ Архипастырей XIX вѣка, онъ употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы изданіе это, въ новомъ его видѣ, было достойно имени достопамятнаго русскаго святителя. Для этого новаго, предпринятаго имъ изданія сочиненій Иннокентія, онъ нашелъ среди

---

*) Николай Христофоровичъ Палаузовъ—личность замѣчательная. Онъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ Палаузовыхъ, которые имѣютъ большое значеніе въ исторіи возрожденія Болгаріи—со времени Юрія Венелина. Довѣріе къ нему брата Иннокентіева—М. А. Борисова—произошло отъ того, что еще раньше Палаузовъ близко сошелся съ самимъ Иннокентіемъ.

Петербургскаго духовенства довольно надежнаго редактора, который постарался собрать во едино не только напечатанные уже труды Иннокентія, но даже и нѣкоторые—находившіеся еще въ рукописяхъ. Вышло изданіе многотомное—объемистое, солидное и довольно изящное *). Видно, что оно сильно интересуеть русскую читающую публику — и потому расходуется въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Вольфъ купилъ не особенно дорого свое право на сочиненія Иннокентія, а теперь пожинаетъ съ нихъ обильные плоды. Онъ издаетъ и переиздаетъ Иннокентія. Въ 1902 году онъ опять издалъ Иннокентія въ 23-хъ тысячахъ экземпляровъ **)!..

Но какъ ни почтенно Вольфовское изданіе сочиненій Иннокентія, все-же оно имѣетъ свои значительные недостатки. Мы уже имѣли случай касаться этихъ послѣднихъ—на страницахъ «Трудовъ Кіевской Духовной Академіи ***)». Не говоря уже о многомъ другомъ,—главный недостатокъ его—не поднота. Вольфъ напечаталъ многое Иннокентіевское по рукописямъ, а между тѣмъ пропустилъ многое такое, что напечатано было еще самимъ Иннокентіемъ, но только безъ подписи своего имени. Что все это неподписанное принадлежитъ именно Иннокентію,—это уже выяснилось въ послѣдующее время, когда стали появляться въ печати письма Иннокентія къ разнымъ лицамъ и другія біографическіе о немъ матеріалы. Такъ—въ письмѣ Иннокентія къ товарищу его по Кіевской Академіи Ал. Ив. Бѣлюгову («Кіевская Старина» — 1882 г. Мартъ) Иннокентій открываетъ ему, что въ «Христіанскомъ Читеніи» 1824 г. (издававшемся тогда, какъ и теперь, при С.-Петербургской духовной Академіи, гдѣ Иннокентій былъ съ 1824 г. — бакалавромъ, а съ 1825 по

---

*) Оно являлось въ промежутокъ времени отъ 1872 до 1875 гг.—въ одиннадцати томахъ. Въ послѣдствіи къ нимъ прибавился еще двѣнадцатый томъ. Кроме того въ отдѣльной книжкѣ Вольфъ издалъ собраніе Акавистовъ, написанныхъ Иннокентіемъ. Кроме большаго 12-томнаго изданія сочиненія Иннокентія Вольфъ выпустилъ еще и общедоступное изданіе ихъ въ шести томахъ.

**) См. „Странникъ“ 1902 г. Окт.—Книжная лѣтопись.—Уже издавна слышатся жалобы на дороговизну Вольфовскаго изд. сочиненій Иннокентія. См. напр. „Записки архіепископа Саввы“—т. IV, стр. 712,

***) См. нашу замѣтку: „Изъ неизданныхъ рукописей архіепископа Иннокентія Борисова“—въ „Трудахъ Кіевск. д. академіи“—1883 г. Апрѣль.

1830 г.—инспекторомъ) ему принадлежитъ трактатъ о бытіи Божіемъ и назидательная статейка: покайтесь. Въ Христіанскомъ же Чтеніи указанныхъ годовъ были помѣщены и другія литературныя произведенія Иннокентія—и крупныя и малыя,—и опять таки безъ подписи, по обычаю тогдашняго времени. Принадлежность ихъ Иннокентію не такъ давно открыта бібліотекаремъ С.-Петербургской Духовной Академіи А. С. Родосскимъ въ статьѣ его подъ заглавіемъ: «Къ исторіи редакціи журнала «Христіанское Чтеніе». «Въ обычаѣ того времени,—говоритъ г. Родосскій,—было печатать статьи и переводы безъ подписи имени автора. Этотъ обычай держался долго, такъ что съ теченіемъ времени прекратилась возможность получить точное указаніе на имя автора той или другой статьи и особенно переводнаго труда. Знала тогда только редакція, знали правда и многіе современники, но изъ нихъ рѣдкіе отмѣчали имена и оставляли ихъ на память потомству. Къ счастью сохранился одинъ экземпляръ перваго указателя (за первые 12 лѣтъ) статей «Христіанскихъ Чтеній» съ 1821 по 1832 гг., въ которомъ на поляхъ, противъ статей, рукою проф. Вершинскаго (1825—1835 гг.) отмѣчены фамиліи и имена переводчиковъ и авторовъ статей. Многія статьи остались безъ помѣтки; но и то, что отмѣчено, достойно благодарности потомковъ». Вотъ — на основаніи этихъ отмѣтокъ современника и сослуживца Иннокентія въ Петербургѣ Вершинскаго,—А. С. Родосскій,—кромѣ капитальныхъ трудовъ Иннокентія, каковы: «Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа», «Жизнь св. Апостола Павла», «Жизнь св. Кипріяна», и кромѣ многихъ словъ, помѣщенныхъ Иннокентіемъ въ «Христіанскомъ Чтеніи»,—открылъ принадлежность тому-же Иннокентію еще слѣдующихъ статей, указанія на кои доселѣ были неизвѣстны:

1) «Трактатъ о перекрещиваніи» (переводъ изъ творенія церковн. писателя неизвѣстнаго вѣка)—Христ. Чтеніе за 1828 г. ч. XXX, стр. 257-я.

2) «О необходимости чудесъ въ откровенной религіи» — Христ. Чтенія 1830 г. ч. XL стр. 212.

3) «О бытіи Божіемъ» — Христ. Чтеніе—1824 г. ч. XIII, стр. 147 *).

*) Указаніе на принадлежность этой статьи Иннокентію—сдѣлано было уже, какъ мы выше сказали, еще въ „Кіевской Старинѣ“ 1882 года, о чемъ неизвѣстно было г. Родосскому.

4) «Утѣшительное участіе І. Христа въ скорбяхъ разлуки съ друзьями и любезными» Христ. Чтеніе. 1826 г., ч. XXIII, стр. 258-я.

5) «О дружествѣ І. Христа со св. Іоанномъ», ч. XXIII, стр. 311-я *).

Въ настоящій разъ мы хотимъ указать на нѣкоторыя статьи Иннокентія, напечатанныя имъ безъ подписи — въ Одесскій—последній періодъ его жизни, а потому и доселѣ остающіяся неизвѣстными обществу.

Архіепископъ Иннокентій былъ великій инициаторъ въ сферѣ церковно-бытовой жизни. Перешедши въ Одессу — на кафедру тогдашней Епархіи Херсонской, а вмѣстѣ и Таврической,—онъ своими предпріятіями и распоряженіями скоро произвелъ во всемъ здѣшнемъ краѣ сильное и благотворное религіозное возбужденіе и подъемъ искренняго религіознаго чувства. Вотъ, на примѣръ, что говорится объ этомъ въ одной изъ статей газеты «Одесскій Вѣстникъ» за 1853 г.: «Религіозное движеніе, возбужденное съ недавняго времени въ цѣломъ краю нашемъ, коснулось, наконецъ, и нашего г. Николаева. Доселѣ мы были только слушателями того, какъ возобновляются древнія священныя мѣста среди горъ Таврическихъ, какъ возникаютъ храмы и при нихъ училища среди степей Ногайскихъ, какъ обновляются обители: Балаклавская, Корсунская и Успенская; съ какимъ святымъ благолѣпіемъ совершаются новоучрежденные крестные ходы въ Одессѣ, Херсонѣ и Бахчисараѣ: но у насъ въ Николаевѣ — ничего подобнаго и особеннаго не было, кромѣ обыкновенныхъ поправокъ и украшеній Церквей. Теперь дошла очередь и до насъ и мы имѣемъ торжественный крестный ходъ, который,—скажемъ мы не къ умаленію другихъ, превосходитъ размѣромъ своимъ все, что въ семь родѣ было сдѣлано доселѣ, не только у насъ, но и по другимъ краямъ. Ибо ходъ сей обнимаетъ собою не десять или тридцать верстъ, не одинъ городъ или нѣсколько селеній, а все устье Днѣпра, начиная отъ Херсона, половину лимана Днѣпровскаго и почти весь Бугскій. Уже изъ всего видно, что

---

*) См. указанную статью А. С. Родосскаго въ „Христ. Чтен.“ 1896 г. Сентябрь—Октябрь—стр. 344 и 350.

новый ходъ совершается не сухимъ путемъ, а водою, на пароходѣ, исключая послѣднихъ 12 верстъ, гдѣ процессія идетъ по суху, отъ селенія Богоявленскаго *).

Установленіе возможно частыхъ и повсемѣстныхъ крестныхъ ходовъ входило въ программу архипастырской дѣятельности Иннокентія, какъ одно изъ лучшихъ средствъ для поднятія православно-христіанскаго духа въ народѣ. Поэтому вскорѣ по назначеніи своемъ на Херсонскую кафедру онъ, между прочимъ, исходатайствовалъ у Св. Синода разрѣшеніе, чтобы въ Одессѣ ежегодно совершался крестный ходъ, въ 22 день Августа, въ память того, что въ этотъ день 1794 года Митрополитъ Екатеринославскій и Херониса-Таврическаго Гавріилъ Банулеско-Бодони благословилъ основаніе города Одессы, произвелъ закладку трехъ церквей и разныхъ казенныхъ зданій. По полученіи такого разрѣшенія, первый крестный ходъ въ Одессѣ—въ память основанія ея—совершенъ былъ 22 Августа 1849 года. Нарочито для этого случая написана Архіепископомъ Иннокентіемъ особая молитва, глубоко трогательная, какъ всѣ богослужебныя творенія, принадлежащія перу, этого, обладавшаго особеннымъ помазаніемъ, русскаго святителя. Молитва эта была напечатана въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»—1854 г. (№ 98-й). Празднованіе основанія г. Одессы 22 Августа совпадало въ ту эпоху съ празднованіемъ воспоминанія священнаго вѣнчанія на царство Императора Николая Павловича. Поэтому—тогда для Одессы былъ вдвойнѣ праздникъ. Но въ 1854 г.—когда Одесса подверглась бомбардировкѣ — 10-го Апрѣля празднованіе въ Одессѣ 22 Августа было особенно торжественно и умирительно. Поэтому-то редація «Одесск. Вѣстника» и сочла приличнымъ напечатать на страницахъ своей газеты эту трогательную молитву, чтобы она, послѣ слушанія ея на площади, — была также еще и читаема и перечитываема въ тѣ грозные дни посѣщенія Божія **).

---

*) «Одесскій Вѣстникъ» 1853—статья: „О новоучрежденномъ крестномъ ходѣ изъ Херсона въ г. Николаевъ съ чудотворною иконою Богоматери Касперовской—(29 Іюня) №№ 86 и 87.

**) Объ этой молитвѣ „Одесск. Вѣстникъ“ еще раньше—именно въ 1851 году, при описаніи крестнаго хода 22 Августа, говорилъ такъ: „Особенно трогательна минута въ семъ ходѣ бываетъ, когда по достиженіи Ришельевской

Молитву эту, какъ неизвѣстное еще твореніе Иннокентія, мы сообщаемъ ниже цѣликомъ.

Другая идея, которою вдохновляется Архіепископъ Иннокентій, по назначеніи своемъ на кафедру Херсонскую и Таврическую,—это было возставленіе древнихъ святыхъ мѣстъ въ Крыму, дотолѣ запущенныхъ, забытыхъ. На этой, дѣйствительно великой и святой идеѣ, онъ сосредоточивалъ особенно свое вниманіе до конца жизни своей и для осуществленія ея употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства. Крымъ—былъ у него постоянно на умѣ и на сердцѣ. О немъ, о поднятїи его забытыхъ христіанскихъ святынь, о созданїи на немъ «Русскаго Аѳона», онъ постоянно говорилъ и писалъ всѣмъ тѣмъ, кто только могъ быть полезенъ задуманному имъ предпрїятію. И какъ было ему не порадовать о древней Тавридѣ, откуда Россія озарилась свѣтомъ Христовой Вѣры, ему—Иннокентію, который имѣлъ такой могучій даръ живо проникать въ преданія глубокой старины церковной и достаточно пользоваться имъ для назиданія и утѣшенія вѣрующихъ, и сердце котораго такъ сильно билось для славы и величія Россїи и народа славяно-русскаго^{2*)}). Не мѣсто теперь говорить подробно о томъ, какъ

площади, на горѣ между городомъ и моремъ, вся волнующаяся необъятная масса народа вдругъ утихаетъ и преклоняетъ колѣна для слушанія молитвы, которая въ это время на возвышенномъ амвонѣ произносится архипастыремъ. Кто можетъ не участвовать всею душою въ такой молитвѣ... Начинающійся за симъ громъ орудій съ земли и моря служитъ какъ бы отвѣтомъ свыше на эту молитву". „Одесск. Вѣстн." 1851 г. № 67, 22 Августа.

*) На дѣло возстановленія старинныхъ Крымскихъ святынь Иннокентій жертвовалъ между прочимъ и доходы съ продажи своихъ сочиненій. Такъ, въ фельетонѣ „Одесскаго Вѣстника", за 1851 г. № 22, на видномъ мѣстѣ, напечатана замѣтка подъ заглавіемъ: „Духовно-назидательныя книги". Здѣсь перечисляются нѣкоторыя сочиненія Иннокентія съ указаніемъ тогдашней цѣны ихъ и дѣлается редакціею приглашеніе относительно ихъ приобрѣтенія. Мы выпишемъ здѣсь эту любопытную замѣтку сполна.

Въ соборной книжной лавкѣ и въ правленїи архіерейскаго дома въ Одессѣ, продаются, недавно полученные, слѣдующія книги:

- 1) Великій постъ, или Вѣсѣды на святую четыредесятницу—цѣна 2 р. с.
- 2) Паденіе Адамово, или Вѣсѣды на святую четыредесятницу—цѣна 1 р. 50 коп. сер.
- 3) Страстная седмица—цѣна 1 р. 25 к.
- 4) Слова къ паствѣ Харьковской—2 тома, ц. 3 р. с.
- 5) Акаѳисты: Страстямъ Господнимъ—ц. 1 р. с.
- 6 „ Покрову Богородицы—ц. 1 р. с.

Иннокентій постепенно достигъ осуществленія своихъ великихъ замысловъ. Для насъ въ настоящее время важно сказать, что этому, горячо интересовавшему его дѣлу, онъ посвящалъ статьи и въ мѣстной, Одесской, печати. Такъ именно: одну такую статью онъ напечаталъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1851 года—подъ заглавіемъ «О Крымскомъ источникѣ Св. Козмы и Даміана» (№ 66-й), а—другую—въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1852 г. подъ заглавіемъ: «Новооткрытый Успенскій Бахчисарайскій Скитъ» (№№ 15, 16, 17 и 18-й). Обѣ статьи появились безъ подписи имени автора; а потому и принадлежность ихъ Иннокентію, сначала извѣстная лишь не многимъ,—съ теченіемъ времени, съ кончиною современниковъ Иннокентія, близко знавшихъ его, совсѣмъ исчезла изъ обще-литературнаго, такъ сказать, инвентаря. Прочитавши эти статьи, мы по одному уже внутреннему ихъ содержанию и строю, по манерѣ изложенія, признали ихъ несомнѣнно Иннокентіевскими. Хотя дѣло касалось предмета, весьма близкаго и дорогого для Иннокентія, — но нигдѣ онъ

---

7) Акаѣсты Гробу и Воскресенію Господню— ц. 1 р. с.

8) „ Пресвятой Троицѣ—ц. 1 р. с.

деньги за сіи книги предназначены на устройство въ Крыму новооткрытаго Скита Успенскаго.

Обращаемъ особенное вниманіе читателей на возвѣщаемую здѣсь продажу духовно-назидательныхъ книгъ, сочиненій именитаго нашего архипастыря. Творенія преосвященнаго Иннокентія составляютъ украшеніе не только духовной нашей словесности, но и русской литературы вообще. Въ нихъ сосредоточены плоды духовнаго созерцанія высшихъ религіозныхъ и нравственныхъ истинъ и глубокаго мышленія ума свѣтлаго и обогащеннаго глубокою ученостію; и вмѣстѣ съ тѣмъ, заключающіяся въ нихъ душеспасительныя поученія изложены простымъ, общепонятнымъ и увлекательно изящнымъ русскимъ языкомъ, какимъ владѣютъ весьма немногіе изъ нашихъ писателей. Чтенія словъ преосвященнаго Иннокентія, не смотря на важность ихъ содержания, доставляетъ истинное наслажденіе, и по мысли, и по слогу. Акаѣсты его принадлежатъ, безспорно, къ лучшимъ образцамъ духовно-славянскаго краснорѣчія.

Въ настоящемъ объявленіи творенія нашего преосвященнаго архипастыря приобрѣтаютъ еще большую цѣну назначеніемъ, какое дано выручкѣ отъ ихъ продажи въ Одессѣ. Эта выручка обращена къ облегченію осуществленія одной изъ прекраснѣйшихъ идей его же—возсоздать древнія святыни и, развитіемъ ихъ, образовать новый Аѳонъ русскій, на живописныхъ горахъ Крымскихъ. Кто изъ православныхъ сыновъ нашей церкви не пожелаетъ, приобрѣтеніемъ хотя нѣсколькихъ изъ указываемыхъ здѣсь твореній, принять участіе въ осуществленіи этой благочестивой и вмѣстѣ высоко-поэтической мысли?

не называетъ себя по имени, конечно изъ деликатной скромности. Вездѣ въ статьѣ даетъ подразумѣвать себя подѣ терминомъ: Епархіальное Начальство. Если-бы писалъ статьи эти не Иннокентій, а кто-нибудь другой, онъ почелъ-бы непремѣннымъ долгомъ своимъ назвать по имени знаменитаго уже тогда Одесскаго Архипастыря и воздать ему долгъ чести и благодарности за труды его по возстановленію Крымскихъ святынь *). Но мы можемъ представить и внѣшнія доказательства принадлежности означенныхъ статей Иннокентію. Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1897-й—Сентябрь—въ статьѣ подѣ заглавіемъ: «Изъ бумагъ А. Г. Троицкаго» напечатано, между прочимъ, письмо Архіепископа Иннокентія Борисова отъ 12 Февраля 1852 г. къ Александру Григорьевичу Троицкому, бывшему въ то время редакторомъ «Одесскаго Вѣстника». Вотъ это, важное для насъ въ настоящемъ случаѣ, письмо: «Съ Великимъ и Святымъ Постомъ!—Для постныхъ дней—вотъ вамъ и постныхъ сухарей! Не напрасно заставилъ я сходить эту тетрадь въ Бахчисарай: оказались, какъ видите, нѣкоторыя невѣрности,

*) Вотъ, напр., въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ (1853 г. № 49) напечатана статья: „Основанія скитовъ въ окрестностяхъ г. Севастополя во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра и св. Климента, папы Римскаго, и освященіе ихъ“. Статья подписана З. А. (очевидно Захарій Андреевичъ Аркасъ, севастопольскій морякъ-археологъ, членъ одесскаго Общества Исторіи и древностей съ 1846 года; сконч. въ 1864 г.). Сказавши сначала о прошломъ окрестностей Севастополя,—З. А. затѣмъ говоритъ: „Преосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, имѣя въ виду учредить въ Россіи скиты на подобіе Леонской Горы, избралъ изъ заслуживающихъ болѣе вниманія церквей: въ Херсонисѣ—среднюю, въ которой крестился Великій Князь Владиміръ; въ Пинкерманѣ—находящуюся на лѣвой сторонѣ рѣчки Черной; также въ Южной части Крыма—въ Бахчисараѣ—Успенія Богородицы; въ имѣніи г-на Фицкаго—св. Анастасіи; близъ горы Чатырь-дага—Козмы и Даміана, и въ Судакѣ—церковь Іоанна Предтечи и представилъ о томъ святѣйшему Синоду. Мнѣніе его удостоилось Высочайшаго разрѣшенія, и нынѣ приступлено къ возобновленію означенныхъ храмовъ. Въ Бахчисараѣ устроенъ главный скитъ—и назначенъ архимандритъ Поликарпъ, который имѣетъ надзоръ за всѣми скитами или киновіями. Скитъ Успенскій и св. Анастасіи окончены въ прошедшемъ 1851 г. и въ нихъ идетъ служеніе Божіе; Козмы и Даміана и Іоанна Предтечи—скоро будутъ окончены; Херсонесскій во имя св. Владиміра, требующій построения церкви съ самаго основанія, еще не начатъ, по причинѣ составления плана, который требуетъ многихъ соображеній; но чтобъ не терять времени, назначенный въ этотъ скитъ іеромонахъ Василій, съ дозволенія архіепископа Иннокентія, выстроилъ, приношеніемъ христіанъ, прекрасную временную церковь во имя св. Владиміра и напротивъ ея воздвигаетъ четыре ке-

кои теперь исправлены. Если возможно, я просилъ-бы васъ велѣть набрать печатно это поскорѣе, дабы можно было описание Скита послать вмѣстѣ съ прочимъ въ Венецію*), что должно быть къ слѣдующему пароходу. Въ «Вѣстникѣ» статья можетъ, пожалуй, явиться и послѣ. Такимъ образомъ мы избавились бы тогда описывать въ письмѣ сей Скитъ для Великаго Князя Константина Николаевича, по его желанію знать о немъ. Февраль 12, 1852 г.».— Дѣло очевидно идетъ въ письмѣ этомъ о статьѣ: «Новооткрытый Успенскій Бахчисарайскій Скитъ» помещенной въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» отъ 20, 23, 27 Февраля и отъ 1 Марта—именно въ первые дни Великаго Поста въ томъ-же 1852 году (№№ 15, 16, 17 и 18-й).—Что статья эта принадлежала Иннокентію, хотя была и безъ его подписи,—табъ поняли это и современники, нѣкоторые корреспонденты Иннокентія. Вотъ, на примѣръ, что, между прочимъ, писалъ Иннокентію извѣстный Святогорецъ (іеромонахъ Серафимъ) изъ Аѳона отъ 10-го Апрѣля 1852 г.: Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» я читалъ исторію вашего прекраснаго Аѳона Крымскаго. Не думаю, чтобы обмануло меня сердечное чувство: кажется «это—вашъ трудъ, потому что

ли; Инкерманскій скитъ, во имя св. Климента папы Римскаго, оконченъ, иждивеніемъ почетныхъ гражданъ Алексія и Іоанна Красильниковыхъ. Скитъ этотъ—въ прекрасной Инкерманской долинѣ, въ отвѣсной каменной скалѣ, имѣющей высоту до 20 сажень отъ поверхности воды, устроенъ фронтономъ съ окнами; посрединѣ—дворъ съ желѣзнымъ балкономъ, и на верху—древнее укрѣпленіе Феодора съ стѣнами и башнями; съ боку—каменная крытая лѣстница, по которой сходятъ сначала въ церковь, а потомъ—въ укрѣпленіе. По лѣвую сторону лѣстницы высѣчены въ скалѣ гробницы, въ коихъ лежатъ кости древнихъ христіанъ; потомъ идетъ келія для іеромонаха; далѣе—два придѣла, и наконецъ—входъ въ самую церковь, въ которой могутъ стоять болѣе 100 человекъ, и въ ней находятся изсѣченные въ камнѣ антресоли и съ боку корридоръ; послушники же имѣютъ при входѣ на лѣстницу высѣченныя въ скалѣ келіи, а у подошвы горы, подъ колодеземъ, предполагаютъ выстроить каменную часовню во имя св. Мартина. Скитъ этотъ отстоитъ отъ Севастополя въ 7 верстахъ, а Херсонисскій—въ 2 верстахъ». Въ заключеніе З. А. говоритъ объ освященіи скитовъ.—Инкерманскаго (24 Февраля 1853 года) и Херсонисскаго—(28 Февраля того же года). Архимандритомъ Поликарпомъ и высказываетъ по этому поводу чувства радости и христіанской надежды на великую пользу отъ этихъ обновленныхъ обителей.

*) Тамъ пребывалъ въ это время Великій Князь Константинъ Николаевичъ, по мысли коего и составлено было Иннокентіемъ описаніе Успенскаго скита.

нельзя читать статьи безъ увлеченія и безъ сочувствія. Одного только недоказано въ ней: будутъ-ли допускаемы въ Крымскій Аѳонъ жены для богомолья? Это — одно изъ существенныхъ условій совершенно безмятежной пустынной жизни. А какъ-бы мнѣ хотѣлось побывать въ Крыму, на Успенской скалѣ! *) Такимъ образомъ, относительно принадлежности Иннокентію статьи «Одесскаго Вѣстника» 1852 г. «Новооткрытый Бахчисарайскій Успенскій Скитъ» мы имѣемъ свидѣтельство и самаго автора ея—Иннокентія, и одного изъ его корреспондентовъ. О другой статьѣ: «О Крымскомъ источникѣ Св. Козмы и Даміана.»—мы пока не можемъ представить такихъ вѣсскихъ виѣшнихъ доказательствъ, а должны довольствоваться одними лишь внутренними ея качествами, которыя безусловно—все тѣже, что и въ статьѣ «объ Успенскомъ Скитѣ», подлинность которой безспорно доказана: тѣмъ-же точно авторъ ея (Иннокентій) скрываетъ свою личность подъ именемъ Епархіальнаго Начальства, и также точно онъ, для историческихъ показаній о трактуемомъ предметѣ, пользуется свѣдѣніями отъ Престарѣлаго Бахчисарайскаго Протоіерея грека Спиранди **).

Обновляя древнія забытыя христіанскія святыни Крыма,—Иннокентій имѣлъ задачи, конечно, больше церковно-практическія, чѣмъ научно-археологическія. Но вообще, какъ и въ прежніе годы, на прежнихъ мѣстахъ жизни и службы онъ и въ Одессѣ очень интересовался чисто научными археологическими разслѣдованіями... Въ немъ живо билась археологическая жилка, получившая твердую основу для себя еще въ Кіевскій періодъ его жизни. Въ одномъ письмѣ изъ Одессы онъ такъ говоритъ о своихъ занятіяхъ археологіей: «Меня одолѣли археологическіе помыслы. Не только всѣ старыя затѣи лѣзутъ въ глаза, но и новыя предположенія готовы вспорхнуть цѣлымъ стадомъ. Я хлопочу провѣдать теперь,

---

*) См. „Христіанское Чтеніе“—1887 г. Январь—Февраль: „Письма съ Востока къ преосвященному Иннокентію, архіеписк. Херсонскому“ стр. 290.

**) Мы подмѣтили въ обоихъ статьяхъ одну мелкую, но характерную особенность Иннокентіевскаго слововыраженія. Слово „который“—Иннокентій употребляетъ только въ именительномъ падежѣ единственнаго числа, во всѣхъ родахъ; въ косвенныхъ же падежахъ единственнаго числа и во всѣхъ падежахъ множественнаго числа всѣхъ родовъ онъ любитъ употреблять эти мѣстоименія сокращенно: коего, коей, коимъ, кои, для коихъ, коими и проч.—Это замѣтно и въ прочихъ его сочиненіяхъ...

нѣтъ-ли чего для нашей церковной исторіи въ патриаршемъ Константинопольскомъ архивѣ: вѣдь по теоріи тамъ многое должно быть особенно о Крымской Іерархіи“ Изъ указанныхъ нами статей его въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» видно, съ какою ревностною любовію онъ собиралъ отъ Крымскихъ сторожиловъ преданія о христіанскихъ мѣстныхъ древностяхъ. Къ такимъ-же археологическимъ розысканіямъ въ Крыму онъ возбуждалъ и другихъ. Не разъ онъ обращалъ вниманіе генералъ губернатора князя Воронцова на необходимость ученыхъ изысканій въ Херсонесѣ, и вслѣдствіе его инициативы графъ А. С. Уваровъ еще въ 1853 г. производилъ тамъ раскопки, въ качествѣ уполномоченнаго Московскаго Археологическаго Общества, сообщая о каждомъ своемъ дѣйствиіи Иннокентію, какъ Епархіальному Начальнику, собственнику мѣстности, въ которой происходили изысканія. Съ результатами своихъ собственныхъ личныхъ археологическихъ розысканій Иннокентію всего естественнѣе было примкнуть къ существовавшему уже въ Одесѣ «Одесскому Императорскому Обществу Исторіи и Древностей», которое издавало чрезъ извѣстные промежутки времени свои Записки. Для Иннокентія это было даже, нѣкоторымъ образомъ, и обязательно, — такъ какъ еще съ 12 Апрѣля 1840 года онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Одесскаго Общества Исторіи Древностей, будучи избранъ единогласно въ это званіе на основаніи предложенія Почетнаго Президента Общества графа М. С. Воронцова, Президента Княжевича и дѣйствительнаго Члена извѣстнаго писателя Н. И. Надеждина. Вотъ, переселившись въ Одессу, ознакомившись нѣсколько съ мѣстной топографической стариной и сдѣлавши нѣкоторыя археологическія изысканія въ мѣстности принадлежавшаго къ Херсонской Епархіи Крестовоздвиженскаго Бизюкова монастыря, — Иннокентій въ 1852 г. представилъ въ Общее Собраніе Исторіи и Древностей статью свою подъ заглавіемъ: «Краткое свѣдѣніе о такъ называемомъ «Печенѣжскомъ Городкѣ», находящемся въ Херсонской губерніи и уѣзда близъ Крестовоздвиженскаго Бизюкова монастыря, съ приложеніемъ чертежа». Общество въ засѣданіи своемъ 24 Апрѣля 1852 г., заслушавъ представленную статью дѣйствительнаго члена Иннокентія Архіепископа Херсонскаго, постановило: «передать (отчетъ съ другими 3-мя статьями) въ издательствѣ (sic!).

комитетъ». Но прочія статьи современемъ явились въ Запискахъ Общества, а статья Иннокентія—никогда въ нихъ не появлялась. И что съ нею сдѣлалось,—неизвѣстно *). И послѣ того—пока секретаремъ общества и затѣмъ его вице-президентомъ былъ Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ—(до 1883 г.) ни одной Иннокентіевской строчки не напечатано въ Запискахъ Общества. И когда Иннокентій умеръ,—то и некролога его не появилось въ Запискахъ, не смотря на то, что въ обществѣ, съ самаго начала его основанія, установился обычай печатать въ Запискахъ Общества некрологи скончавшихся его членовъ—не только такихъ знаменитыхъ, какимъ былъ Иннокентій,—но и болѣе скромныхъ и малоизвѣстныхъ! Мы объяснимъ этотъ странный и печальный фактъ въ литературной исторіи Иннокентіевскаго имени, не столько простою случайностію, сколько личною не расположенностію къ Иннокентію Н. Н. Мурзакевича, бывшаго до конца своей жизни абсолютнымъ распорядителемъ «Записокъ» общества... Эта нерасположенность нашла себѣ выраженіе потомъ и въ собственныхъ посмертныхъ «Запискахъ Н. Н. Мурзакевича», напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1888—1889 г., гдѣ объ личности Иннокентія сдѣланъ, на сколько помнится намъ, очень неблагопріятный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже рѣзко—унизительный отзывъ **).

*) О сообщенной Иннокентіемъ статьѣ мы прочитали въ протоколахъ «Одесскаго Общества Исторіи и древностей», напечатанныхъ въ № 58 «Од. Вѣстника» за 1852 г.—отъ 23 Іюля. Какова судьба этой статьи? Вѣроятно она хранится въ архивѣ «Одесскаго Общества Исторіи и древностей» и слѣдовало бы сдѣлать попытку къ розысканію ея. (Бизюковъ монастырь—въ 20 верстахъ отъ г. Берислава (стариннаго Кизикермена) на Днѣпрѣ. Кромѣ прекраснаго мѣстоположенія, монастырь этотъ вообще очень интересенъ въ архелогическомъ отношеніи. Одна изъ его церквей построена еще запорожцами по очень оригинальному плану съ тремя куполами въ одной прямой линіи. См. «Настольная книга для священно-служителей» С. В. Булгакова. Изд. 2-е. Харьковъ 1900. Отд. Историко-Статистическій—стр. 106). Такъ же точно въ протоколахъ того же «Од. Общества Ист. и древн.», напеч. въ 25 № «Од. Вѣстн.» за 1852 г., значится, что «секретарь представилъ сообщенный ему дѣйств. членомъ Иннокентіемъ, архіеписк. Херсонскимъ, турецкій султанскій фирманъ» и что общество поручило вице-президенту своему Негри—разсмотрѣть и перевести по русски этотъ фирманъ. Но въ «запискахъ» Общества мы не нашли никакихъ слѣдовъ этого фирмана...

***) Возраженіе на этотъ отзывъ появилось въ «Странникѣ» 1889 г. подъ заглавіемъ: «Опроверженіе клеветы. Отвѣтъ на статью Мурзакевича объ Иннокентіи въ «Русской Старинѣ».

Мурзакевичъ больше благоволилъ къ предшественнику Иннокентія на Одесской кафедрѣ—Архіепископу Гавріилу Розанову, тоже большому любителю древностей, и съ удовольствіемъ печаталъ его изслѣдованія по исторіи Новороссійскаго края, а равно помѣстилъ въ запискахъ общества его некрологъ, а въ посмертныхъ запискахъ своихъ сдѣлалъ о его личности и его административной дѣятельности очень сочувственный отзывъ *). Какъ-бы тамъ ни было, — но такое игнорированіе личности Иннокентія и его археологическихъ трудовъ и попытокъ со стороны «Одесскаго общества исторіи древностей» было тѣмъ болѣе не умѣстнымъ, что въ эту именно эпоху жизни Иннокентія его избрали въ свои почетные члены «Русское Географическое Общество» и «Императорское Археологическое Общество» въ Петербургѣ. Въ отвѣтномъ благодарственномъ письмѣ своемъ отъ 7-го Іюня 1851 г. предсѣдателю географическаго общества (Великому Князю Константину Николаевичу), Иннокентій говоритъ, между прочимъ: «я всегда готовъ къ услугамъ его (географическаго общества) и съ удовольствіемъ приму всякое, возможное для меня, порученіе, особенно касательно края нашего, который, при всѣхъ разнообразныхъ описаніяхъ его, еще такъ много заключаетъ въ себѣ неописаннаго и неразслѣдованнаго. Недавно составленный мною здѣсь духовно-ученый комитетъ—для описанія здѣшней епархіи—будетъ для меня въ семъ случаѣ постояннымъ и благонадежнымъ помощникомъ». А въ благодарственномъ отвѣтѣ вице-президенту археологическаго общества (графу Д. Н. Блудову)—въ Февралѣ 1852 г., Иннокентій дѣлаетъ слѣдующія любопытныя признанія на счетъ своихъ занятій археологіей:

*) Еще прибавимъ по этому поводу. Изъ протоколовъ засѣд. „Одесск. Общества Исторіи и древн.“, напечатанныхъ въ № 39 „Од. Вѣстн.“ за 1854 г., мы узнаемъ, что Иннокентій представилъ Обществу еще одну статью—подъ заглавіемъ: „Записка о раскопкахъ, производимыхъ въ развалинахъ древняго Херсониса“.—Въ тѣхъ же протоколахъ сказано, что секретарь Общества (Н. Н. Мурзакевичъ) представилъ списокъ статьямъ, разновременно доставленнымъ въ Общество его членами, которыя могутъ войти въ составъ четвертаго тома „Записокъ“ Общества. Въ числѣ этихъ статей названы и упомянуты двѣ статьи Иннокентія—именно: одна—о Печенѣжскомъ городкѣ, а другая—о раскопкахъ въ развалинахъ Херсониса.—Но четвертый томъ „Записокъ“ вышелъ, а статей Иннокентія въ немъ не появилось!... Неделикатность эта по отношенію къ личности Иннокентія сгладилась лишь тѣмъ, что этотъ 4 томъ вышелъ только въ 1858 г., когда Иннокентія уже не было въ живыхъ!...

«Хотя мнѣ, по самому званію моему, издавна принадлежитъ къ занятію другого рода археологіи, начало коей сокрывается у древа познанія добра и зла, — та священная археологія, которая не отыскиваетъ только слѣды первобытнаго образа Божія въ человѣкѣ, а и старается благодатнымъ дѣйствіемъ креста Христова возстановляетъ ихъ въ первую лѣпоту и совершенство: но и всѣ прочія древности, къ какому-бы роду ни принадлежали онѣ, никогда не чужды слугителя Евангелія, уже потому самому, что тѣмъ или другимъ образомъ, но всегда напоминаютъ собою о томъ-же самомъ, о чемъ не рѣдко онъ долженъ возвѣщать, т. е. о нынѣшней бренности всего земнаго и о необходимости паки—бытія и обновленія. Съ сей точки зрѣнія смотрѣлъ я всегда на изысканія археологическія и съ удовольствіемъ предавался имъ, сколько позволяли время и обстоятельства. Настоящій край пребыванія моего тѣмъ паче не могъ ослабить во мнѣ охоты къ изслѣдованію древностей; потому что весь покрытъ всякаго рода развалинами. Занятія дѣлами новой, разнообразной и обширной епархіи не позволяли мнѣ доселѣ предаться вполнѣ отчетливому собесѣдованію съ мѣстною стариною; но не однократныя посѣщенія всѣхъ классическихъ въ семъ отношеніи мѣсть ея уже довольно ознакомили меня съ нею, такъ что съ продолженіемъ времени, если дастъ Господь здоровья и силъ, я не отчаиваюсь представить почтенному обществу хотя малые плоды моихъ изысканій, дабы не всуе носить имя его Почетнаго Сочлена *)».

---

*) Выдержки изъ этихъ отвѣтныхъ писемъ Иннокентія, мы заимствуемъ изъ сообщенія протоіерея о. Сергія В. Петровскаго, прочитаннаго 15 Декабря 1900 г. въ засѣданіи „Одесскаго Общества исторіи и древностей“ и затѣмъ напечатаннаго въ XXIII томѣ Записокъ общества. Въ этотъ день „Одесское Общество исторіи и древностей“ все засѣданіе свое посвятило памяти своего бывшаго члена Архіепископа Херсонскаго Иннокентія—по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія... Этимъ торжественнымъ засѣданіемъ Общество дало, такъ сказать, удовлетвореніе за ту ничѣмъ не оправдываемую холодность, съ которою оно, при прежнихъ своихъ руководителяхъ, относилось къ личности знаменитаго Одесскаго архипастыря... Предъ началомъ засѣданія членами общества протоіереями М. Ѡ. Чеменою, В. Н. Никифоровымъ и о. С. В. Петровскимъ была отслужена панихида по Иннокентію. За тѣмъ прочитано было очень интересное сообщеніе С. В. Петровскаго подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя исправленія и дополненія къ „Послужному списку“ Иннокентія, архіепископа Херсоно - Таврическаго, изданному М. П. Погодинымъ“. Охарактеризовавши кратко, но выпукло, археологическую дѣя-

Совсѣмъ иначе, чѣмъ Н. Н. Мурзаевичъ, относился къ трудамъ Иннокентія тогдашній редакторъ «Одесскаго Вѣстника» Александръ Григорьевичъ Тройницкій. Онъ считалъ украшеніемъ для своего изданія посылаемыя ему Иннокентіемъ такія или иныя литературныя произведенія. Поэтому онъ съ великимъ удовольствіемъ помѣщалъ у себя, между прочимъ, — слова и рѣчи Иннокентія, которыя сдѣлались животрепещущими особенно въ эпоху Крымской войны съ ея бомбардированіемъ Одессы и осадю Севастополя. Такимъ образомъ эти слова и рѣчи Иннокентія явились въ первый разъ на страницахъ «Одесскаго Вѣстника», а чрезъ это напечатанный здѣсь текстъ ихъ, а также разныя замѣтки о нихъ редакціи «Одесскаго Вѣстника» имѣютъ важное значеніе для бібліографа и для будущаго издателя сочиненій Иннокентія, который-бы захотѣлъ обставить свое изданіе различными объяснительными примѣчаніями, какъ это вообще принято при новомъ и основательномъ изданіи знаменитыхъ писателей *). Такъ, — въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1851 года

тельность Иннокентія—о. С. В. Петровскій обратилъ вниманіе общества на нѣкоторые документы Иннокентіевскіе, которые ему удалось собрать: это 1) отношеніе къ Иннокентію высшихъ и другихъ учреждений и обществъ—объ избраніи его въ почетные и дѣйствительные ихъ члены—въ числѣ 16-ти, причемъ на нѣкоторые изъ отношеній удалось найти и отвѣтныя письма Иннокентія; 2) документы о наградахъ архіепископу Иннокентію за его административные труды и достойное служеніе церкви—въ числѣ 5-ти и 3) два письма—одно Иннокентія къ профессору астрономіи А. Н. Савичу, производившему вмѣстѣ съ Иннокентіемъ наблюденія надъ солнечнымъ затмѣніемъ 16 Іюля 1851 г.,—а другое—къ Иннокентію—отъ баронессы Кампенгаузенъ—о ея готовности споспѣшествовать дѣлу обращенія въ православіе Крымскихъ татарокъ (отъ 24 Мая 1853 г.). Показавши историческое значеніе этихъ документовъ—и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые устанавливають точныя и историческія даты въ служебной жизни Иннокентія, о. С. В. Петровскій представилъ въ даръ обществу и самые документы, которые общество съ благодарностію опредѣлило напечатать.—Въ заключеніе засѣданія выслушано заявленіе протоіерея М. Ѳ. Чемены—о томъ, что на память объ Иннокентіи, онъ жертвуетъ обществу перламутромъ украшенную трость Иннокентія, сохранившуюся въ семействѣ тестя М. Ѳ. Чемены—протоіерея Николая Соколова, близкаго къ Иннокентію и по землячеству (Орловской губ.) и по близости къ Иннокентію другаго зятя своего протоіерея Андрея Логиновскаго. Общество постановило принести глубокую благодарность жертвователю, а трость передать для храненія въ музей Общества.

*) Недавно мы вотъ что прочитали объ изданіи проповѣдей Иннокентія—Вольфомъ: „Въ изданіи Вольфа есть много ошибокъ относительно мѣста, времени произнесенія Иннокентіемъ проповѣдей и времени появленія ихъ въ

въ № 52-мъ напечатана «рѣчь Иннокентія 17 Юня 1851 г. при заложени въ Одессѣ, на берегу морскомъ, часовни *)» Въ 1852 г. въ той-же части напечатано слѣдующее завѣдомо Иннокентіевское: 1) рѣчь при заложени новыхъ зданій для Ришельевского лица—17 Апрѣля 1852 г. (№ 37-й), 2) слово по случаю новоучрежденнаго крестнаго хода изъ селенія Касперовки въ Херсонъ,—произнесенное въ Херсонскомъ соборѣ въ 8 Мая 1852 г. (№ 45-й) и 3) рѣчь по освященіи цистерны при Одесскомъ кафедральномъ соборѣ въ пользу немущихъ—28 Апрѣля 1852 г. (№ 57). Последняя рѣчь сопровождается слѣдующимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ редакціи «Одесскаго «Вѣстника»: Въ про-

печати. Есть и такія грубыя погрѣшности въ этомъ изданіи, какъ напечатаніе одной и той-же проповѣди въ различныхъ мѣстахъ одного и того-же изданія. Нѣкоторыя изъ ошибокъ исправлены въ новомъ изданіи, но значительная часть ихъ остается по прежнему и ждетъ, когда рука ученаго, а не рука коммерческаго издателя разберетъ ихъ и издастъ въ надлежащемъ порядкѣ («Богосл. Вѣстникъ» 1903 г. Юнь—Августъ. «Журналы совѣта академіи» стр. 256-я).— Вотъ для такого-то ученаго изданія проповѣдей Иннокентія мы и хотимъ вложить свою лепту.

*) Кромѣ того, въ этомъ-же 1851-мъ году «Одесскаго Вѣстникъ» помѣщены въ разныхъ мѣстахъ замѣтки самой редакціи и ея корреспондентовъ о словахъ и рѣчахъ Иннокентія, произнесенныхъ имъ какъ въ Одессѣ, такъ и въ другихъ городахъ его паствы. Считаемо не лишнимъ привести здѣсь эти замѣтки. Такъ, въ № 41-мъ, въ письмѣ изъ Севастополя—отъ 9-го Мая, при описаніи погребенія извѣстнаго адмирала Михаила Петровича Лазарева, скончавшагося 11 Апрѣля въ Вѣнѣ, но перевезеннаго для погребенія въ Севастополь, какъ городъ бывший предметомъ особенныхъ попеченій почившаго,—говорится между прочимъ: «преосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, прибылъ въ эту-же ночь (5 Мая) на особомъ пароходѣ изъ Одессы, желая самъ участвовать въ отданіи послѣдняго долга чтимому имъ адмиралу. 6-го Мая, по окончаніи литургіи и произнесеніи преосвященнымъ Иннокентіемъ краткаго слова о необходимости вѣрованія въ жизнь загробную,—рѣшено было отложить окончаніе печальной церемоніи—перенесеніе праха на мѣсто вѣчнаго покоя—до слѣдующаго дня, дабы дать возможность каждому подойти ко гробу и помолиться за упокой усопшаго. На слѣдующій день 7-го Мая, по окончаніи литургіи, преосвященный Иннокентій высказалъ, въ краснорѣчивомъ словѣ, жизнь покойнаго и заключилъ утѣшительными изрѣченіями Евангельскими о нетлѣнной наградѣ, которая ожидаетъ за гробомъ людей, исполняющихъ долгъ свой; а покойный исполнялъ его свято отъ самой юности до послѣднихъ своихъ минутъ! Желалъ-бы я дать вамъ понятіе объ этомъ словѣ нашего архипастыря; но къ сожалѣнію, память моя мнѣ измѣняетъ, и я не могу передать вамъ его вполнѣ, а въ отрывкахъ оно потеряетъ все свое значеніе; надѣюсь, что скоро мы увидимъ его въ печати».— Въ № 49-мъ, въ редакціонной замѣткѣ подъ заглавіемъ: «Закладка церкви во

ломъ году мы извѣстили о намѣреніи гг. Завадскаго и Бодаревскаго, построить, по благой мысли и вызову преосвященнаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго цистерны, или каменные, обложенные итальянскимъ кирпичемъ, водоемы, для сохраненія дождевой воды, стекающей съ брышъ, при здѣшнихъ кафедральномъ Соборѣ и Срѣтенской церкви. Обѣ эти цистерны окончены нынѣшнею весною. При освященіи первой изъ нихъ—въ воскресенье 28 Апрѣля, преосвященный архипастырь произнесъ глубоко назидательную рѣчь, которою онъ намъ дозволилъ украсить столбцы «Одесскаго Вѣстника». Эта рѣчь незабвеннаго Одесскаго архипастыря имѣетъ, кромѣ своей назидательности, интересъ и для бытовой исторіи тогдашней Одессы... Теперь Одесса—благодаря прекрасному водопроводу изъ Днѣстра—

имя всѣхъ святыхъ Россійскихъ, въ Одессѣ 17-го Іюня" -- говорится между прочимъ: „По окончаніи молебствія и водруженіи храмозданнаго креста, преосвященный въ краткомъ словѣ изобразилъ поводъ къ созданію новаго дома молитвы, и указалъ на его особенное предназначеніе, состоящее въ томъ, что часовня сія должна служить къ совокупному помѣщенію св. иконъ, присланныхъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи на благословеніе нашему городу, по случаю учрежденія въ 1848 году ежегоднаго крестнаго хода, въ память основанія Одессы, за 50 лѣтъ передъ тѣмъ. При живомъ и поучительномъ словѣ архипастыря, иконы сіи, держанныя въ продолженіе молебствія на рукахъ священнослужителями, составляли умиленное духовное зрѣлище и производили во всѣхъ глубокое впечатлѣніе: ибо, кромѣ святости ликовъ, на нихъ изображенныхъ, онѣ представляли собою на этотъ разъ, можно сказать, всю, столь-же великую, какъ и православную, Россію. Для того, чтобы читатели могли сами въ нѣкоторой степени раздѣлить съ ними это впечатлѣніе, почитаемъ излишнимъ предложить здѣсь перечень сихъ иконъ, съ указаніемъ мѣстъ, откуда онѣ получены. Изъ Кіева: икона Успенія Богоматери, что въ лаврѣ Печерской, съ преподобнымъ Антоніемъ и Θεодосіемъ.—Изъ Новгорода: соборъ всѣхъ святыхъ Новгородскихъ и копія съ древнихъ иконъ преподобнаго Антонія Римлянина.—Изъ Москвы: Богоматери Іверской, Владимірской и Донской, и святителей и чудотворцевъ Московскихъ. — Изъ С.-Петербурга: списокъ Нерукотвореннаго Образа Спасителя, что въ домикѣ Петра I, Богоматери Казанской, Всѣхъ Скорбящихъ Радости и Александра Невскаго.—Изъ Пскова: преподобнаго Никандра и Саввы Крыпецкаго и благовѣрнаго князя Гавріила Псковскаго. Изъ Смоленска: Богоматери Смоленской.—Изъ Ярославля: Богоматери Толгской. Изъ Твери: свят. Арсенія, епископа Тверскаго и благовѣрнаго Князя Михаила.—Изъ Костромы: Богоматери Θεодоровской.—Изъ Чернигова: Богоматери Елецкой.—Изъ Могилева: Богоматери Братской.—Изъ Харькова: Богоматери Озерянской.—Изъ Тифлиса: св. равноапостольныя Нины, просвѣтительницы Грузіи, съ копіею ея креста.—Изъ Вологды: преподобнаго Корнилія Комельскаго.—Изъ Воронежа: святителя Митрофана.—Изъ Ростова: св. Димитрія Ростовскаго.—Изъ Тотьмы: преподобнаго Θεодосія Тотемскаго.—Изъ Иркутска: святителя Иннокен-

получила въ избыткѣ прѣсную воду и украсилась обильными древесными насажденіями—и на улицахъ своихъ, и на площадяхъ, и въ частныхъ садахъ при домахъ гражданъ, и въ роскошныхъ загородныхъ виллахъ богачей. А прежде—во времена Иннокентія—это была земля безводная, не смотря на то, что лежитъ при морѣ. Не говоря уже о томъ, что немислима была въ ней богатая и роскошная повсюдная растительность, украшающая теперь ее,—просто иногда трудно было въ ней достать чашу студеной воды, чтобы утолить томящую жажду—во время зноя. Пользовались обыкновенно тогда дождевой водой, для чего состоятельные люди устраивали при домахъ своихъ такъ называемыя цистерны. А бѣдныяки—положительно страдали отъ недостатка воды. Иннокентій, (его зоркій глазъ проникалъ во всѣ нужды и об-

тѣ Иркутскаго.—Изъ Почаева: Богоматери Почаевской.—Изъ Соловецкаго монастыря: преп. Зосимы и Савватія.—Изъ Великаго Устюга: св. Прокопія и Іоанна Юродивыхъ.—Изъ Константинополя: Богоматери живоноснаго источника.—Изъ Афона: Крестъ изъ трехъ дровъ: кедра, левка и кипариса.—Столько духовнаго богатства будетъ теперь на морской пристани нашей! Въ заключеніе скажемъ, что сооруженіе часовни съ храмомъ принялъ на себя г. отставной маіоръ Т. П. Драгутинъ, извѣстный всему городу нашему—какъ долговременною и весьма полезною службою своею, такъ и неутомимою христіанскою благотворительностію. Отъ всей души желаемъ успѣха его трудамъ, дабы скорѣе имѣть удовольствіе помолиться—въ возидаемомъ имъ новомъ храмѣ всѣхъ святыхъ Россійскихъ“. (Эта замѣтка редакціи „Одесскаго Вѣстника“ можетъ послужить наилучшимъ комментариемъ къ рѣчи Иннокентія 17 Іюня 1851 г. требующей вообще во многихъ мѣстахъ подстрочныхъ примѣчаній—для нынѣшнихъ читателей). Въ 50-мъ №, въ передовой редакціонной замѣткѣ говорится, что 25 Іюня въ день рожденія Государя Императора, въ кафедральномъ соборѣ, предъ окончаніемъ литургіи, преосвященный Иннокентій произнесъ краснорѣчивое соотвѣтственное празднуемому въ этотъ день всею Россіею торжеству, слово. Въ № 80-мъ въ „Письмѣ изъ Бердянска“ отъ 30 Октября — подписаннымъ буквою М., говорится, что этотъ городъ посѣтилъ преосвященный Иннокентій и пробылъ въ немъ отъ 29 Сентября до 2-го Октября, причемъ 1-го освятилъ вновь отдѣланный престолъ во имя Архистратига Михаила въ Вознесенскомъ соборѣ. „Посѣщеніе города Бердянска преосвященнымъ Иннокентіемъ—событіе замѣчательное въ лѣтописяхъ цвѣтущаго развитія нашего города. Слова мира и любви, обращенныя къ намъ высокимъ проповѣдникомъ, истекали прямо изъ души человѣка, преисполненнаго благодати, и вливались, такъ сказать, въ сердца наши. Кому неизвѣстна увлекательность его простаго, но весьма не многимъ даннаго въ удѣлъ, краснорѣчія? Кому незнакома необыкновенная въ немъ сила потрясать и приводить въ самоуглубленіе и самосознаніе всѣхъ и каждаго? Въ эти благоговѣйныя минуты назиданія—передъ нами, казалось, разливался тотъ тихій, животворный свѣтъ который озаряетъ умы, согрѣвая и обновляя сердца“.

стоятельства ввѣренной ему паствы),—скоро обратилъ вниманіе на эти страданія бѣдняковъ отъ безводія—и убѣдилъ нѣкоторыхъ богачей устроить водоемы дождевой воды—при церквахъ, для общаго пользованія. Радъ онъ былъ очень, когда его предложеніе объ этомъ было принято и исполнено—и эту свою радость высказалъ въ своей прекрасной рѣчи во время освященія водоема при Одесскомъ кафедральномъ соборѣ. «И такъ упованіе наше не посрамилось!» (Римл. V, 5),—такъ началъ онъ эту рѣчь. «Смотря на множество по стогнамъ града нашего людей, кои, во время зноя лѣтняго, истаеваютъ отъ жажды, и не имѣя возможности приобрѣсти чашу чистой и студеной воды, — принуждены утолять оную чѣмъ прилучится, — усматривая вмѣстѣ съ сямъ, какъ, во время хотя рѣдкихъ у насъ дождей, множество потоковъ водныхъ упадаетъ праздно съ храмовъ нашихъ на землю, — я, братіе, не разъ помышлялъ самъ съ собою: что если-бы собрать эту, безъ пользы падающую воду, при каждомъ храмѣ во-едино? Сколько-бы нищей братіи устудило ея во время зноя гортань и языкъ свой! И сколько-бы благословеній низошло на сіе на главу того, кто сдѣлалъ-бы это! — Но кто сдѣлаетъ? — Храмы наши, отъ коихъ всего скорѣе и ближе можно-бы ожидать подобнаго дѣла милосердія, по недавности существованія своего, сами не успѣли еще, какъ вѣдаете, удовлетворить собственнымъ своимъ нуждамъ и потребностямъ.—Въ числѣ согражданъ нашихъ многіе, бывъ благословенны избыткомъ имуществъ, весьма легко могли-бы сдѣлать это — безъ всякаго усилія и ущерба для себя: но станетъ-ли въ ихъ сердцѣ готовности на то и усердія?—Увы! Несчастное свойство земнаго богатства то, что оно не размягчаетъ сердца на добро, а дѣлаетъ его жесткимъ, самозаключеннымъ и подобнымъ въ безчувствіи тому металлу, коимъ обладаютъ богачи.. Развѣ—думалъ я,—обратиться за побужденіемъ на доброе дѣло въ семь случаевъ къ Евангелію и провозгласить въ слухъ всѣхъ обѣтованіе Спасителя: *иже аще напоитъ единого отъ малыхъ сихъ чашею студеной воды во имя Мое, аминь глаголю вамъ: не погубитъ мзды своея* (Матѣ. X, 42) *). Но что если и засимъ не явится ни единого благотворителя? Что, если слово Са-

*) Въ такомъ именно видѣ приведенъ этотъ текстъ изъ Евангелія Маттея.

мага Спасителя, отъ насъ провозглашенное, не произведетъ дѣйствія и прозвучитъ напрасно!—Непослужить-ли это для богатыхъ въ осужденіе и для всѣхъ къ стыду и печали?—Среди такихъ противоположныхъ чувствъ и мыслей находились мы, братіе, не малое время;—но вѣра въ силу и привлекательность добраго дѣла и упованіе на вашу сострадательность къ нуждамъ ближняго взяли верхъ у насъ надъ всѣми сомнѣніями... И вотъ, едва только успѣли мы сдѣлать провозглашеніе Евангельское; даже, можно сказать, еще не успѣли сдѣлать его и привести во всеобщую извѣстность, какъ уже явился христіолюбивый согражданинъ, который со всею охотою доброхотнаго дателя, его-же любить Богъ (2 Коринѣ. IX, 7)—принялъ на себя устройство сего кладезя:—и видите, какъ усердно исполнилъ свое дѣло!—И такъ упованіе наше не посрамилось!—Въ заключеніе рѣчи,—Иннокентій благодаритъ Бога, призываетъ благословеніе Божіе на жертвователя и высказываетъ желаніе, чтобы и при остальныхъ храмахъ Одессы явились подобныя же вмѣстителища потребной воды для бѣдняковъ, чтобы и объ Одессѣ можно было сказать съ дерзновеніемъ словами Пророка: жаждущіе идите на воду; и елицы не имате сребра;—шедшепійте безъ сребра и цѣны! (Исаія LA, 1.) *) Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1853 года не помѣщено было полностью ника-

---

*) Кромѣ того въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1852 года помѣщены редакціонныя замѣтки о словахъ и рѣчахъ Иннокентія, какъ напечатанныхъ въ этой же газетѣ, такъ и ненапечатанныхъ въ ней. Приводимъ здѣсь эти замѣтки. Въ № 31, въ передовой статьѣ о закладкѣ новаго зданія для помѣщенія Ришельевского лица—17 Апрѣля, говорится между прочимъ, что на мѣстѣ сооруженія новаго лицейскаго зданія, гдѣ Херсонская и Елизаветинская улица пересѣкаются Дворянскою (здѣсь теперь помѣщается Новороссійскій университетъ), „послѣ краткой литіи и водоосвященія, преосвященный Иннокентій произнесъ слово, въ которомъ съ обычнымъ ему краснорѣчіемъ, выразилъ общія вѣрноподданническія чувства благодарности къ Государю Императору, Высокому Покровителю просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, просвѣщенія основаннаго на чистой вѣрѣ и любви къ Монарху и закону“. Въ самомъ словѣ или рѣчи Иннокентія, помѣщенной цѣликомъ въ № 37,—замѣчательныя слѣдующія слова: „...Что значило бы основаніе дома самаго знаменитаго вельможи, самаго роскошнаго богача? Одно простое событіе,—можетъ быть и самое важное въ его частной жизни,—неболѣе: а основаніе зданій для вертограда наукъ, тѣмъ паче высшго, каковъ здѣшній,—есть немаловажное событіе для цѣлаго края. Тутъ невольно переносишься мыслию въ будущее; воображаешь вліяніе того, что совершается, на многіе роды и поколѣнія; восходишь къ помысламъ о судьбѣ цѣлаго отечества...“ Въ № 33, въ передовой замѣткѣ, го-

нихъ Словъ и рѣчей Иннокентія; но за то въ нѣкоторыхъ №№ газеты упоминается объ ихъ произнесеніи Одесскимъ Архипастыремъ. Для будущаго издателя сочиненій Иннокентія мы считаемъ не лишнимъ сообщить эти газетныя отмѣтки. Въ № 76 отъ 7-го іюля—въ редакціонной замѣткѣ о происходившей 5-го іюля хиротоніи Настоятеля Крымскихъ Свитовъ Архимандрита Поликарпа во Епископа Одесскаго,

говорится, что 23 Апрѣля, въ день тезоименитства Государыни Императрицы, въ Свято-Александринской церкви Одесскаго института благородныхъ дѣвицъ, преосвященный Иннокентій на литургіи „произнесъ исполненное глубокаго духовнаго смысла слово о тройственномъ праздествѣ сего дня“. Обширное и въ высшей степени трогательное по искренности своей слово Иннокентія по случаю новоучрежденнаго имъ крестнаго хода съ иконою Богоматери Касперовской изъ селенія Касперовки въ г. Херсонъ, напечатанное цѣликомъ въ № 45,—произнесено было въ Херсонѣ въ день Вознесенія Господня изъ текста Луки XXIV, 50—51 ст. и начинается знаменитыми словами: „Сынъ на небо, а Матерь—къ намъ!... Тамъ—единонадесятъ апостоловъ со слезами сопровождаютъ Отходящаго; а здѣсь цѣлый городъ съ веселіемъ и торжествомъ срѣтаетъ Пришедшую...“ Въ этомъ словѣ Иннокентій раскрываетъ тѣ причины, которыя побудили его ходатайствовать предъ высшимъ церковнымъ правительствомъ объ учрежденіи новаго ежегоднаго крестнаго хода (какое учреждение послѣдовало по опредѣленію Св. Синода отъ 12 Января 1852 года). Въ этомъ словѣ со всею полнотою выражается та сила глубокой вѣры и любви, которой исполнена была душа Иннокентія къ лицу Богоматери... Вотъ какъ въ концѣ слова онъ обращается къ Пречистой лично отъ себя: „Чѣмъ, наконецъ, возблагодарить Тебя, Препоблагословенная Дѣво, мнѣ, коего, при всѣхъ духовныхъ немощахъ его и недостойнствѣ, Ты соблаговолила избрать толикократно какъ бы въ особенное послуженіе дивнымъ ликамъ Твоимъ? За Тобою шель я нѣкогда, когда Ты воздвиглась изъ Богоспасаемаго града Ахтырки—на ежегодное посѣщеніе горы Ахтырской и новоучреждаемой тамъ обители Св. Троицы; Тебя срѣталъ я грядущую изъ Лавры Печерской на благословеніе новаго пустынножителства на берегу Донца; Твоимъ дивнымъ ликомъ изъ обители Куряжской осѣнялъ я столько разъ благословенныя высоты Харькова; отъ Тебя, какъ вѣрую,—ибо въ Твоемъ храмѣ,—пріялъ я мысль освятить крестнымъ хожденіемъ стогны Одесскіе; и се нынѣ, начиная посѣщать градъ сей, Ты паки благоволила низойти на мои слабыя руки! За толикія милости что воздамъ Тебѣ, Владычице? точію какъ прежде прославлялъ, такъ и всегда буду прославлять великолѣпное имя Твое; какъ прежде глашалъ, такъ и до конца жизни моей буду возглашать предъ всѣми, радуясь, чудеса Твоя... Въ день настоящаго торжества Твоего, дерзнули молить Тебя еще о единомъ? Якоже удостоила Ты меня срѣтать и провождать толико разъ чудотворныя изображенія Лица Твоего на землѣ; тако, сподоби узрѣть самое божественное лицо Твое и пасть къ стопамъ Твоимъ тамъ,—куда взошелъ нынѣ съ Елеона Вожественный Сынъ Твой. Аминь“. Въ № 51, въ передовой замѣткѣ, говорится, что 25 Іюня, въ среду, въ день рожденія Государя Императора, преосвященный Иннокентій въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ на

Викарія Херсонской Епархіи,—говорится, между прочимъ: „По окончаніи литургіи высокопреосвященный представитель Херсонско Таврической Епархіи, вручивъ Пастырскій жезлъ вновь посвященному викарію своему,—произнесъ къ нему, согласно уставу церковному, назиданіе о возлагаемыхъ на него, по соучастіи въ управленіи сею Епархіею, священныхъ обязанностяхъ, запечатлѣнное тѣмъ глубоко-духовнымъ смысломъ и тѣмъ высокимъ краснорѣчіемъ, какимъ всегда отличаются слова именитаго нашего Преосвященнаго Витія *). Въ № 87-мъ, при описаніи крестнаго хода изъ Херсона въ Николаевъ, о которомъ мы уже упоминали выше, авторъ

литургіи „произнесъ исполненное глубокаго смысла и краснорѣчія слово о значеніи и важности дня рожденія государей для каждаго народа, и преимущественно для Россіи, коей Провидѣніе даровало рядъ Государей, дивно возвеличившихъ и упрочившихъ ея славу и благоденствіе“. Въ № 67, въ редакц. замѣткѣ, говорится, что 21 Августа 1852 г. наканунѣ крестнаго хода въ память основанія Одессы, преосвященный Иннокентій на заупокойной по основателямъ города литургіи въ соборѣ „произнесъ краснорѣчивое и умиленное слово о святости и необходимости молитвы за усопшихъ“. Въ № 63-мъ, въ передовой статьѣ, говорится, что 22-го Августа—въ день коронаванія Ихъ Величествъ, а вмѣстѣ и—празднованія основанія г. Одессы, преосвященный Иннокентій, на литургіи въ Архангело-Михайловскомъ женскомъ монастырѣ, „произнесъ краснорѣчивое слово, соотвѣтственное двойному торжеству сего дня, общенародному для всей Россіи и городскому для Одессы. Высокій витія, выразивъ духовное удовольствіе свое, что учрежденіе крестнаго хода, коему положено было доброе начало три года тому, съ благословеніемъ Божиимъ успѣшно поддерживается,—принесъ благодареніе Всевышнему о томъ, что и отечество наше, и нашъ городъ въ особенности, предохранены были, въ истекшемъ году жизни Одессы, отъ всякихъ бѣдствій, и что слава Монарха нашего, какъ Миротворца Европы, возвеличилась не только въ Россіи, но и въ странахъ иноземныхъ“. Въ № 70, въ передовой замѣткѣ о годичномъ актѣ въ гимназіи при Ришельевскомъ лицѣѣ, говорится, что 30-го Августа, въ Александро-Невской лицейской церкви на литургіи преосвященный Иннокентій „произнесъ назидательное слово о взаимномъ отношеніи между вѣрою и знаніемъ и о важности для Россіи жизни и дѣяній св. Благовѣрнаго и Великаго Князя Александра Невскаго“.

*) Архимандритъ Поликарпъ (въ мѣрѣ Феодосій Ивановичъ Радкевичъ)—родомъ изъ Подольской епархіи былъ товарищемъ Иннокентія по Кіевской духовной академіи. Послѣ ректуры въ Смоленской духовной семинаріи, архимандритъ Поликарпъ въ 1843 г. былъ назначенъ настоятелемъ русской посольской церкви въ г. Афинахъ. Послѣ путешествій по монастырямъ и св. мѣстамъ Востока, Поликарпъ возвратился въ Россію въ 1850 г. Зная его какъ высокаго подвижника,—Иннокентій пригласилъ бывшаго своего товарища занять должность настоятеля Бахчисарайскаго Успенскаго скита и главнаго начальника прочихъ ново-учрежденныхъ Крымскихъ киновій. Три года трудился

описанія (С. Р....), сказавши о прибытіи въ г. Николаевъ 30 іюня Архіепископа Иннокентія и о томъ, какъ на слѣдующій день 1-го іюля—Архипастырь—при многочисленномъ стеченіи народа—утромъ въ 9 часовъ—торжественно встрѣтилъ крестный ходъ за Херсонской заставой и какъ оттуда провожалъ этотъ ходъ съ иконой Касперовской Божіей Матери до самаго городского собора,—затѣмъ говоритъ: „Не смотря на продолжительность шествія, литургію совершалъ самъ Высокопр. Архіепископъ и предъ концемъ ея произнесъ соотвѣтственное важности торжества слово, въ коемъ, изъяснивъ особенную милость Божію и Небесной Владычицы къ нашему краю и къ нашему городу въ особенности,—проявившуюся въ томъ, что мы въ такое краткое время сподобились видѣть среди страны нашей столько новоучрежденныхъ торжественныхъ священнодѣйствій, каковы крестные ходы, и начали уподобляться тѣмъ общей матери нашей—великой Россіи,—онъ убѣждалъ всѣхъ и cadaго беречь себя отъ дѣлъ тьмы и нечестія, коими оскорбляется невидимое присутствіе среди насъ Матери Божіей и существъ безилотныхъ, а также беречься и отъ духа невѣрія, который лишаетъ человѣка самой способности къ принятію даровъ благодатныхъ. Живая вѣра, свободное отъ страстей сердце и чистая совѣсть напротивъ приближаютъ человѣка къ міру горнему и низводятъ на него ту благодатную силу, для коей вся возможна суть. По вѣрѣ вашей будетъ вамъ, говоритъ Самъ Господь—Что могли отвѣчать мы на сіи пастырскія вразумленія кромѣ: вѣруемъ, Господи, помози нашему невѣрію!—На другой день, 2-го Іюня, предъ литургіею, чудотворная икона съ подобающею честью привезена была въ Адмиралтейскій соборъ, гдѣ преосвящ. Иннокентій, встрѣтивъ ее съ мѣстнымъ духовенствомъ, совер-

---

Поликарпъ на святомъ поприщѣ пустынно-подвижнической жизни въ Крыму—и, наконецъ, по представленію преосвященнаго Иннокентія, назначенъ былъ его Викаріемъ и возведенъ въ санъ епископа съ именемъ Одесскаго. Торжество его хиротоніи происходило въ Одессѣ, причемъ, кромѣ Иннокентія, участвовали въ немъ греческіе митрополиты Агаангелъ и Іосифъ, проживавшіе на покоѣ въ Херсонской епархіи, и преосвященный епископъ Каменецъ-Подольскій Евсевій. Хиротонія происходила въ Одесскомъ Архангело-Михайловскомъ женскомъ монастырѣ. Съ 12-го Іюня 1858 г. преосвященный Поликарпъ назначенъ былъ на самостоятельную Орловскую кафедру и скончался тамъ 22 Августа 1867 года.

шилъ соборнѣ божественную литургію, предъ окончаніемъ коей прочитанъ Высочайшій Манифестъ о занятіи Придунайскихъ княжествъ нашими войсками, *) и мы опять услышали изъ устъ нашего архипастыря краснорѣчивое и поучительное слово, коимъ онъ благоговѣнно и съ чувствомъ просвѣщеннаго патріота отозвался на отеческое воззваніе къ народу своему Царя русскаго... Послѣдовавшее затѣмъ акавистное пѣніе Взбранной Воеводѣ было также какъ бы отвѣтнымъ словомъ на сіе воззваніе всего народа русскаго“... Въ № 125 отъ 31 октября говорится объ освященіи 25-го окт. преосвященнымъ Иннокентіемъ одного изъ вновь устроенныхъ придѣловъ (во имя трехъ святителей) Одесской Кладбищенской церкви, расширенной и внутренно обновленной усердіемъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ гражданъ—и въ заключеніе этой замѣтки редація „Од. Вѣстника“ прибавляетъ: „Кладбищенская церковь обогатилась сверхъ того, драгоценнымъ пріобрѣтеніемъ на общую пользу: иждивеніемъ и стараніями К. Ф. Папудова устроена при ней прекрасная цистерна для всеобщаго употребленія молящихся и проходящихъ. Благое слово и желаніе высокаго нашего архипастыря („Од. В.“ 1850 г. № 75), не осталось втунѣ: нынѣ при нѣсколькихъ уже православныхъ церквяхъ въ Одессѣ устроены цистерны, въ которыхъ по слову преосвященнаго витіи („Од. В.“ 1852 г. № 57), каждый изъ жаждущихъ можетъ получить чашу прѣсной и студеной воды, изливающейся изъ подъ креста Господня. Въ № 136 отъ 26 ноября—въ редакціонной замѣткѣ объ освященіи 21 ноября преосвящен. Иннокентіемъ главнаго престола въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ, обновленнаго усердіемъ одесскаго купца М. П. Лашина,—говорится между прочимъ: „за тѣмъ (за освященіемъ и облаченіемъ главнаго престола, а также и освященіемъ всего храма съ обнесеніемъ вокругъ него св. Антимина св. мощей, которые и возложены были потомъ на главный престолъ), послѣдовала Божественная литургія, предъ окончаніемъ коей именитый нашъ архипастырь произнесъ проныбнутое глубокимъ духовнымъ смысломъ слово: „о важ-

---

*) Манифестъ отъ 14-го Іюня 1853 г.—Онъ напечатанъ въ 71-мъ № „Одесскаго Вѣстника“ отъ 25-го Іюня.—Въ Одессѣ Манифестъ былъ прочитанъ 29-го Іюня—послѣ Божественной литургіи въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ, совершенной преосвященнымъ Иннокентіемъ.

номъ и таинственномъ значеніи христіанскаго храма и о томъ, зачѣмъ вѣрующіе должны поспѣшать во храмъ Господень“. (Тема формулирована самимъ Иннокентіемъ). Въ № 141 отъ 8 дек. въ передовой статьѣ, при описаніи празднованія тезоименитства Государя Императора Николая Павловича—6 декабря, говорится: „предъ окончаніемъ литургіи, по пропѣтіи боговдохновеннаго псалма Давидова: Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ творяй чудеса!“, преосв. архипастырь произнесъ провигнутое могучимъ краснорѣчіемъ слово: „о древности особеннаго и всенароднаго чествованія въ православной Россіи имени святителя и чудотворца Николая, и о томъ какою славою и блескомъ озарилось это великое и священное имя, явившись въ первый разъ на престолѣ Всероссійскомъ, въ лицѣ благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича“—Тема слова опять формулирована самимъ Иннокентіемъ *).

„Въ Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1854 года помѣщено много не только редакціонныхъ замѣтокъ о словахъ и рѣчахъ, произнесенныхъ Иннокентіемъ по разнымъ поводамъ, но и самихъ этихъ словъ и рѣчей... Это былъ годъ знаменательный и для всей Россіи, и въ частности для епархіи Херсонско-Таврической и для самой Одессы... Въ этомъ году начались открытыя враждебныя дѣйствія Англіи и Франціи противъ Россіи въ защиту Турціи, выразившіяся бомбардированіемъ Одессы, высадкою союзниковъ въ Крыму,—въ этомъ

---

*) Кроме того, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи „Одесскаго Вѣстника“ за 1853-й годъ мы нашли здѣсь еще слѣдующія замѣтки о проповѣдяхъ Иннокентія, возвратившагося изъ С.-Петербурга въ Одессу 16-го Іюня (какъ сказано въ № 68-мъ). Въ № 71-мъ, въ редакціонной статьѣ: „Юдичный актъ въ Ришельевскомъ лицѣ“ 21 Іюня—говорится, между прочимъ, что по окончаніи акта преосвященный Иннокентій „напутствовалъ окончившихъ курсъ студентовъ архипастырскимъ благословеніемъ и наставленіемъ, изъяснивъ имъ и примѣнивъ къ ихъ настоящему положенію слова апостола: „яко чада свѣта ходите“. Въ № 90-мъ въ редакціонной замѣткѣ объ освященіи въ кафедральномъ соборѣ лѣваго прилѣла во имя св. пророка Іліи 6-го августа—говорится, между прочимъ, что предъ окончаніемъ литургіи преосвященный Иннокентій „произнесъ соотвѣтственное совершившемуся торжеству слово“.—Въ № 97-мъ, въ передовой статьѣ, описывающей, какъ Одесса праздновала 22-е Августа въ субботу—день своего основанія, совпадавшій въ то время со днемъ священнаго коронованія Ихъ Величествъ, — говорится, между прочимъ, что на литургіи въ Архангело-Михайловскомъ монастырѣ преосвященный Иннокентій произнесъ „исполненное могущественнаго краснорѣчія слово „о томъ, чему можетъ въ

же году началась знаменитая Севастопольская эпопея!... Иннокентій—своимъ живымъ и горячимъ словомъ—отблещался на всѣ эти великія событія, важныя и для всего отечества, и для его паствы—и вотъ обильно стали появляться рѣчи его и на церковной кафедрѣ, а затѣмъ и въ мѣстной печати. Перечисляя все напечатанное въ „Од. Вѣстн.“ за 1854 годъ въ послѣднемъ № (144) въ обычномъ ежегодномъ отчетѣ „Одесскаго Вѣстника“, редація его говоритъ: „Особеннымъ украшеніемъ „Одесскаго Вѣстника“ въ нынѣшнемъ году были слова и рѣчи именитаго витія нашего высокопреосв. Иннокентія, въ которыхъ устами нашего архипастыря говорили сами событія, происходившія предъ нашими глазами“. И затѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ произнесенія перечисляются всѣ эти слова и рѣчи—и въ Одессѣ, и въ Крыму... Такъ какъ недалеко то время, когда вся Россія воспомина эту знаменательнѣйшую эпоху своей жизни — по случаю истеченія 50-лѣтія Крымской войны, то мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить предъ читателями все что было произнесено Иннокентіемъ въ 1854 году и что такъ или иначе увѣковѣчено на страницахъ „Одесск. Вѣстника“ за этотъ годъ...

Въ № 20 „Од. Вѣстн.“ 1854 года отъ 23 Февраля напечатаны два манифеста Императора Николая Павловича: одинъ—о рожденіи Великой Княжны Вѣры Константиновны (4 Февр.), а другой—отъ 9 Февр. о враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи со стороны Англіи и Франціи—въ за-

---

настоящій день радоваться о Царѣ своемъ сынѣ Россіи, и о томъ, чему можетъ радоваться въ настоящій-же день житель Одессы о судьбѣ своего града“. —Затѣмъ въ слѣдующей, непосредственно послѣ предыдущей замѣткѣ въ томъ-же №, говорится, что 23 Августа — въ воскресенье — преосвященнымъ Иннокентіемъ совершено было въ обновленномъ кафедральномъ соборѣ освященіе праваго придѣла во имя св. апостола Андрея Первозваннаго и святителя Николая, Мирликійскаго чудотворца, и что предъ окончаніемъ литургіи преосвященный архипастырь произнесъ слово, „о томъ, что въ образѣ освященія храмовъ внѣшнихъ заключается указаніе на образъ обновленія и освященія храма внутренняго въ душѣ человѣческой“. Кавычки при опредѣленіи темы какъ того, такъ и другаго слова, поставлены самою редакціею „Одесскаго Вѣстника“ и это очевидно показываетъ, что формулировка обоихъ темъ сдѣлана и сообщена редакціи самимъ Иннокентіемъ.—Въ № 134-мъ въ передовой статьѣ говорится, между прочимъ, что 20 ноября, въ день празднованія восшествія на Престолъ Государя Императора, преосвященный Иннокентій на литургіи въ кафедральномъ соборѣ „произнесъ приличное торжеству слово“.

щиту Турціи. „Англійское и французское правительства,— говорится въ манифестѣ, вступились за Турцію, и появленіе соединенныхъ ихъ флотовъ у Царь Града послужило вѣщающимъ поощреніемъ ея упорству... Наконецъ, обѣ западныя державы, безъ предварительнаго объявленія войны, ввели свои флоты въ Черное море, провозгласивъ намѣреніе защищать Турокъ... Итакъ противъ Россіи, сражающейся за православіе, рядомъ съ врагами христіанства становятся Англія и Франція... „Господь нашъ избавитель нашъ: Кого убоимся!“ Ниже напечатана слѣдующая редакціонная замѣтка: „Въ воскресенье, 21 Февраля, въ здѣшнемъ кафедральномъ соборѣ, по совершеніи божественной литургіи, прочтенъ былъ Высочайшій манифестъ и совершенно благодарственное молебствіе о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени Ея Импер. Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны—дочерію, нареченною Вѣрою. Божественную литургію и молебствіе совершалъ преосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій... По прочтеніи манифеста, преосв. архипастыръ произнесъ слово о высокомъ значеніи имени, нареченнаго новорожденной Великой Княжнѣ: имя Вѣра есть символъ настоящаго положенія дѣлъ и— подобно какъ дѣтямъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ неоднократно нарекаемы были имена, сообразныя обстоятельствамъ времени,—ясно указываетъ намъ, что главнымъ оплотомъ и главною твердынею Россіи, въ возгорѣвшейся нынѣ брани, должна быть Вѣра: Вѣрою побѣдиши царствія“. Въ № 23 отъ 2 марта въ передовой редакціонной статьѣ—говорится: „Вчера, въ воскресенье 28 февраля, въ здѣшнемъ кафедральномъ соборѣ, по совершеніи божественной литургіи прочтенъ былъ Высочайшій манифестъ отъ 9 февраля о прекращеніи политическихъ сношеній съ Англіею и Франціею. По прочтеніи манифеста, архипастыръ произнесъ слово о настоящемъ положеніи дѣлъ, вызвавшемъ священныя слова Самодержавца Россіи къ своему народу. Высокій витія указалъ на постоянныя четырехвѣковыя усилія оттомановъ со времени вторженія ихъ въ Европу, къ подавленію и ослабленію христіанства по всюду, куда могла достигать варварская ихъ сила; на препоны, поставленныя Россіею, со времени Петра, распространенію губительнаго ихъ владычества; на настоящее, дряхлое и разрушающее состояніе

темной ихъ державы, которую, въ ослѣпленіи своемъ, рѣшились поддержать двѣ христіанскія державы Англія и Франція; выразилъ убѣжденіе свое, что война, на которую вызвана нынѣ Россія, есть война священная, неизбѣжная и предустановленная самимъ Провидѣніемъ; а потому преподалъ наставленіе какъ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Россіи, такъ и въ особенности обитателямъ нашего города и края, наиболѣе подверженнымъ нынѣ столкновеніямъ и случайностямъ возгорѣвшейся брани,—возложить полное и безграничное уваженіе на Господа Бога и на Помазанника Божія, Коего крѣпкой десницѣ ввѣрены судьбы Россіи, и всѣми силами и всѣмъ сердцемъ содѣйствовать всему тому, что укажетъ намъ Самодержавная воля и поставленные отъ нея власти къ достиженію священной цѣли, для которой Николай I-й поднялъ побѣдоносное оружіе свое противъ враговъ нашей Православной вѣры.» Въ № 35-мъ —отъ 1-го апрѣля—въ одной изъ передовыхъ редакціонныхъ замѣтокъ читаемъ: «24 марта появилась въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» извѣстіе о занятіи войсками нашими всей почти Бабадагской области *), и о томъ, что генераль-адъютантъ Лидерсъ просилъ генераль-адъютанта барона Остенъ-Сакена о закупкѣ въ Одессѣ 20 колоколовъ для снабженія ими православныхъ церквей Болгарскихъ—за Дунаемъ, четыре вѣка лишенныхъ колокольного звона—высокой и символической принадлежности храмовъ Божіихъ. Въ тогъ-же день преосвященный Иннокентій, въ словѣ—по окончаніи литургіи, въ кафедральномъ соборѣ—воззвалъ къ православнымъ жителямъ Одессы о пособіи единовѣрнымъ, угнетеннымъ и бѣдствующимъ церквамъ Болгарскимъ. Воззваніе архипастыря не осталось втунѣ. На другой-же день Одесскія церкви пожертвовали нѣсколько колоколовъ, а здѣшніе купцы закупили всѣ бывшіе въ Одессѣ въ продажѣ колокола и представили ихъ въ распоряженіе г. генераль-адъютанта барона Остенъ-Сакена—съ усердною просьбою о пересылѣ ихъ въ Болгарію къ предстоящему празднику Воскресенія Христова. Всего доставлено для пересылки 25 колоколовъ (5 большихъ, 6—среднихъ и 14 малыхъ) и сверхъ того нѣсколько церковныхъ принадлежностей». Въ № 37-мъ—отъ 6-го Апрѣля читаемъ: «Вчера—въ Вербное воскресенье, въ здѣшнемъ кафедральномъ со-

*) Бабадагская область въ нынѣшней Добруджѣ.

борѣ, послѣ божественной литургіи, принесено было благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю благополучнаго перехода російскихъ войскъ чрезъ Дунай *). Предъ начатіемъ молебствія, преосвященный Иннокентій произнесъ слово о высокомъ значеніи перехода чрезъ Дунай російскаго воинства, идущаго освобождать православныхъ собратій по вѣрѣ отъ угнетающаго ихъ духовнаго рабства“.—Въ № 39-мъ отъ 10-го Апрѣля напечатано: „Вчера 8-го апрѣля непріятельская эскадра въ числѣ 25 вымпеловъ: трехдечныхъ— 3-хъ англійскихъ и 3-хъ французскихъ, и двухдечныхъ— 7 англійскихъ и 6 французскихъ подошли къ Одессѣ... Сегодня—9 Апрѣля—прибыли еще 3 парохода“. 8-го Апрѣля приходилось въ четвергъ Страстной седмицы—и преосвященный Иннокентій произнесъ въ соборѣ „слово—при появленіи предъ Одессою флотовъ непріятельскихъ“. О немъ не упоминается въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ въ свое время; но за то оно напечатано цѣликомъ уже лѣтомъ—въ № 79-мъ отъ 20 іюля. Вотъ начало этого слова: «Въ такой великій и святой день, какъ нынѣшній, и вездѣ, тѣмъ паче во храмѣ, не хотѣлось-бы думать о чемъ-либо другомъ, какъ о возлюбленномъ (Спасителѣ и Господѣ нашемъ, Который нашего ради спасенія, грядетъ на страсть вольную... Но, видно, такъ угодно было Его-же всесвятой волѣ, что-бы мы, и въ этотъ день и въ семь священномъ мѣстѣ, подумали нынѣ и побесѣдовали не столько о томъ, что было нѣкогда съ Нимъ, сколько о томъ, что происходитъ теперь съ нами. **)— 9-го Апрѣля, въ страстную пятницу, городъ Одесса, по слу-

---

*) Переправа черезъ Дунай совершена была 11 Марта—въ Браиловѣ, Галацѣ и Тульчѣ—подъ начальствомъ генер. Лидерса.

**) Въ дальнѣйшей своей рѣчи архипастырь старается успокоить смущенныя сердца жителей Одессы. „Въ такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, кои не постигали града нашего современіа его основанія, -- легко придти въ смущеніе и не малодушному. И вотъ—какъ бы прямо къ одобренію и утѣшенію нашему, мы въ нынѣшній же вечеръ услышимъ изъ устъ Самаго Спасителя нашего слѣдующія утѣшительныя слова: да не смущается сердце ваше!... Вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте! Не смущайся и ты, возлюбленный градъ, отъ лица враговъ твоихъ, кои страшны болѣе именемъ своимъ и нашимъ воображеніемъ о нихъ, нежели дѣйствительною возможностью вредить намъ... Любвеобильный Сынъ Божій не оставитъ насъ, кои вѣруемъ во имя Его и готовы теперь терпѣть отъ враговъ—не ради нашихъ выгодъ или пріобрѣтеній, а единственно во славу животворящаго Креста Его“. Далѣе,

чаю прибытія къ нему непріятельской эскадры, былъ объявленъ въ осадномъ положеніи... «9-го Апрѣля, — читаемъ въ приказѣ генерала Остенъ-Сакена—отъ 10-го Апрѣля,—англо французская эскадра — въ числѣ 6 трехдечныхъ, 13 двухдечныхъ линейныхъ кораблей и 9 пароходовъ, вооруженныхъ до 1.900 орудіями, стали на якорѣ на позиціи въ 3-хъ верстахъ отъ Одессы. Около 4-хъ часовъ по полудни адмиралы Дундасъ и Гамленъ прислали ко мнѣ чрезъ парламентарера письмо, въ которомъ требовали немедленной выдачи имъ находящихся въ Практической и Карантинной гаваняхъ: русскихъ, англійскихъ и французскихъ судовъ. Я оставилъ безъ отвѣта дерзкое требованіе, чего и они вѣроятно ожидали. Вчера, 10-го Апрѣля, въ 6¹/₂ часовъ утра, 9 непріятельскихъ пароходовъ, изъ коихъ одинъ 54-хъ пушечный и 8-мь большею частію 32-хъ пушечные, пройдя внѣ выстрѣла мимо 1-й или правой батареи, — атаковали постепенно остальные 5 батарей, стрѣляя по временамъ и въ городъ, и, наконецъ, обратились всѣ на 6-ю или лѣвую батарею, устроенную на оконечности Практическаго мола»... —Пресвященный Иннокентій, Апрѣля 9-го — въ великій пятокъ, «во время обложенія Одессы непріятельскимъ флотомъ», произнесъ слово въ кафедральномъ соборѣ. Оно напечатано цѣликомъ—уже позже—въ 81 № «Одесскаго Вѣстника» отъ 24 Іюля. Вотъ его начало: «Итакъ, великое

изложивши причины возникшей брани,—архипастырь говоритъ: „Предстоящія намъ теперь искушенія открываются имѣнно вмѣстѣ съ началомъ страданій Христовыхъ: мы будемъ проходить ихъ, такъ сказать, подъ сѣнію креста Христа. Не утѣшеніе ли это для того, кто вѣруетъ въ Господа Иисуса и любитъ крестъ Его? Самый день нынѣшній, въ который явились противу насъ враги, служить для насъ знаменіемъ во благо. Ибо, какъ именуется онъ издревле отъ всѣхъ православныхъ чадъ церкви?—днемъ чистымъ. И въ сей то самый день, какъ бы въ знакъ и выраженіе чистоты и правости нашего дѣла, а слѣдовательно и въ побужденіе насъ къ вѣрѣ и благодушію, попущено свыше открыться нападенію на насъ!... За тѣмъ, выставивши на видъ, что не возможно сказать „чтобы мы чисты есмы вси и чтобы кто-либо изъ насъ не имѣлъ никакой уже нужды въ очищеніи себя отъ страстей и грѣховъ“,—проповѣдникъ-архипастырь приглашаетъ всѣхъ къ покаянію и сокрушенію сердечному. Тогда Господь умилосердится надъ нами... „Восхощетъ,—и само море возмутится противъ враговъ нашихъ и размещетъ, яко хвастіе, пловучиі твердыни ихъ. Восхощетъ,—и громы онѣмѣютъ въ рукахъ ихъ и праздно рассыпятся предъ нами по воздуху. Восхощетъ,—и наши брега явятся неприступными, и единъ изъ защитниковъ нашихъ поженетъ въ тысячи, а десять—тмы“.

дѣло Богочеловѣка кончено!.. При всей Божественности своего лица, при всей чистотѣ и благодати своего ученія, при всемъ величїи и благотворности чудесъ своихъ, Онъ не узнавъ народомъ іудейскимъ, проданъ невѣрнымъ ученикомъ, отвергнутъ безумнымъ Синедриономъ, осмѣянъ Иродомъ, не спасенъ Пилатомъ, посрамленъ и умученъ воинами, вознесенъ среди злодѣевъ на крестъ; и се яко жертва во спасеніе всего міра, предаетъ, наконецъ, духъ свой Богу Отцу! Совершишася!—Что съ нашимъ дѣломъ, которое, хотя само по себѣ безконечно мало въ сравненїи съ чрезвычайнымъ событіемъ Голгоетскимъ, но тѣмъ не менѣе грозитъ намъ крестомъ и плащаницею?.. Мы знаемъ несомнѣнно, что и о насъ сотворенъ уже врагами нашими совѣтъ, да имутъ насъ и погубятъ, если не жизнь, то достояніе и честь нашу. Найдены уже противу насъ и лжесвидѣтели, готовые утверждать, что нами нарушено всеобщее право народовъ, что мы хотѣли раззорить и потопить ихъ мнимо мирную ладію *).

—Въ № 40-мъ — отъ 17-го Апрѣля — напечатано: «Англо-французскій флотъ, прибывшій въ Одессѣ въ четвергъ 8-го Апрѣля, — атаковалъ прибрежныя батареи и бомбардировалъ

---

*) Намекъ на ложный предлогъ, который выставляли непрїатели въ оправданіе своего нападенія на Одессу — именно, что съ нашей стороны были произведены предварительно выстрѣлы по парламентарской шлюпкѣ, посланной ими, чтобы спросить: (будто бы) находится ли еще въ Одессѣ англійскій консулъ?.

Въ дальнѣйшемъ изложенїи слова архипастыръ говоритъ: „Въ настоящемъ положенїи, когда и мы всѣ находимся, можно сказать, предъ крестомъ и Голговою, для насъ необходимъ вождь и утѣшитель. И се, онъ является намъ въ лицѣ самого Господа и Спасителя нашего! Итакъ, кто ищетъ себѣ теперь вразумленія и терпѣнія, (а кому оно не нужно?), тотъ впери взоръ и мысль свою въ это священное изображеніе Распятаго Спасителя, которое св. церковь представляетъ нынѣ предъ нами...—Какъ бы ни были сильны и коварны враги, они не могутъ сдѣлать блага чернымъ, праваго — не правымъ, не могутъ взять верха надъ невинностію... Дѣло, за которое подняли на насъ оружіе враги наши, есть дѣло съ нашей стороны совершенно правое и святое, — дѣло, можно сказать, не наше, а Божїе и Христово. Ибо за что ратуютъ на насъ? Не за что другое, какъ за то, что мы хотимъ свободы вѣры и совѣсти для собратїй нашихъ по вѣрѣ, живущихъ подъ игомъ магометанскимъ, за то, что мы желаемъ спасти крестъ Христовъ и Евангелїе отъ совершеннаго униженія предъ Алкораномъ: вотъ наши желанія и требованія! А враги наши что могутъ сказать предъ сею плащаницею въ оправданіе своего нечестиваго союза противу насъ съ поклонниками Магомета? Что для спокойствія и благоденствія нашей части свѣта необходимо существованіе среди нея во

городъ въ теченіе цѣлаго дня—въ субботу 10 Апрѣля,—и третьяго дня въ среду, 14-го Апрѣля, снялся съ якоря и удался въ полномъ составѣ своемъ съ нашего рейда. Вчера, въ четвергъ, 15 Апрѣля, по случаю блистательнаго отраженія нападенія непріятельскаго флота и удаленія его, вслѣдствіе того, съ нашего рейда, совершенно было торжественное благодарственное молебствіе Господу силъ, на эспланадѣ, у бывшей крѣпости за городомъ, близъ Михайловскаго монастыря; преосвященнымъ Иннокентіемъ, при несмѣтномъ стеченіи жителей всѣхъ сословій». Въ томъ же № напечатана статья: «Страстная и Свѣтлая недѣли въ Одессѣ»—А. Тр. (очевидно, самаго редактора Алекс. Григ. Тройницкаго). Въ ней, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Минувшая недѣля, по высокому слову преосвященнаго нашего архипастыря, была для Одессы истинно-страстною недѣлею: „городъ Одесса получилъ крещеніе огнемъ и кровію“. — Великая суббота, 10 Апрѣля, останется однимъ изъ самыхъ памятныхъ дней въ лѣтописяхъ Одессы. Канонада съ непріятельскихъ судовъ началась въ 6 ч. утра, въ то самое время,

---

всей силъ прелести Магометовой? Что взаимное отношеніе странъ и народовъ христіанскихъ поколеблется и превратится, если во градъ Константина Великаго не будетъ ежедневно провозглашаемо на всѣхъ стогнахъ: нѣтъ Бога, кромѣ бога Магометова?... Что идолъ сей,—разумѣемъ магометанство съ его алкораномъ,—такъ нуженъ для равновѣсія (небывалаго никогда) державъ Европейскихъ, что не смотря на всю его отвратительность, ему, какъ древле Молоху, должно приносить ежечасно въ жертву свободу, вѣру, честь, достоинство и самую жизнь цѣлыхъ милліоновъ единовѣрныхъ братьевъ нашихъ?... Подобное сему дѣйствительно не стыдятся утверждать враги наши. Но что значить это?... Увы, сладчайшій Иисусе! Много слышалъ Ты хуленій со Креста Твоего, надлежало, наконецъ, услышать Тебѣ и эту хулу—уже не со Креста, а со Престола славы Твоея на небеси, услышать не отъ враговъ, а отъ собственныхъ послѣдователей Твоихъ!... Итакъ, Ты не совершилъ дѣла спасенія нашего, якоже подобало! Для благоденствія обществъ человѣческихъ мало Твоего креста и Евангелія: для сего въ помощь Тебѣ потребенъ еще Магометъ съ его алкораномъ!... Какъ ни горько помышлять о такой измѣнѣ западныхъ христіанъ Богу отцевъ своихъ, какъ ни отвратителенъ ихъ противоестественный союзъ со врагами Креста Христова, но съ другой стороны сіе-то самое и должно служить къ ободренію нашему... для сего, падши на землю предъ симъ изображеніемъ Господа нашего, рцемъ къ Нему вси изъ глубины души: никто, дражайшій Спасителю нашъ, никто и ничто не разлучитъ насъ отъ животворящаго Креста и живоноснаго гроба Твоего!—Враги наши уповаютъ на свою силу и искусство; а мы уповаемъ на Тебя единого и Тебѣ вѣряемъ животъ нашъ, и другъ друга, и весь градъ, и всю страну нашу!“

когда преосвященный Иннокентій обходилъ соборъ со святою плащаницею; непріятельскіе выстрѣлы не воспренятствовали его высокопреосвященству довершить Богослуженіе и благословить жителей и бывшія на Соборной площади войска на предстоявшіе для нихъ подвиги. И благословеніе Божіе не осталось втуне. Въ то время, когда прибрежныя батареи приняли непріятельскій огонь, а Щеголевская батарея о 4-хъ пушкахъ, съ изумительнымъ мужествомъ, выдерживала въ теченіе 6-ти часовъ атаку цѣлой эскадры, въ которой было не менѣе 350-ти орудій,—ядра, бомбы, простыя и картечныя, гранаты и конгреговы ракеты посыпались на городъ; жители частей города, наиболѣе подверженныхъ непріятельскому огню, поспѣшно стали удаляться въ части города менѣе опасныя... Не смотря на это, множество зрителей во время боя покрывали бульваръ. Въ полдень совершена была, подъ громами непріятельскихъ орудій, литургія въ каедральномъ соборѣ; преосвященный Иннокентій, при окончаніи оной, произнесъ слово, примѣненное къ обстоятельствамъ сего великаго дня для Одессы. Въ 3 часа по полудни Щеголевская батарея замолкла, когда охватившій ее кругомъ пожаръ сдѣлалъ дѣйствию ея рѣшительно невозможнымъ; но непріятельскіе корабли, не смотря на прекращеніе огня съ этой батареи, до самаго вечера выказывали, можно сказать, бессильную ярость, продолжая стрѣлять по городу. И повторимъ опять: благословеніе Вышняго видимо осѣняло Одессу. Нѣсколько десятковъ тысячъ выстрѣловъ, пущенныхъ въ городъ, произвели несравненно меньше вреда, нежели можно было ожидать; потому что пароходы постоянно были удерживаемы въ отдаленіи береговыми батареями. Въ самомъ городѣ, не разрушено ни одного зданія, не было ни одного пожара; конгреговы ракеты падали на городскія зданія уже погасшими, бомбы и гранаты разрывались въ весьма маломъ числѣ. Бѣдствія, произведенныя непріятельскимъ, адскимъ огнемъ, ограничились пробитіемъ стѣнъ и крышъ во многихъ домахъ; изъ жителей ранено и убито менѣе десяти человѣкъ, хотя бомбы и гранаты съ рейда долетали до площади Новаго базара и за Католическую церковь, а съ судовъ, стрѣлявшихъ у дачи графини Ланжеронъ,—за Михайловскій монастырь... Однимъ словомъ, вредъ, нанесенный Одессѣ въ этотъ день тяжкаго испытанія, былъ вовсе въ

несоразмѣрности съ употребленными на то силами... — Въ ночь съ Великой субботы на Свѣтлое Воскресенье, совершены были, съ обычною торжественностію, во всѣхъ церквахъ утрени и литургія Свѣтлаго Воскресенья, Церкви были полны народа... Въ соборѣ, предъ окончаніемъ литургіи, преосвященный Иннокентій произнесъ слово, по истинѣ вдохновенное, о положеніи города и обстоятельствахъ минувшихъ дней. Указавши на страшное забытіе вѣры въ Бога врагами нашими, избравшими для перваго нападенія на Россію, воюющую за гробъ Господень именно единственный день въ году, посвященный памяти гроба Господня,—высокій витія выразилъ мысли, приведенныя нами въ началѣ этой статьи, и заключилъ успокоительнымъ обѣщаніемъ, что „всегда послѣ великой пятницы и великой субботы, бываетъ Свѣтлое Воскресенье“. И вдохновенныя эти слова оправдались на дѣлѣ. Въ день Свѣтлаго Воскресенья, одинъ только французскій пароходъ осмѣлился еще подойти къ городу и началъ было стрѣльбу; но нѣскольбо выстрѣловъ съ береговыхъ батарей удачно попали въ него и заставили возвратиться, съ видимымъ поврежденіемъ, къ флоту, стоявшему въ 5 верстахъ отъ города.—Дни понедѣльника и вторника свѣтлой недѣли, прошли спокойно; во вторникъ, опущенные до полумачты флаги непріятельскихъ кораблей показали, что тамъ происходитъ погребеніе одного изъ высшихъ офицеровъ; оказалось по свѣдѣніямъ позже полученнымъ, что въ субботу былъ смертельно раненъ командиръ одного изъ французскихъ кораблей. Наконецъ, въ среду утромъ, адмиралъ Дундасъ выслалъ въ Одессу, на австрійскомъ суднѣ, 49 человекъ шкиперовъ и экипажей, бывшихъ на русскихъ каботажныхъ судахъ, захваченныхъ прежде непріятельскими пароходами на Одесскомъ рейдѣ, у входа въ Очаковскій лиманъ и въ другихъ мѣстахъ, и въ то же время весь непріятельскій флотъ снялся съ якорей, и удалился съ Одесскаго рейда. Грозная туча, тяготѣвшая надъ городомъ, исчезла, жители вздохнули свободнѣе и городъ со вчерашняго дня сталъ принимать свой обычный видъ.—Первою мыслию начальствующаго надъ войсками въ нашемъ краю г. генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена, было возблагодарить Господа силъ за спасеніе города Одессы,—и онъ распорядился о совершеніи на слѣдующій день торжественнаго мелобствія.

Какъ день 10-го апрѣля былъ однимъ изъ самыхъ мрачныхъ, такъ день 15 Апрѣля сдѣланъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней Одессы.—Въ 10 часовъ преосвященный Иннокентій совершилъ въ Архангело-Михайловской монастырѣ, соборнѣ, божественную литургію, при окончаніи которой онъ произнесъ еще одно изъ тѣхъ словъ, которыя такъ глубоко западаютъ въ душу и сердце молящихся.. Между тѣмъ войска выстроились на томъ мѣстѣ, отбуда наиболѣе видна была картина боя 10 числа. Предъ ними на возвышеніи устроенъ былъ аналой для Богослуженія. Въ 1-мъ часу совершено было благодарственное молебствіе. По окончаніи молебствія, преосвященный обошелъ войска, окропилъ ихъ святою водою и вручилъ по священной просфорѣ каждому полку и батарее. Никогда подобнаго торжества Одесса не видала въ стѣнахъ своихъ. Всѣ живо чувствовали, всѣ со слезами умиленія пересказывали другъ-другу подробности этихъ великихъ дней для Одессы: благословеніе Божіе видимо осѣнило нашъ городъ и одушевило твердостью и мужествомъ какъ геройскихъ защитниковъ нашихъ, такъ и жителей Одессы. Никогда святые слова „Христосъ Воскресе!“ не проникали такъ глубоко въ души наши; никогда не чувствовали мы такъ сильно, что Богъ съ нами и за насъ. Оборона Одессы, считавшейся доселѣ беззащитною, покажетъ врагамъ нашимъ, какъ сильна и мощна Россія, и войскомъ своимъ, и духомъ народнымъ!“ Позже, — въ лѣтнихъ №№ „Одесскаго Вѣстника“ цѣликомъ напечатаны слова и рѣчи Иннокентія, произнесенныя имъ въ эти великіе и памятные для Одессы дни Страстной и Свѣтлой недѣли 1854 года. Такъ, въ № 70-мъ помѣщено слово Иннокентія 10-го апрѣля въ великую субботу—„во время бомбардированія въ сей день города Одессы соединеннымъ флотомъ англо-французскимъ“. Вотъ начало его: „И такъ, вы не рѣшились оставить гроба Спасителя своего и въ эти грозные минуты, когда смерть и пагуба носятся надъ собственными главами нашими!...Привѣтствуемъ васъ, возлюбленные, съ симъ святымъ жребіемъ Іосифа, Никодима и женъ Мироносицъ“ *). Въ № 85-мъ—

---

*) Далѣе,—архипастыръ говоритъ: „Тяжкая година надъ нами, братія! О градъ нашъ со всею точностію можно сказать теперь словами св. Давида: „Яко врази наши обышедше обыдоша насъ, яко пчелы сотъ, и разгорѣшася, яко огнь въ терни“ (Псал. 107, 12). То самое море, которое доселѣ

напечатано слово Иннокентія апрѣля 11-го — „въ день св. Пасхи—на литургіи, послѣ бомбардированія наканунѣ г. Одессы соединеннымъ флотомъ непріятельскимъ“. Вотъ начало его: „Христосъ Воскресе! Вчера спогребохся Тебѣ,

обыкло приносить намъ прохладу и всѣ выгоды жизни, обратилось теперь въ бездну огнедышащую, изъ коей несутся на насъ молніи и громы. Но будемъ ли унывать и смущаться безотрадно? Нѣтъ! У живоноснаго гроба Спасителя не страшень самый адъ,—а это еще—одна слабая тѣнь его... Аще пойду,—говорить св. Давидъ,—посреди тьмы и сѣни смертныя, не убоюся зла. Почему? Яко Ты, Господи, со мною еси (Ис. 22, 4). Важно посему не то, что происходитъ теперь, а то, съ кѣмъ теперь Господь: съ нами или со врагами нашими. Но можетъ ли Господь быть съ тѣми, кои воздвигли брань противу насъ за враговъ креста Христова? Можетъ ли Господь быть съ тѣми, кои, будучи сами христіанами, не усрамились сихъ великихъ и священныхъ дней и дерзнули возмущать столь нечестивымъ образомъ смертный покой Спасителя своего во гробѣ?—Нѣтъ,—если есть кто со врагами нашими, то развѣ *Велиаръ* ¹⁾ и Магометъ, за темную державу коего они возстали на насъ; а Господь Всеблагій—съ нами, кои еще не чисты и грѣшны есмы, но подвигаемся во славу Пресвятаго имени Его, сражаемся не за наши какія либо выгоды, а за вѣру православную, за гробъ Господень и за угнетенныхъ собратій нашихъ по вѣрѣ.—И смотрите, какъ Господь видимо показалъ, что Онъ съ нами противъ враговъ нашихъ! Они могли напасть на насъ когда угодно, но напали именно не въ другое какое либо время, а въ самый день погребенія Господня, какъ бы во свидѣтельство того, что мы ратуемъ именно за крестъ и гробъ Господень. Враги наши, можетъ быть, думали преогорчить для насъ этимъ свое нападеніе, а въ самомъ дѣлѣ они усладили симъ всю его горечь; ибо если уже необходимо страдать, то лучше пострадать вмѣстѣ съ Господомъ, у Его животворящаго Креста и живоноснаго гроба... А враги наши самымъ нападеніемъ на насъ въ сей день потеряли уже невозвратно многое. Всюду, гдѣ услышать о ихъ нечестіи (а гдѣ не услышать?), изумятся и скажутъ: несчастные, развѣ не могли они, изъ уваженія къ общему для христіанъ знаменію спасенія, отложить на время свою злобу и алчность? А что возглаголетъ и разсудитъ о нихъ Господь? О, Онъ поругаемъ не бываетъ (Галат. 6, 7). Не желаетъ зла и врагамъ нашимъ; ибо слышали вчера, какъ Господь молился за самыхъ распинателей своихъ: но, памятуя судьбы Божіи въ подобныхъ случаяхъ, не можемъ не сказать, что тѣ, кои дерзнули возмутить покой Господа своего во гробѣ, едва ли сами сойдутъ съ миромъ въ свои собственные гробы... ²⁾ Если

¹⁾ „Велиаръ—начальникъ тьмы; выраженіе библейское. *Примѣч. пресвященнаго Иннокентія*; въ послѣдующихъ изданіяхъ—выпущено.

²⁾ Не можемъ не замѣтить здѣсь, что предсказаніе нашего вѣщаго архипастыря сбылось надъ тогдашними представителями Франціи и Англии. Наполеонъ III, изгнанный изъ Франціи, не съ миромъ душевнымъ вошелъ во гробъ свой... Такъ точно и королева англійская Викторія—не чувствовала себя спокойною и мирною—предъ кончиною своею въ виду неудачъ начавшейся войны съ Бурами...

Христе,—совостаю днесь, воскресшу Тебе: сраспинахся Тебѣ вчера! Какъ ни высокъ смыслъ и какъ ни глубоко значеніе сей священной пѣсни церковной, — въ настоящій день цѣлый городъ нашъ можетъ приложить ее къ себѣ, и ставъ предъ изображеніемъ Воскресшаго Господа, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ можетъ сказать: Вчера спогребохся Тебѣ, Христе,—совостаю днесь, воскресшу Тебѣ“!). Въ № 72 мѣ напечатано слово Иннокентія въ тотъ же день св. Пасхи на вечерни „послѣ бомбардированія, по утру, гавани пароходомъ непріятельскимъ“. Начало его: „Христось Воскресе! И такъ, врагъ нашъ не усумнился возмутить перунами своими радость нашу о Воскресеніи Господнемъ, подобно какъ вчера не устыдился нарушить святое сѣтованіе наше при гробѣ Господнемъ!.. Будь это день рожденія Магомета, или день постыднаго бѣгства его изъ Мекки, враги наши, вѣроятно, и зъ одного приличія, не захотѣли-бы нарушить спокойствіе мусульманъ, и дали-бы имъ въ мирѣ окончить свое празднество: а день погребенія Спасителя міра, день Его преслав-

---

же Господь съ нами,—то чего намъ страшиться? Онъ, Всемогущій, защититъ насъ отъ всякаго зла. И смотрите, день уже преклоняется къ вечеру; у врага начинаютъ уже оскудѣвать оружія: но много ли успѣлъ онъ сдѣлать зла намъ? О имени Господнемъ держаемъ увѣрить васъ, что не болѣе сдѣлаеть намъ зла и до вечера. Ибо Кто съ нами, Тотъ сильнѣе того, кто съ ними: лунѣ не затмитъ солнца; веліару и магомету не побѣдитъ Христа.—Итакъ, облобызавъ снова язвы Спасителя, идите съ миромъ, братія мои, въ дома свои, и ждите спасенія отъ Господа, всегда и вездѣ спасающаго правыхъ сердцемъ. За Великою Субботою всегда слѣдуетъ Свѣтлый день Воскресенія: за настоящею, сугубо великою для насъ субботою, должно послѣдовать и сугубо-великое Воскресеніе, то есть, вмѣстѣ съ Воскресеніемъ Господа, и наше избавленіе отъ обышедшихъ насъ золъ, и воскресеніе всего православнаго Востока изъ гроба четырехъ вѣковаго рабства мусульманскаго. А вы, возлюбленные сослужители наши, столь бодрственно доселѣ стоявшіе съ нами на духовной стражѣ у креста Христова, удвойте и утройте усердіе и попеченія ваши, дабы къ наступающей священной-таинственной ночи все было уготовано по чину церковному, да не речеть врагъ града нашего: укрѣпился на него (Псал. 12, 5). Пусть возлюбленный Женихъ душъ, имѣющій въ полнощи изыти изъ гроба, яко отъ чертога, найдетъ всѣхъ насъ бдящими и, со свѣтильниками въ рукахъ, готовыми къ прославленію Его Воскресшаго и съ Собою вся воскресившаго... Аминь.

*) Въ дальнѣйшемъ теченіи слова, указавши на великую опасность, которой подверглась Одесса, архипастырь говоритъ: „Нѣкоторые изъ насъ спогреблись вполнѣ—самымъ дѣломъ, ибо пріялъ, какъ я сказалъ, смерть отъ огней вражескихъ; а мы, хотя и не подверглись, по милости Божіей, сему кровавому жребію, но по самому положенію нашему, должныствовали быть

наго возстанія изъ гроба, для нихъ ничего не значитъ!.. Въ сіи-то самые дни они наипаче злобствуютъ и бѣснуются, какъ одержимые духомъ тьмы и злобы...—„да примѣняютъ сіе—продолжаетъ знаменитый проповѣдникъ, тѣ изъ насъ, кои привыкли безразсудно брать въ образецъ нравовъ и обычаевъ эти самые народы, теперь противъ насъ такъ враждующіе: вотъ ихъ мудрость и образованность! вотъ ихъ мягкость и утонченіе нравовъ!“ *). Въ № 93-мъ—помѣщено слово Иннокентія—15-го апрѣля 1854 г. „Предъ благодарственнымъ молебствіемъ по случаю удаленія отъ Одессы

готовыми на тоже самое“. Затѣмъ, приглашая слушателей сорадоваться Воскресшему Господу,—онъ говоритъ: „Но какъ намъ радоваться,—помыслить кто либо,—когда лютой врагъ нашъ, по всей вѣроятности, готовитъ противу насъ новую огненную бурю?“ Въ отвѣтъ на это, проповѣдникъ напоминаетъ объ отрокахъ въ печи халдейской, которые не только радовались, но и воспѣвали во славу Господню; указываетъ на примѣръ апостоловъ, которые послѣ бѣшенія и ранъ отъ іудеевъ, идяху радующеся (Дѣян. V, 41)... „Возрадуемся же и мы нынѣ и воскликнемъ подобно израильтянамъ по прошествіи ими Чермнаго моря: Поимъ Господеви, славно бо прославися!—Прославися славно,—не только въ преславномъ возстаніи своемъ изъ гроба, но и въ спасеніи отъ смерти и гроба насъ, кои подверглись вчера такому множеству смертоносныхъ стрѣлъ и громовъ; прославися славно.—въ постыженіи враговъ нашихъ, кои готовили намъ не жизнь и радость, а смерть, разрушеніе и плѣнъ позорный?—Что касается до враговъ нашихъ, то, вѣроятно, они не преминутъ нынѣ явиться противъ насъ снова въ томъ или другомъ видѣ; ибо подобно же имъ докончить дѣло своего нечестія и не показать, что отъ вчерашнихъ ранъ своихъ, они уже не въ состояніи выдти противу насъ на брань; но будьте увѣрены, что, наученный опытомъ, врагъ явится безъ прежней наглости и самонадѣянія. А намъ послѣ того, какъ мы видѣли вчера и безуспѣніе врага и милость Божию надъ нами, уже не простительно было бы явиться малодушными...

*) Приведемъ еще нѣкоторыя выдержки изъ этого, дышащаго энергіею, слова Иннокентіевскаго: „Но, чтоже сдѣлалъ и въ чемъ успѣлъ нынѣ врагъ нашъ?—О, онъ успѣлъ чрезвычайно много!.. Вреда онъ намъ не сдѣлалъ почти никакого; но если кто еще сомнѣвался до селѣ въ томъ, что для него нѣтъ ничего священнаго, то теперь уже—не можетъ!.. Ибо, какъ поступилъ въ настоящій день онъ, такъ могли поступить только одни враги креста Христова!.. до сего времени врагъ былъ отвратителенъ собственно для насъ; а теперь омерзѣлъ нечестіемъ своимъ самимъ иноземцамъ, среди насъ обитающимъ, самимъ соотчичамъ своимъ, кои, видя нашу справедливость и его неправды и гордыню, спѣшатъ одинъ за другимъ, оставивъ униженное и опозоренное знамя своей родины, уклониться на всегда подъ благотворную сѣнь орла Всероссійскаго.—Но меня особенно поражаетъ нынѣ одно обстоятельство. Когда приближалась буря къ намъ и непріятель появился на водахъ нашихъ

англо-французскаго флота“ *).— Въ № 41-мъ—въ редакціонной передовой замѣткѣ, подъ заглавіемъ: „Одесса 19 апрѣля“ сказано, что въ субботу, 17-го апрѣля, въ день рожденія Наслѣдника Престола, совершено было преосвященнымъ Иннокентіемъ молебствіе, предъ началомъ коего архипастыремъ произнесено было приличное торжеству слово.

и началъ оказывать обычную ему дерзость и алчность, то нѣкоторые изъ насъ довольно приходили въ страхъ и предавались унынію; а я утверждалъ противное; говорилъ, что врагъ нашъ страшень болѣе въ нашемъ воображеніи, нежели на самомъ дѣлѣ; что онъ со всѣми силами и средствами своими не можетъ сдѣлать намъ вреда значительнаго; что одинъ, два, три опыта,—и тѣ сами, кои теперь, такъ страшатся, увидятъ истину и начнутъ презирать опасность; что можетъ, наконецъ, наступить время, когда малыя дѣти будутъ глумиться надъ шумомъ оружія непріятельскаго. И кто бы могъ ожидать?—не только первыя,—самыя послѣднія слова мои оправдались уже во всей силѣ, оправдались еще вчера, когда нельзя было предвидѣть, чѣмъ кончится дѣло. Не отъ одного очевиднаго свидѣтеля слышу я, какъ вчерашній день нѣкоторые изъ самыхъ юныхъ отроковъ, видя безуспѣшность падающихъ среди града нашего перуновъ вражійхъ, гонялись за ними, какъ за предметами игры, чтобы пріобрѣсти въ добычу себѣ; какъ нѣкоторые, даже полууязвленные, нехотѣли выпустить добытаго изъ рукъ своихъ... Стоило же приходиться для сего изъ отдаленнѣйшаго края нашей части свѣта двумъ флотамъ немалыхъ державъ!—Стоило нарушать для сего святость дней, первыхъ въ году для всего міра христіанскаго!... Стоило разбросать для сего столько молній и громовъ!... Но, братія мои, мы впали бы въ грубую ошибку и непростительную гордость, если бы возмнили, что все это безуспѣшіе врага было слѣдствіемъ нашихъ силъ и нашего искусства. Нѣтъ, и не съ такими силами и средствами какъ наши, въ подобныхъ случаяхъ трепетали предъ нимъ другіе грады. Съ нами произошло нѣчто необыкновенное; надъ нами и градомъ нашимъ явилось вчера особенное знаменіе милости Божіей, явилось въ томъ, что сверхъ всякаго ожиданія, разженные стрѣлы врага не оказывали ехиднаго имъ дѣйствія, и если не возвращались вспять, на него самого, какъ древле—при осадѣ великаго Новаграда,—то не вредили намъ и падали праздно на землю“... Въ благодарность за это дивное чудо милости Божіей, архипастырь приглашаетъ слушателей явить себя людьми Божіими и для того, чтобы сдѣлать нѣчто особенно благоугодное для Воскресшаго Господа, предлагаетъ такое найдѣйствительнѣйшее средство: „мы, яко истинные послѣдователи Распятаго, вмѣсто чувствъ вражды и ненависти ко врагу, простимъ его во славу и честь Воскресшаго! простимъ вся воскресеніемъ! Ибо о многихъ изъ враговъ нашихъ можно сказать: не вѣдятъ бо что творятъ! Вознесемъ искренно молитву ко Господу о самихъ врагахъ нашихъ, дабы Онъ благодатію своею ниспослалъ имъ духа разума, чтобы они уразумѣли истину и убѣдились въ правотѣ нашего дѣла и намѣреній...

*) Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этого слова, имѣющаго глубокое значеніе для исторіи Одессы. Вотъ начало этого слова: Христосъ Воскресе! Наконецъ и воды наши стали свободны отъ врага; по крайней мѣрѣ мы уже не видимъ его на нихъ. Куда устремился онъ,—не знаемъ; но судя по

—Въ № 44-мъ отъ 27 апрѣля—говорится въ передовой редакціонной замѣткѣ: „Въ пятницу 23 апрѣля, въ день тезоименитства Государыни Императрицы, въ Архангело-Михайловскомъ монастырѣ богослуженіе совершалъ преосвященный Иннокентій. По окончаніи литургіи и предъ начатіемъ молебствія прочтенъ былъ Высочайшій манифестъ отъ 11-го апрѣля о войнѣ съ Англіей и Франціей *), и вслѣдъ за тѣмъ преосвященный Иннокентій произнесъ слово о священномъ значеніи брани, подлежащей нынѣ Россію“.—Въ № 65-мъ—отъ 17 іюня напечатано цѣликомъ слово Инно-

обхожденію его съ нами, нѣтъ сомнѣнія, что онъ удалился отъ насъ не на радость прочимъ брегамъ нашимъ. Правда, онъ провозглашалъ себя врагомъ великодушнымъ, не думающимъ о причиненіи вреда и потерь напрасныхъ, желающихъ подать примѣръ брани умѣренной, разумной и, такъ сказать, христіанской но вы видѣли, въ чемъ состоитъ этотъ разумъ и умѣренность, это мнимое чело-вѣколюбіе и христіанство!... Время теперь разсмотрѣть и сообразить, чего стоило намъ это первое огненное свиданіе съ чело-вѣколюбивыми врагами нашими, что мы потеряли при семъ и что приобрѣли, гдѣ перевѣсъ—у нихъ, или у насъ?—Далѣе раскрывши ту мысль, что Одесса, по устройенію всеблаготворительницы Божіей,—мало понесла потерь отъ нападенія враговъ, хотя слишкомъ нерасчетливою рукою разсыпалъ противъ нея свое желѣзо и свои огни,—архипастырь переходитъ къ разъясненію того, какъ много Одесса приобрѣла послѣ этого печальнаго и тяжелаго событія. „Мы, во первыхъ, приобрѣли увѣренность въ невозможности для врага много вредить намъ и въ неприступности для него града нашего. Признаемся при семъ случаѣ, что многіе изъ насъ представляли себѣ нападеніе столь многочисленнаго флота и дѣйствіе адскихъ огней его на городъ нашъ такъ важнымъ и пагубнымъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ наступить едва не послѣдній день Одессы.... Нельзя было почти никого изъ таковыхъ убѣдить въ противномъ... Теперь, и безъ доказательствъ,—всякъ перемѣнилъ прежнія мысли... Такая перемѣна значитъ весьма много. Отнынѣ никто не будетъ такъ малодушенъ, какъ прежде, и не будетъ помышлять скороспѣшно объ удаленіи куда бы то ни было, когда тотъ же или другой врагъ явится на водахъ нашихъ... Во вторыхъ, безуспѣшное нападеніе на насъ непріятеля доставило намъ великую честь предъ лицомъ всей Россіи... Врага ожидали едва не по всѣмъ краямъ отечества... Кому достанется честь принять на свою грудь первые удары врага? Кто первый подастъ примѣръ мужества и самоотверженія?... Теперь явно что эта честь предоставлена была свыше намъ, что этотъ примѣръ суждено было взять всѣмъ съ нашего города... Благодареніе Богу, что при всей скудости средствъ нашихъ къ защитѣ, мы успѣли, какъ должно, выполнить свое предназначеніе, не посрамивъ имени Русскаго!... Въ нашемъ, самомъ отдаленномъ краѣ отечества будутъ радоваться о насъ, хвалить насъ и говорить: „Честь и слава Одессѣ! Она поступила, какъ слѣдовало поступить русскому городу, подала для всѣхъ прекрасный примѣръ любви къ отечеству,—показада,

*) Манифестъ этотъ былъ напечатанъ въ № 42 „Од. Вѣсти.“,

вентія—апрѣля 29 го—„предъ освященіемъ Георгіевскихъ крестовъ, Высочайше назначенныхъ въ награду отличившимся при отраженіи англо-французскаго флота отъ береговъ Одесскихъ“. Вотъ начало его; „Къ общей радости и защитѣ нашего града отъ буйнаго устремленія на него съ моря враговъ прегордыхъ и злонравныхъ не доставало единого—чтобы эта чистая и святая радость отразилась скорѣе въ сердцѣ возлюбленнаго Монарха нашего. Ибо кто бо дѣе его печалуетъ теперь всеми печалыи Россіи? Кто глубже его тревожится за всѣ опасности коими могутъ

какъ можно и съ малыми средствами стоять и устоять противъ всѣхъ силъ вражнихъ!“ Все это тѣмъ важнѣе и отраднѣе для насъ, что—не будемъ скрывать прошедшей истины—мы были доселѣ не въ весьма благопріятномъ мнѣніи у нашихъ соотечественниковъ... Всюду знали, что градъ нашъ процвѣтаетъ торговлею, что мы пользуемся многими особенными выгодами жизни, что благоденствіе наше даже благотворно для всего края нашего... Но вмѣстѣ съ тѣмъ, на насъ смотрѣли какъ бы съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, думали, что, при безпрестанномъ сношеніи съ чужеземцами, намъ трудно было сохранить въ цѣлости всю силу духа и всю теплоту чувства русскаго; что по сему, въ случаѣ опасности, отъ насъ нельзя ожидать той твердости духа и того самоотверженія, коими прославили себя многіе изъ древнихъ городовъ русскихъ... Что мы могли сдѣлать, дабы выйти изъ такого неблагопріятнаго понятія о насъ? Требовались—не слова, а дѣла, требовался какой-либо важный опытъ... Теперь, благодаря нападенію враговъ, это примрачное мнѣніе о насъ должно исчезнуть само собою... Отнынѣ городъ нашъ займетъ мѣсто въ числѣ достоуважаемыхъ градовъ земли отечественной. Какъ Кіевъ, Новгородъ, Владиміръ, Смоленскъ, Москва—имѣютъ каждый какой-либо приснопамятный годъ своей славы: такъ Одесса будетъ имѣть на всегда свой славный годъ—1854-й!“—Наконецъ, архипастырь разъясняетъ послѣднее благо, пріобрѣтенное Одессой—уже не чувственное, временное, а духовное, вѣчное. Здѣсь онъ раскрываетъ мысль, что Одесса,—по слову Писанія, приняла крещеніе духомъ святымъ и огнемъ... Подъ огнемъ разумѣются гоненія и бѣдствія, претерпѣнныя истинными христіанами... Ихъ испытали апостолы и мученики—и всѣ другіе избранники Божіи—во всѣ времена... Наше отечество—Россія—тоже не разъ сподоблялась сего крещенія огнемъ и кровію, особенно во времена ига монгольскаго... Отсюда-то и произошло многоцѣнное наименованіе: святая Русь. И многіе грады русскіе достойно и праведно именуются градами Богоспасаемыми... Одессѣ доселѣ не доставало сего особеннаго завѣта съ небомъ. И вотъ, наконецъ, и ей пришло представленное свыше время пріять благодать сего крещенія—т. е. пострадать за имя Спасителя и за вѣру въ животворящій крестъ Его! И смотрите, какъ полно и торжественно совершилось надъ нами это священно-таинственное крещеніе! Въ первенствующей церкви приготавлились вообще къ благодати крещенія всю святую четырехдесятницу, и уже по окончаніи ея, въ Великую субботу, у гроба Христова сподоблялись сего Таинства. Святыи при-

подлежать обширные предѣлы отечества?.. И такъ,—продолжаетъ проповѣдникъ,—мы можемъ сказать теперь, что собственная радость наша вынѣ исполнена совершенно: Царь небесный явилъ милость свою надъ нами; Царь земной обрадованъ и возвеселенъ нами* *). . Въ № 47-мъ — напечатана такая редакціонная замѣтка: „Вчера, въ воскресенье 2 мая, въ кафедральномъ соборѣ, послѣ божественной литургіи, совершенно было благодарственное Господу Богу молебствіе объ успѣхѣ одержимомъ надъ непріателемъ 30-го апрѣля, при овладѣніи непріятельскимъ пароходомъ „Тигръ“. Предъ начатіемъ молебствія, преосвященный Иннокентій, въ

мѣръ сей выполненъ надъ нами во всей точности: И нашъ весь Великій постъ прошедшій данъ былъ на приготовленіе себя къ пріятію особенной благодати; и тѣ, кои умѣютъ слагать въ умѣ и сердцѣ своемъ пути Промысла Божія, безъ сомнѣнія, не пренебрегли симъ временемъ къ особенному очищенію души и совѣсти своея. И вотъ, съ наступленіемъ Великой субботы, у гроба Спасителя, нисходитъ,—такъ Господу, а не врагу нашему, устроившу,—нисходитъ и на насъ крещеніе Духомъ и огнемъ!.. Разумѣвшій все сіе (и мы уповаемъ, что были таковые...) не имѣлъ много времени смущаться отъ шума стрѣлъ вражійхъ; стоя у гроба Господня, онъ спогребался Христу въ Духъ—за себя и другихъ; не унывалъ по сему, а укрѣплялся вѣрою и радовался за градъ нашъ, который въ это грозное время священно-таинственнѣ обручался и сочетавался на всегда своему Царю, Спасителю и Богу: *) Уразумѣй же, градъ Одесса,—такъ оканчиваетъ свою вдохновенную проповѣдь Иннокентій,—тайну сего великаго событія надъ тобою... Не стыдися, а величайся язвами, тебѣ нанесенными... Въ знакъ новаго крещенія, начни отсель и новую святую жизнь, достойную града Богоспасаемаго. Возлюби любовію искреннею и крѣпкою Бога отцевъ своихъ, Бога Спасителя твоего, и не мѣняй служенія Ему ни на какія прелести Вааловы... вмѣстѣ съ симъ, да утвердится въ тебѣ любовь къ братіи твоей . Тогда ты можешь быть на всегда спокойною за твою участь“...

*) Во главѣ таковыхъ разумѣвшихъ, а потому не смущавшихся, а укрѣплявшихся вѣрою и радовавшихся, проникая духомъ въ пути Божіи—и былъ самъ предстоятель тогдашней церкви Херсоно-Таврической—приснопамятный Иннокентій...

*) Замѣтка объ этой раздачѣ наградъ отличившимся, между коими первый былъ прапорщикъ (а въ этотъ день уже штабсъ-капитанъ) Щеголевъ,—Александръ Петровичъ, а также и о словѣ Иннокентія помѣщена въ № 47-мъ „Од. Вѣстн.“.—Въ числѣ отличившихся были три студента Ришельевского лицея—2-го курса Деминтру и 1-го курса—Скоробогатый и Пуль, которые въ самомъ пылу боя, неоднократно ходили на батарею № 6, на которую были сосредоточены выстрѣлы непріятеля, и приносили генер. Остенъ-Сакену отъ прапорщ. Щеголева необходимыя свѣдѣнія, въ особенности о недостаткѣ зарядовъ... Студенты эти были произведены въ портупей-прапорщики и награждены знаками св. Георгія.

краткомъ, но исполненномъ вдохновения словѣ изложилъ видимое, осязательное вліяніе перста Божія въ новомъ, неожиданномъ и безпримѣрномъ низложеніи врага у береговъ нашего города“. Слово это напечатано цѣликомъ въ № 61 мѣ. Вотъ его начало: „Христось Воскресе! Не видимо-ли Самъ Господь побораеть по насъ?... Кто могъ ожидать такъ скоро и такого тяжкаго удара врагу нашему? Мы даже не знали, гдѣ онъ; а онъ несчастный, лежалъ уже связанный у береговъ и, можно сказать, у ногъ нашихъ. Чѣмъ связанный? Не узами желѣзными, а самымъ тонкимъ и безсильнымъ веществомъ — туманомъ и мракомъ. Когда онъ, плавая у береговъ нашихъ, готовилъ, можетъ быть, на насъ новую огненную бурю, море наше покрылось вдругъ такою тьмою, что среди дня, на немъ нельзя было видѣть ничего въ нѣсколькихъ шагахъ; а если что по временамъ и открывалось въ туманѣ, то казалось не тѣмъ, что есть, и не на томъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, у врага нашего, при всей опытности его въ мореходствѣ и родной привычкѣ къ туманамъ, совершенно не достало способности видѣть: онъ потерялъ путь, попалъ на мель, не могъ дать знать объ опасности клевретамъ своимъ, лишился всякой надежды на освобожденіе, и потому, чтобы спастись отъ молній нашихъ, просилъ у насъ, какъ милости, плѣна себѣ“... А въ заключеніи слова, архипастырь русскій говорилъ: „...покажемъ самымъ врагамъ нашимъ, находящимся теперь у насъ въ плѣну, что мы, послѣдуя Евангелію, не воздаемъ зломъ за зло и твердо помнимъ заповѣдь: аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его, аще ли жаждеть, напои его (Римл. XII, 20). Оружіе наше побѣдило тѣла ихъ, а любовь Христова, нами являемая, можетъ покорить намъ самыя сердца ихъ, что выше и любезнѣе всякой побѣды Аминь“.—По поводу этого знаменательнаго событія—редакція „Одесскаго Вѣстника“ писала въ № 47 мѣ: „Чему другому, какъ не тому, что Всевышній услышалъ усердныя молитвы, возсылавшіяся къ престолу Божію, во всѣхъ церквахъ Одессы, въ великую субботу, подъ громомъ непріятельскихъ орудій,—можемъ мы приписать незначительность вреда, понесеннаго Одессою, сравнительно съ страшною разрушительною силою безчисленныхъ, направленныхъ на нашъ городъ, непріятельскихъ выстрѣловъ? Чему другому отнести и то, что при новой попыткѣ противъ нашего

города, 30 апрѣля, трехъ непріятельскихъ пароходовъ, цѣль которой намъ неизвѣстна,—Черное море,—по выраженію нашего архипастыря. „повилось пеленою мрака“, что одинъ изъ этихъ пароходовъ „Тигръ“, принимавшій дѣятельное участіе въ разгромленіи нашего города 10-го апрѣля, повесъ заслуженную кару. Не смотря на все искусство англійскихъ моряковъ, „Тигръ“ сталъ на мель, у подножія горнаго берега, на которомъ возвышается кладбищенская воскресенская церковь *); не смотря на близость двухъ другихъ пароходовъ, послѣ удачнаго дѣйствія двухъ только нашихъ орудій, эта громадная пловучая крѣпость принуждена была сдаться: гордый флагъ Англій спустился долу, надъ нимъ взвился, поднятый собственными руками враговъ нашихъ, побѣдный флагъ Россіи, и англійскіе офицеры и матросы, громившіе нашъ городъ, нынѣ у насъ-же въ плѣну!..— Въ № 50 мѣ напечатана Высочайшая грамота—„жителямъ нашего любезнаго города Одессы“—отъ 26 апрѣля 1854 г., въ которой Государь Николай Павловичъ выразилъ г. Одессѣ свое особенное благоволеніе—за то, что жителями ея, среди угрожавшей имъ опасности при нападеніи англо-французскаго флота, „внутреннее спокойствіе наблюдалось безъ малѣйшаго нарушенія, и что они съ примѣрнымъ усердіемъ исполняли всѣ распоряженія мѣстныхъ властей“. Обнародованіе этой Грамоты происходило въ Одессѣ 9-го мая. По этому поводу, въ томъ-же 50-мъ № „Одесскаго Вѣстника“ напечатана большая редакціонная статья подъ заглавіемъ: „9 е мая 1854 г. въ Одессѣ“.—Мы приведемъ изъ нея нѣкоторыя выдержки. „Свѣтлый и счастливый день прибавился въ исторіи Одессы... Его Императорскому Величеству угодно было осчастливить милостивымъ словомъ своимъ жителей всѣхъ сословій Одессы, за достохвальное сознаніе и исполненіе ими долга своего подъ громомъ непріятельскихъ орудій, и выразить имъ въ Высочайшей Грамотѣ Монаршее благоволеніе. Объявленіе этой высокой Царской милости городу Одессѣ происходило вчера, 9-го мая, въ день особенно чтимаго всею Россіею чудотворца и святителя Ни-

---

*) Церковь эта (на Ср. Фонтанѣ) построена извѣстнымъ духовнымъ писателемъ и благотворителемъ Александромъ Скарлат. Стурдзою—по завѣщанію сестры его Роксандры Скарлатовны—графини Эдлингъ. При ней и покоится прахъ ихъ обоихъ...

коля... Въ 10 часовъ утра, Высочайшая Грамота внесена была въ кафедральный соборъ—генераломъ Остенъ-Сакеномъ. Божественная литургія была совершена преосвященнымъ Иннокентіемъ. Предъ окончаніемъ ея, преосвященный архипастырь нашъ, въ словѣ, исполненномъ могучаго и глубокаго краснорѣчія, развилъ значеніе и благодатное примѣненіе къ нашему городу, въ настоящихъ его обстоятельствахъ, словъ царя-псалмопѣвца: „По множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія твоя возвеселиша душу мою! (Псал. 93, ст. 19)“. Онъ указалъ на высокое мѣсто, какое Одесса, испытанная нападеніемъ вражескимъ, спасенная милостію Божіею, взысканная царскимъ благоволеніемъ, заняла въ числѣ городовъ принесшихъ жертвы за спасеніе отечества“.

—Затѣмъ описывается торжественная процессія съ Грамотой на Ришельевскую площадь и прочтеніе Грамоты новороссійскимъ губернаторомъ генераломъ Анненковымъ, — послѣдовавшее здѣсь затѣмъ молебствіе, затѣмъ торжественное шествіе съ Грамотой къ зданію Биржи, вторичное чтеніе грамоты народу и передача ея городскому головѣ — для внесенія ея въ думу и храненія на вѣчныя времена.. Статья заканчивается такъ: „Изысканная нынѣ милостивымъ царскимъ словомъ и Монаршимъ благоволеніемъ, Одесса становится въ рядахъ городовъ, которыхъ исторія тѣсными и неразрывными узами соединяется съ исторіею всего государства: и она принесла жертву на алтарь Россіи, и она осчастливлена такимъ словомъ, какового удостоивались до нынѣ только столицы и не многіе древніе города“... Слово Иннокентія о Высочайшей Грамотѣ г. Одессы напечатано цѣликомъ въ № 76-мъ „Одесскаго Вѣстника“. Въ немъ, между прочимъ, говорится: „Такимъ образомъ, мы, при помощи Божіей, не только сдѣлали свое дѣло, прошли и выдержали ужасный опытъ, какъ подобало сынамъ Россіи,—но и будемъ имѣть Августѣйшее свидѣтельство на все это отъ самаго главы и Отца отечества!.. «Храни-же, градъ Одесса,—говоритъ въ заключеніи Иннокентій, — храни сей залогъ вниманія и признательности къ тебѣ Монарха твоего, какъ свидѣтельство твоя славы,—храни вѣрно и вѣрно; ибо. онъ купленъ не златомъ и серебромъ, а огнемъ и бровію!»..

—Въ № 54-мъ—напечатана замѣтка: «Въ минувшее воскресенье 16-го мая въ здѣшней греческой Свято-Троицкой

церкви совершена была преосвященнымъ Иннокентіемъ панихида по блаженномъ патріархѣ Григоріи, покоющемся въ сей церкви *). Панихида сія не могла быть совершена по обычаю въ самый день кончины патріарха Григорія—10-го апрѣля, потому что въ сей самый день Одесса подверглась бомбардированію непріятельскихъ флотовъ. Святѣйшій патріархъ Григорій претерпѣлъ мученическую смерть въ Константинополѣ въ 1821-мъ году, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, приходившійся въ томъ году 10-апрѣля. Преосвященный Иннокентій произнесъ предъ начатіемъ панихиды глубоко-умилительное слово, предъ гробомъ блаженнаго святиителя». — Цѣликомъ это слово помѣщено въ № 59-мъ. Вотъ его начало:—Блаженный вселенскій іерархъ Григорій! Не въ уреченный для памяти твоей день, являемся мы нынѣ съ молитвами предъ гробомъ твоимъ; но являемся не произвольно, а по указанію свыше...—Надлежало-же, чтобы тотъ грозно—памятный для насъ день, въ который градъ нашъ подвергся недавно огненной бурѣ съ моря, былъ не другой какой въ году, а тотъ самый, въ который, за тоже военное и святое дѣло, за которое подвигаемся теперь и мы, сподобился ты, за тридцать лѣтъ предъ симъ, пріять вѣнецъ мученической... Возможно-ли чтобы это было дѣломъ случая? Нѣтъ!..—«Пріими убо,—такъ заканчивается слово,—святителю Христовъ, благодареніе за вся сія (т. е. за молитвы его) отъ града нашего и продолжи ходатайство и молитву свою о насъ предъ Богомъ брани и мира!..—да прелесть магометова, толико вѣковъ льстящаго народы, и нынѣ—къ стыду христіанства,—повровительствуемаго и принимаемаго къ сердцу самыми державами христіанскими, исчезнетъ навсегда съ лица земли православной... — и да единовѣрные намъ братія наши о Христѣ изыдутъ наконецъ изъ разженной печи четырехъ-вѣковаго плѣна мусульманскаго»... — Въ № 57-мъ—въ некрологической замѣткѣ о смерти вице-президента Одесскаго общества исторіи и древностей (3-го

*) Останки Констант. патріарха Григорія V, убитаго турками 10 апрѣля 1821 г.—въ самый день св. Пасхи,—тайно увезены въ Одессу и здѣсь торжественно погребены были 19 июня 1821 года Преосвященнымъ Димитріемъ Сулимою, архіепископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ. Священные останки эти пребывали въ Одессѣ 50 лѣтъ—до 1871 г., когда по просьбѣ греческаго короля и народа,—торжественно перенесены были въ Аѳины—въ память совершившагося 50-лѣтія греческаго королевства.

со времени основанія этого общества) Александра Θεодоровича Негри († 23 мая), говорится, что погребеніе его въ греческой церкви, совершено было 25 мая архіепископомъ Иннокентіемъ и что предъ начатіемъ панихиды архипастырь «въ словѣ, исполненномъ глубокаго христіанскаго назиданія, о смерти,—высказалъ, какъ полно и счастливо совершилъ земное теченіе свое усопшій сановникъ и согражданинъ нашъ, исполнившій долгъ свой къ обществу, заслужившій любовь и уваженіе ближнихъ и дальнихъ, своихъ и чужихъ» *). — Въ № 59 мѣ напечатана редакціонная замѣтка, — гдѣ говорится, между прочимъ: «Въ понедѣльникъ, 31 мая, въ праздникъ Сошествія Св. Духа, происходило въ городѣ нашемъ священнодѣйствіе, единственное до сихъ поръ въ его лѣтописяхъ. Это было освященіе вновь сооруженной центральной, возобновленной Щеголевской и усиленныхъ остальныхъ прибрежныхъ батарей нашихъ. Подъ открытымъ небомъ—въ виду тѣхъ самыхъ водъ, на которыхъ совершилось военное дѣло 10 апрѣля текущаго года, и одновременно на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ храброе войско наше отразило вражій напоръ,—духовенство, воинство и граждане молились Господу Силь...—Божественную литургію въ кафедральномъ соборѣ совершалъ преосвященный Иннокентій, произнесъ при этомъ соотвѣтственное празднику въ этотъ день слово. Затѣмъ, послѣ литургіи,—архипастырь и народъ отправились на Щеголевскую батарею: Здѣсь, послѣ водоосвященія, архіепископъ Иннокентій произнесъ рѣчь къ предстоявшимъ воинамъ. Въ ней указалъ онъ на небесную помощь и заступничество Пресвятой Дѣвы — въ минуты, когда громадныя силы враговъ готовились уничтожить нашъ городъ, и напомнилъ о необходимости молиться о томъ-же заступ-

---

*) Негри былъ зятемъ извѣстнаго патріота греческаго Константина Ипсиланти, жилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ (1806—1815 гг.), въ Одессѣ съ 1834 г. Внезапное и тревожное переселеніе изъ города по случаю нечаяннаго неприятельскаго нападенія на Одессу—10 апрѣля 1854 г. возымѣло разрушительное вліяніе на изнуренное 70-лѣтнее тѣло всегда робкаго старца» (слова некролога въ „Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и древн.“ т. IV, стр. 417). Кстати замѣтимъ, что жертвою бомбардированія Одессы и вообще всѣхъ тревогъ начавшейся Восточной войны былъ и первый вице-президентъ „Одесскаго Общества Исторіи и древностей“ Александръ Скарлатовичъ Стурдза, извѣстный русскій православный богословъ и благотворитель... Онъ скончался отъ нервнаго удара—13 іюня 1854 г.

ничествѣ, если-бы враги церкви вновь покусились на этотъ городъ и на его святыни». — Цѣликомъ рѣчь Иннокентія помѣщена въ № 63-мъ. Вотъ ея начало. «Какъ безопасно стоимъ мы теперь здѣсь и какъ спокойно возносимъ молитвы наши ко Господу! Но каково было стоять здѣсь и дѣйствовать тогда, какъ всѣ огни непріятельскіе устремлены были на одно это мѣсто! И однако-же нога русская твердо стояла здѣсь и тогда; рука русская не дрожа, дѣйствовала здѣсь и въ это время, когда страшно было посмотрѣть сюда и со стороны»... — Въ № 62-мъ, въ редакціонной замѣткѣ объ освященіи, 6-го іюня, лѣваго придѣла Одесской кладбищенской церкви, совершеннаго архіепископомъ Иннокентіемъ, — говорится, что предъ окончаніемъ литургіи архіепископъ произнесъ слово о высокомъ значеніи праздника всѣхъ святыхъ, храмоваго для главнаго, средняго престола нынѣ вполнѣ оконченной Кладбищенской церкви. — Въ № 67-мъ напечатана цѣликомъ рѣчь Иннокентія въ Одесскомъ Михайловскомъ монастырѣ 7-го іюня, при напутственномъ молебствіи по случаю отъѣзда изъ Одессы генераль-адъютанта барона Остенъ-Сакена. Въ предварительной редакціонной замѣткѣ въ ней говорится, что по окончаніи молебствія, архипастырь окропилъ барона Остенъ-Сакена св. водою, благословилъ его иконою Касперовской Божіей Матери и затѣмъ голосомъ, полнымъ душевнаго волненія, произнесъ къ нему рѣчь. Вотъ начало ея: «Срѣтивъ васъ за полгода предъ симъ съ особенною радостію, можно-ли было намъ разстаться съ вами теперь безъ особенной горести? — Но вы оставляете насъ, совершивъ здѣсь, при помощи Божіей, свое дѣло со всѣмъ возможнымъ успѣхомъ; вы идете теперь на пораженіе того-же врага — тамъ, гдѣ это особенно нужно! Послѣ сего, намъ остается сказать отъ всей души: да будетъ благословенъ исходъ вашъ отъ насъ, какъ былъ благословенъ входъ вашъ къ намъ!» — Въ № 81 «Од. Вѣстн.» 1854 г. — отъ 24 іюля помѣщена корреспонденція изъ г. Николаева, описывающая крестный ходъ съ иконою Божіей Матери Касперовской. Здѣсь, между прочимъ говорится, что 29 іюня 1854 г. прибылъ въ городъ Николаевъ преосвященный Иннокентій. Архипастырь, послѣ принесенія св. Чудотворной Иконы въ храмъ во имя Рождества Богородицы, совершилъ здѣсь, 30 іюня, соборнѣ литургію, предъ окончаніемъ которой, — замѣчаетъ корреспон-

дентъ,—произнесено было витією одно изъ тѣхъ словъ, которыхъ нельзя слушать безъ особеннаго умиленія». 1-го августа 1854 г. прибыла въ Одессу изъ Николаева—давно ожидаемая одесситами чудотворная икона Касперовской Божіей Матери. Въ прежнее время она изъ Николаева—препровождается была въ Херсонъ, а оттуда—въ село Касперовку, гдѣ она и явилась... Въ этомъ-же году, Одесса, спасенная заступничествомъ свыше отъ грознаго нападенія соединеннаго непріятельскаго флота, горячо возжелала видѣть и въ своихъ стѣнахъ чудотворный ликъ небесной Заступницы. Сначала икона помѣщена была въ Крестовой церкви архіерейскаго дома; а затѣмъ 6-го августа, въ храмовой праздникъ Одесскаго кафедральнаго Преображенскаго собора, торжественно перенесена была въ сей соборъ, изъ домовой архіерейской церкви. Въ № 87-мъ «Одесскаго Вѣстника» помѣщена редакціонная замѣтка съ описаніемъ сего знаменательнаго для одесситовъ событія. Во время этого шествія «несмѣтныя толпы народа покрывали всѣ улицы и унизывали окна и балконы домовъ, благоговѣйно преклоняясь предъ ликомъ Гостьи Небесной, благоволившей посѣтить нашъ городъ». Предъ окончаніемъ въ соборѣ божественной литургіи, преосвященный Иннокентій произнесъ слово о высомъ значеніи какъ общаго христіанскаго празднества этого дня, такъ и особаго празднества для Одессы — прибытія въ стѣны ея Гостьи Небесной. Предшествующія событія сроднили Одессу съ древнѣйшими городами русскими, сблизили ее не только по выгодамъ вещественнымъ, но и по духу православія и народности съ сердцемъ Россіи. Многознаменательныя событія эти восполнились нынѣ видимымъ посѣщеніемъ нашего города Заступницею Небесною, чудотворно явившеюся въ краю нашемъ, — посѣщеніемъ, скрѣпляющимъ союзъ Одессы съ центрами русскаго благочестія, искони прославленными явленіемъ чудотворныхъ иконъ. Отъ чудотворнаго лика Богоматери Касперовской снизойдетъ новое благословеніе на нашъ городъ: Гостья Небесная осѣнитъ насъ покровомъ Своимъ въ годину настоящаго испытанія — и укрѣпитъ духъ нашъ къ спокойному перенесенію всего, что можетъ предстоять намъ въ теченіе войны, разразившейся у предѣловъ нашихъ.—Съ іюня мѣсяца враги наши—съ своимъ флотомъ—устремили

все свое вниманіе на Крымъ — съ цѣлію сдѣлать на немъ гдѣ-нибудь высадку. 14 іюня флотъ ихъ приближался къ Севастополю, а въ ночь на 15-е число отдѣлилъ отъ себя пароходы для рекогносцировокъ—къ Евпаторіи, къ южному берегу и Теодосіи.—Въ это время прибылъ въ Крымъ, при объѣздѣ своей епархіи, преосвященный архіепископъ Иннокентій — и принялъ 15-го іюля участіе въ закладкѣ соборнаго храма въ Севастополѣ—во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра. По окончаніи обряда закладки, Иннокентій, — какъ сказано въ корреспонденціи изъ Севастополя—въ 88-мъ № «Одесскаго Вѣстника»,—произнесъ соотвѣтствующую дню и случаю рѣчь, въ коей ясно выразилъ великое значеніе этого дня и храма, и указалъ на особую знаменательность событія, что закладка вновь сооружаемаго собора, совершалась тамъ въ виду непріятельскаго флота, на канунѣ подходившаго къ Севастополю... «Нужно-ли говорить здѣсь о томъ, что развалины древняго Херсониса-Таврическаго, гдѣ, въ 988 г., св. Владиміръ Великій Князь Кіевскій и всей Россіи, покоривши этотъ великолѣпный городъ, принялъ въ стѣнахъ его св. крещеніе, принадлежитъ къ священнѣйшимъ мѣстамъ Россіи? Изъ сего завѣтнаго мѣста возсіялъ первый лучъ православія въ Россіи, и нынѣ въ день памяти равноапостольнаго просвѣтителя Россіи, мы заложили вѣликолѣпный храмъ, въ воспоминаніе этого священнаго и важнаго событія. На мѣстѣ-же самаго событія, происходившаго въ Херсонесѣ Таврическомъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Севастополя къ западу,—предполагается выстроить другой храмъ во имя того-же св. Великаго князя» *)...

---

*) Это было предположеніе именно преосвященнаго Иннокентія, это была любимая его идея... Имъ еще въ 1852 г. былъ проектированъ планъ построенія—въ развалинахъ Херсониса на древнемъ фундаментѣ Херсониской церкви—новой церкви въ память принятія здѣсь св. крещенія въ 988 г. Кіевскимъ Великимъ Княземъ Владиміромъ I Святославичемъ, и въ воспоминаніе столь важнаго событія для всей Россіи. Эта новая церковь должна была построиться съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ архитектурныхъ подробностей древней формы Византійскихъ храмовъ IX вѣка. Проектъ возстановленія церкви въ такомъ видѣ былъ возложенъ преосвященнымъ Иннокентіемъ на епархіальнаго въ то время архитектора Л. Ц. Отона, при чемъ Иннокентій обратился съ просьбою и къ Одесскому археологу Н. Н. Мурзакевичу, чтобы и онъ помогъ въ этомъ предпріятіи своими руководственными научными указаніями... Въ нѣсколько мѣсяцевъ проектъ церкви былъ изготовленъ и вмѣстѣ съ под-

— Въ томъ-же № помѣщена цѣликомъ и рѣчь Иннокентія. Вотъ начало ея: «Видно, такъ угодно было Господу, что-бы я, нисколько не предвидя настоящаго событія и не думавъ о немъ, вдругъ обрѣлся теперь между вами, какъ-бы для того именно, что-бы послужить молитвенно основанію сего храма. Могу-ли послѣ сего остаться безмолвнымъ и не раздѣлить тѣхъ чувствъ, кои сами собою возбуждаются во мнѣ при настоящемъ священно-дѣйствіи?» Сказавши о побужденіяхъ къ заложенію сего храма и о цѣли его, — Иннокентій

робною пояснительною историко-археологическою запискою былъ отправленъ къ преосвященному Иннокентію въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ тогда присутствовалъ въ св. Синодѣ. Военныя обстоятельства, постигшія Новороссію съ 1853 по 1856 г., а затѣмъ кончина архіепископа Иннокентія въ 1857 г.—остановили предположенное дѣло. Уже въ 1859 г. тогдашнимъ настоятелемъ Херсонисской обители игуменомъ Евгеніемъ предположеніе архіепископа Иннокентія приведено въ исполненіе, но по другому уже плану. Новую церковь предположено сдѣлать болѣе обширною (26 саж. длины и ширины и 25 вышины) и въ два этажа, съ тѣмъ, чтобы въ нижнемъ храмѣ фундаментъ древней церкви оставался неприкосновеннымъ и могъ быть приспособленъ къ богослуженію. Освященіе фундамента новой церкви торжественно совершено 23 авг. 1861 г.— въ присутствіи Государя Императора Александра II, Государыни Императрицы Маріи Александровны, Великаго Князя Константина Николаевича—и всей царской свиты. Описаніе этого освященія помѣщено въ „Церковной Лѣтописи“ журнала „Духовная Бесѣда“ (1861 г. стр. 636—640). Государь Александръ II положилъ первый камень во главу угла новосозидаемаго храма... По соизволенію Государя Херсонисская обитель возведена въ достоинство монастыря первокласснаго. Въ то же время Высочайше былъ учрежденъ комитетъ по сооруженію храма св. Владиміра въ семь монастырѣ—для сбора пожертвованій во всей Россіи. Въ 1867 году былъ оконченъ нижній этажъ храма. Для закладки втораго этажа прибылъ въ Херсонисскій монастырь—13 августа 1867 года Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Это описано въ той-же „Церковной Лѣтописи“ за 1867 годъ (стр. 656—664), при чемъ здѣсь представленъ и рисунокъ храма—въ его будущемъ уже готовомъ видѣ... Въ описаніи, между прочимъ, читаемъ: „прежде всего Его Высочество посѣтилъ храмъ св. Седми священномучениковъ въ Херсонисѣ епископствовавшихъ... Послѣ краткаго здѣсь молебствія—крестный ходъ направился къ мѣсту крещенія св. Владиміра. Здѣсь Великій Князь сначала былъ въ нижнемъ, оконченномъ вчернѣ этажѣ собора, гдѣ теперь подъ сводами храма неприкосновенно хранятся для потомства драгоцѣнные остатки стѣнъ крещальнаго храма; потомъ поднялся отсюда по подмосткамъ на верхъ нижняго этажа, гдѣ уже положена настилка для половъ верхняго главнаго храма. Началось молебствіе... Когда приспѣло время закладки и мѣсто подъ основаніе престола окроплено св. водою, Великій Князь положилъ въ это мѣсто мраморную доску съ соотвѣтственною надписью, и затѣмъ на главной стѣнѣ алтаря, т. е. на будущемъ горнемъ мѣстѣ, положилъ камень, начавшій собою стѣны втораго этажа....

продолжаетъ; «но въ настоящихъ обстоятельствахъ возлюбленнаго отечества нашего, заложение сего храма получаетъ еще большее и обширнѣйшее значеніе. Кто не знаетъ, что у враговъ нашихъ одно изъ самыхъ задушевныхъ желаній теперь состоитъ въ томъ, чтобы какимъ-бы то ни было образомъ, отторгнуть здѣшнюю страну отъ состава Россіи?—Это было-бы,—по собственному признанію ихъ, верховъ ихъ успѣха противу насъ. А мы—въ это самое время—какъ-бы въ отвѣтъ на ихъ безумную дерзость, — полагаемъ нынѣ здѣсь основаніе храму святаго Владиміра!... Симвъ самымъ, сильнѣе и внятнѣе всякихъ словъ, мы говоримъ врагамъ нашимъ какъ-бы такъ: непростительно грубо ошибаетесь вы, воображая, что полуостровъ Таврической составляетъ для Россіи только недавнюю добычу меча и плодъ побѣды: нѣтъ, это древнее и родовое достояніе наше; это наслѣдіе еще св. Владиміра!.. Здѣсь купель нашего крещенія; здѣсь начало нашей священной исторіи и народныхъ преданій. Уступить послѣ сего страну эту кому бы то ни было, значило-бы для Россіи, отказаться отъ купели своего крещенія, измѣнить памяти св. Владиміра!.. Возможно-ли это? Скорѣе не останется во всѣхъ горахъ здѣшнихъ камня на камень, нежели луна заступитъ здѣсь мѣсто креста Христова!...—Такова, говорю, сила и таковъ смыслъ нынѣшняго нашего священно-дѣйствія по отношенію къ врагамъ нашимъ! И надобно-же было вчера имъ явиться въ такомъ множествѣ предъ лицомъ сего града, какъ-бы нарочно для присутствія при заложении сего храма и для выслушанія урока въ немъ заключающагося»... Въ концѣ рѣчи Иннокентій говоритъ: «итакъ, не унывай, Богоспасаемый градъ Севастополь, отъ множества и злобы враговъ, тебя обышедшихъ, памятуя, что ты брестникъ и наслѣдникъ не Ахтіара мусульманскаго *), а православнаго Херсониса-Таврическаго. Созданное въ защиту твою руками человѣческими еще можетъ уступить силѣ и искусству человѣческому; но что дано и положено свыше, того не можетъ измѣнить никто и

---

*) Ахтіаръ—такъ называлась татарская деревня, гдѣ основанъ былъ Севастополь—послѣ присоединенія Крыма къ Россіи въ 1783 г.—Ахтіаромъ—называлась собственно сѣверная часть нынѣшняго Севастополя—до водворенія татаръ въ Крымъ (въ 1223 г.)—въ этой мѣстности былъ древній знаменитый городъ Херсонисъ.

ничто. Поелику же страна сія вставлена въ составъ Россіи— въ лицѣ св. Владиміа—рукою самаго Провидѣнія,—то вѣтъ врага, могущаго ее отторгнуть: яже Богъ сочета, человекъ не разлучаетъ! (Матѣ. XIX, 6)». Въ № 95-мъ помѣщено подробное описаніе того, какъ Одесса 22 августа 1854 г. праздновала годовщину своего основанія. «Нынѣшній годъ,— такъ начинается статья эта,—ознаменованъ уже нѣсколькими празднествами, обличающими новый характеръ, принимаемый нашимъ городомъ со времени событій, такъ грозно поколебавшихъ Европу и въ которыхъ Одессѣ пришлось принять такое непосредственное участіе... И празднованіе Одессой годовщины своей 22 августа въ это время отличалось особенною торжественностью и знаменательностію... За два дня изъ собора привезена была въ Михайловскій женскій монастырь чудотворная икона Касперовской Божіей Матери... Въ самый день 22 августа—предъ окончаніемъ литургіи въ Михайловскомъ монастырѣ,—преосвященный Иннокентій произнесъ исполненное глубокаго смысла слово о значеніи празднуемаго Одессою дня, въ настоящихъ обстоятельствахъ: онъ особенно указалъ на то, что въ прежніе годы, въ этотъ день, мы обращались преимущественно къ воспоминанію Одессы, а нынѣ должны наиболѣе вникать въ настоящее и даже въ будущее нашего города и Россіи. Краснорѣчиво изложивъ, почему, несмотря на облегающую православное отечество наше лютую войну, мы имѣемъ причины благодарить Господа силъ за все совершающееся предъ нами и вокругъ насъ, онъ закончилъ вдохновеннымъ убѣжденіемъ, что сравнительно съ другими народами, Россія выйдетъ изъ настоящей борьбы, сильнѣе и выше чѣмъ она была, потому уже, что она не уступила и не ослабѣла духомъ при грозномъ натискѣ ея враговъ. — Изъ описанія прочихъ подробностей праздника—отмѣтимъ заключительный тостъ на блистательномъ обѣдѣ, данномъ купеческимъ обществомъ въ биржевомъ залѣ (на 250 приборовъ) для духовенства, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и иностранныхъ консуловъ. Этотъ тостъ произнесъ преосвященный Иннокентій за благоденствіе города Одессы, выразивъ надежду, что нашъ городъ, послѣ крещенія его огнемъ и кровію, не только не падетъ предъ грозою нашедшею на востокъ, но, напротивъ по возстановленіи мира, съ новою силою распространитъ

свое мирное и благотѣльное вліяніе на востокъ». — Въ № 97-мъ «Одесскаго Вѣстника» сообщается, что 30 августа, преосвященный Иннокентій совершилъ литургію въ Александро-Невской церкви Ришельевскаго лицея, при чемъ произнесено было имъ слово соотвѣтственное торжеству сего дня. — Въ № 100 сообщается, что преосвященный Иннокентій 8 сентября совершилъ литургію въ Успенской единавѣрческой церкви, куда была накануне перенесена изъ собора чудотворная икона Касперовской Божіей Матери. „Предъ окончаніемъ литургіи архипастырь произнесъ глубоко-назидательное слово, въ которомъ, поздравивъ прихожанъ единавѣрцевъ съ прибытіемъ къ нимъ Небесной Гостыи, указалъ на благословеніе, нисходящее на нихъ свыше отъ воссоединенія ихъ съ православною церковію, которая одна можетъ сдѣлать ихъ участниками духовныхъ благъ, истекающихъ отъ являющихся среди ея одной высокихъ заступниковъ предъ Престоломъ Божиимъ, въ лицѣ нетлѣнныхъ священномучениковъ и чудотворцевъ, равно какъ и чудотворныхъ иконъ. — Въ этотъ-же день совершена преосвященнымъ Иннокентіемъ закладка новой церкви на Молдаванкѣ — во имя Входа во Иерусалимъ Христа Спасителя. — Въ томъ-же № сообщается, что 10-го сентября преосвященный Иннокентій выѣхалъ въ Крымъ, откуда получены достовѣрныя свѣдѣнія, что 1-го сентября въ виду Севастополя появился непріятельскій флотъ въ 106 вымпеловъ, за которымъ слѣдовало огромное количество транспортныхъ судовъ... Въ слѣдующіе затѣмъ дни произведена была съ этого флота высадка непріятельскихъ войскъ — на пространствѣ между Евпаторіею и устьями рѣки Алмы.. (такъ писали прежде: Алма; теперь пишутъ: Альма). Въ октябрскихъ и ноябрскихъ №№ „Одес. Вѣст.“ 1854 г. помѣщены цѣликомъ тѣ вдохновенныя рѣчи Иннокентія, которыя онъ произнесъ въ эту свою поѣздку — въ разныхъ мѣстахъ Крыма — съ цѣлію успокоить, ободрить, утѣшить и возбудить къ подвигамъ добра и благочестія свою Таврическую паству, уstraшенную вторженіемъ непріятели. Въ Симферополѣ онъ произнесъ три слова. Первое напечатано въ № 118 „Одесск. Вѣст.“ подъ заглавіемъ: „Слово произнесенное высокопр. Иннокентіемъ, архіеп. Херс. и Таврич., — въ Симферопольскомъ Александро-Невскомъ соборѣ 14 сентября 1854 г. при со-

вершеніи покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплеменниковъ“. Вотъ начало этого слова: „Миръ вамъ“ (Лук. 24,—36). Сими словами Спаситель и Господь нашъ привѣтствовалъ возлюбленныхъ учениковъ Своихъ, когда, явясь имъ по воскресеніи Своемъ, нашель ихъ въ страхъ и смущеніи отъ ужасныхъ событій Голгоескихъ. Сіи же самыя слова любви и успокоенія мы дерзаемъ обратить нынѣ къ вамъ, жители Богоспасаемаго града сего къ вамъ, кои такъ много смущены теперь отъ вторженія въ страну вашу иноплеменниковъ: миръ вамъ! Миръ не отъ нашего безсилія и немощи, а отъ Бога-Отца всемогущаго! Отъ Бога-Сына всесодержащаго! Отъ Бога-Духа святаго — всеживотворящаго! Успобаивая слушателей своихъ отъ настигшихъ ихъ помысленій страха, по которымъ многіе изъ нихъ, готовы были искать спасенія внѣ града и страны родной,—Инокентій говоритъ далѣе: „не смущаютъ ли нѣкоторыхъ изъ васъ небольшіе успѣхи врага, пришедшаго въ такомъ множествѣ изъ-за моря?“ Подъ этими небольшими успѣхами Инокентій разумѣлъ, конечно, неудачное для насъ сраженіе при рѣкѣ Альмѣ—8 сентября, открывшее неприятелямъ свободный путь къ Севастополю... Но нечего увывать,—утѣшаетъ Инокентій,—все къ лучшему!—и припоминаетъ при этомъ 1812 годъ... „Подобное тому, дастъ Господь,—послѣдуетъ и теперь! Ибо—примѣтили ли вы, въ какой день враги появились на землѣ вашей? Въ тотъ самый день, въ который вошли они нѣгда въ Москву...“) „Мы,—продолжаетъ мудрый святитель, намекая на нашу неподготовленность къ войнѣ,—мы не чаяли уже почти въ это время врага, и потому, подобно дѣвамъ въ притчѣ Евангельской, невольно предались было нѣкоему дреманію; и вотъ Господь попустилъ ему занять внезапно берега наши и стѣснить насъ, да будетъ надежда наша не на свои силы, а на Его всемогущую помощь.. Но если это

---

*) Замѣчательно, что это сближеніе отмѣтилъ тогда и извѣстный М. П. Погодинъ въ „Московск. Вѣдомостяхъ“... Вотъ что говорится объ этомъ въ „Одесск. Вѣстн.“ отъ 12 окт. 1854 г., № 112: „Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Московск. Вѣдомостей“, извѣстный ученый нашъ М. П. Погодинъ указываетъ на замѣчательное сближеніе чиселъ: французы вошли въ Москву въ 1812 году—2 сентября; въ нынѣшнемъ году англо-французы высадились въ Крыму 2-го же сентября“.

вторженіе причинило безпокойство и смущеніе намъ, то будьте увѣрены—оно послужитъ не на радость и врагу нашему.. Отраженный отъ бреговъ нашихъ, или пораженный тотъ часъ по выходѣ его на сушу, онъ, конечно, удалился бы отсюда, но удалился бы еще съ великими силами, и потому долго бы могъ изливать ярость свою на другія мѣста. Теперь же, не смотря на его кичливость и мнимый успѣхъ, онъ вышедъ изъ моря на сушу,—весь уже нѣкоторымъ образомъ въ нашихъ рукахъ, и пораженный до конца, потеряетъ охоту и средства къ продолженію самой брани. Для сего нужно только усилиться храбрымъ дружинамъ нашимъ, чтобы врагъ не подавлялъ насъ своимъ многолюдствомъ... И у Россіи ли не достанетъ ратниковъ?“ Успокоивши дальше на счетъ измѣны такъ называемыхъ туземцевъ (т. е. татаръ), увлекшихся безумно на сторону враговъ нашихъ,—Иннокентій такъ заканчиваетъ первую половину своего слова: «Никогда не хорошо и не благоразумно предаваться воображенію опасностей, тѣмъ паче въ настоящихъ обстоятельствахъ. Если бы, устремившись къ вамъ, я хоть въ половину приложилъ вѣру къ тому, что слышалъ о нынѣшнемъ положеніи вашемъ, что разные и нелегковѣрные, люди говорили мнѣ объ ожидающихъ на пути опасностяхъ, то мнѣ тотчасъ надлежало бы остановиться и отказаться отъ намѣренія посѣтить, утѣшить и ободрить васъ. Но, по милости Божіей, слышанное мною нисколько на меня не подѣйствовало; и я теперь опытный и очевидный свидѣтель для васъ въ томъ, что положеніе страны вашей отнюдь не такъ опасно, какъ могло казаться нѣкоторымъ, и что если была кабая-либо опасность, то она со дня на день уменьшается и скоро должна пройти совершенно“. Вторую половину своего слова Иннокентій начинаетъ такъ: «Доселѣ бесѣдовалъ я съ вами, какъ посѣтитель, искренно усердный къ вамъ, но взирающій на положеніе и обстоятельства ваши глазомъ обыкновеннымъ; время теперь возвысить голосъ и сказать нѣсколько словъ устами пастыря страны сей, хотя и недостойнаго... Не здѣсь ли, не у васъ ли колыбель нашего христіанства? Не отсюда ли возсіялъ свѣтъ вѣры православной на всю землю русскую? Не за сію ли страну положили душу свою наши приснопамятные священно-мученики Херсонскіе? И вы попустили себѣ, хотя на минутку поду-

мать, что все сіе можетъ остаться втуяѣ, и Крестъ Христовъ уступить здѣсь мѣсто лунѣ Магометовой?!» Указавши на постоянныя молитвы ко Господу церкви православной о побѣдѣ надъ врагами и супостатами—на неизмѣримомъ пространствѣ земли русской,—Иннокентій затѣмъ говоритъ о молитвахъ на небѣ—предъ Престоломъ Божиимъ—священномучениковъ Херсонскихъ и Великаго Князя Владиміра— «Нѣтъ,—воскликаетъ онъ,—если мы любимъ искренно свое отечество,—то небожители тѣмъ паче не могутъ забыть его и не предстательствовать за него у Господа! А за успѣхъ враговъ нашихъ—кто можетъ стать и ходатайствовать на небѣ?» Не предки ли этихъ безумныхъ пришельцевъ, ниспровергавшіе алтари и престолы, поклонявшіеся богинямъ разума и, проповѣдуя всеобщее братство, плававшіе сами въ крови своихъ близкихъ и знаемыхъ? Не Ханы ли Крымскіе, доведшіе сію страну до всеконечнаго опустошенія, питавшіеся сами и питавшіе полчища свои слезами и кровію странъ сопредѣльныхъ? Не прежніе-ли служители здѣсь вѣры магометанской, кои, послѣдуя душевредному алкорану, и сами всю жизнь шли и другихъ слѣпо вели за собою въ пропасть адскую?... «Видите,—сознается Иннокентій,—что я, хотя и по любви къ вамъ,—но ожесточаю слово!... Для чего? Дабы пробудить во всѣхъ васъ чувство вѣры и упованія, приличное чадамъ церкви православной, дабы удалить васъ отъ опасеній и малодушія, столь не сродныхъ сынамъ земли Русской!»—Въ заключеніе слова Иннокентій говоритъ: «Вмѣсто безотраднaго и безплоднаго смущенія, займемся тѣмъ, чего требуютъ настоящія обстоятельства. Къ вамъ на защиту спѣшатъ храбрыя войска наши, для коихъ, по самой быстротѣ ихъ шествія, не возможно было имѣть съ собою всего нужнаго. Незамедлите оказать усердіе и уготовать для нихъ пищу и питіе.—У васъ будутъ узвѣленные на брани: да не окажется недостатка въ томъ, что необходимо для ихъ успокоенія. Для всего этого непожалѣйте ничего: ибо стыдъ и горе намъ, если пролившій за насъ кровь свою, принужденъ будетъ сказать, что онъ не призрѣнъ, какъ должно, своими!... А вмѣстѣ съ симъ обратитесь всѣ къ молитвѣ и покаянію; ибо это оружіе на враговъ самое дѣйствительное, коимъ при томъ можетъ владѣть всякій... Какъ скоро мы чрезъ покаяніе искренно при-

миримся съ совѣстью своею и Богомъ,—то и вокругъ насъ все обратится къ тишинѣ и миру, коими да благословить скорѣе Господь всѣхъ насъ!—Аминь». Въ № 123 „Од. Вѣст.“ напечатано 2-е Симферопольское слово Иннокентія 15 Сент. 1854 г. по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплеменниковъ. Вотъ начало его: «Не опечалилъ я васъ вчера чѣмъ-либо, возлюбленные?—По той-же любви къ вамъ о Христѣ и по той же ревности по васъ можно было, пожалуй, сказать что-либо и слишкомъ горькое... Но вы поймете, надѣюсь, и уразумѣете, какъ должно, причину и цѣль всего сказаннаго, и не будете огорчаться нашимъ словомъ, памятуя слово Св. Писанія, что достовѣрнѣе язвы друга, нежели льстивыя лобзанія врага (Притч. Солом. 27—6). Дальше архипастырь разъясняетъ, почему именно онъ требуетъ отъ своихъ слушателей особеннаго подвига любви къ отечеству и самоотверженія, сообразно чрезвычайности нынѣшнихъ обстоятельствъ». Какъ поступите вы въ это время великаго испытанія, какой подадите примѣръ, такая вамъ воздана будетъ отъ всѣхъ и честь...—Посему-то я и говорю съ вами такимъ рѣшительнымъ и откровеннымъ языкомъ; для сего-то самаго я и прибылъ къ вамъ, не смотря на всѣ трудности пути: мнѣ дороги спокойствіе и честь ваши, и еще дороже честь, нежели спокойствіе... Россія теперь не сводитъ съ васъ глазъ... Предъ вами теперь слава, или стыдъ вѣчный, благословеніе, или укоризна не изгладимая! Поспѣшите-же прославиться славою чистою и святою, — показавъ, что вы не напрасно живете у самой колыбели нашего христіанства... Блаженные предки наши не думали спасать себя, когда Отечество находилось въ опасности... Употребите всѣ силы и средства, все искусство и умѣніе ваше на содѣйствіе и помощь христолюбивому воинству нашему.—Кто можетъ отрицать лютость настоящей войны—тяжесть нынѣшняго вашего положенія? Но въ то же время сколько имѣемъ мы въ подкрѣпленіе и утѣшеніе себя побужденій самыхъ сильныхъ, надеждъ самыхъ чистыхъ и христіанскихъ!—Мы стали за цѣлость вѣры православной и святость Креста Христова, за освобожденіе отъ невыносимаго ига мусульманскаго единовѣрныхъ и единоплеменныхъ собратій нашихъ, за собственное, можно сказать, духовное бытіе наше.. Что-же, скажите, было иначе дѣлать намъ?

Развѣ въ угодность темнаго Запада отказаться отъ свѣтоноснаго Востока? Развѣ преклонить вѣнчанную Крестомъ главу подъ кровавый серпъ Луны Магометовой, исчезающій по закону самой природы?... Тяжко и трудно положеніе наше, но необходимо и неизбѣжно; ибо уклоняясь отъ него, мы измѣнили-бы не человѣкамъ, а самому Богу! Ибо дѣло наше есть не столько наше, сколько дѣло Божіе, защищая которое, мы не боязненно можемъ предстать на судъ всему потомству, на судъ самыхъ ангеловъ небесныхъ... Не мало еще жертвъ потребуется отъ насъ; много еще прольется слезъ и крови... Но плоды сего слезнаго и кроваваго сѣянія будутъ неисчислимы—не только для величія всей Россіи, но и для вашего благоденствія.. Можетъ быть я предаюся слишкомъ надеждѣ; но мнѣ кажется, что я какъ-бы вижу уже, какъ Таврида сотрясается, наконецъ, съ себя вретиче и прахъ жалкаго полубытія общественнаго; какъ всѣ части здѣшняго полуострова тѣснѣе и прискреннѣе входятъ въ живой и мощный составъ Россіи; какъ Херсонесу Таврическому возвращается вполнѣ его древній характеръ христіанскій, и вѣковыя святыни его поднимаются изъ развалинъ...; какъ сама природа здѣшняя, нашедъ, наконецъ, кому открытъ, раскрываетъ еще болѣе тайныя сокровища свои на пользу человѣка»... «Отъ слова и бесѣды,—такъ кончаетъ вдохновенный святитель,—обратимся всѣ пакы въ молитвѣ; ибо хорошо и полезно въ духѣ вѣры и любви, бесѣдовать человѣку съ человѣкомъ; но еще лучше бесѣдовать каждому въ сердечной молитвѣ съ Богомъ; потому что никакое слово и никакая бесѣда не могутъ замѣнить единаго глубокаго, молитвеннаго воздыханія ко Господу—души чистой и истинно кающейся.—Аминь». Въ № 124-мъ помѣщено 3-е Симферопольское слово Иннокентія—16-го Сент. 1854 г.—«при отбытіи изъ сего города и оставленіи ему и всему Крыму, на благословеніе, изображенія чудотворнаго образа Богоматери Касперовской». Начинается оно такъ: „При всемъ желаніи моемъ продолжить мое пребываніе у васъ и раздѣлить съ вами до конца чашу постигнаго васъ искушенія, я долженъ разстаться съ вами, дабы посѣтить и другіе грады и мѣста вашего полуострова, кои не менѣе васъ смущены теперь отъ нашествія иноплемениковъ“. Утѣшивши слушателей доброй надеждой на будущее и увѣ-

ривши ихъ въ отсутствіи уже для нихъ всякой опасности (вчера, говоритъ онъ, собственными очами, и на недалнемъ разстояніи видѣлъ я и станъ воинства нашего, и мѣсто занятое врагами) благодаря искусству опытнаго военачальника, «какъ-бы особенно на сей разъ вдохновеннаго свыше,— Архипастырь оиять и оиять приглашаетъ ихъ къ подвигамъ любви для воинства русскаго. «Сколько градовъ великой Россіи желали-бы теперь быть на мѣстѣ вашемъ! Покажите-же, что и вы были на своемъ мѣстѣ, и что Россія не будетъ имѣть причины стыдиться за васъ и сожалѣть о томъ, что ея на это время здѣсь не было“!... А за тѣмъ оиять приглашаетъ къ молитвѣ къ покаянію. „Вмѣсто страховъ чело-вѣческихъ возымѣйте всѣ страхъ Божій! Ибо—если въ какихъ обстоятельствахъ, то въ подобныхъ вашимъ, совершаются на землѣ судьбы не чело-вѣческія, а Божіи. По сему-то въ подобные дни и распространяется, какъ видите, на все какъ-бы нѣкая таинственная мгла: никто не можетъ сказать, что будетъ завтра, даже нынѣ; но изъ этой мглы и мрака, какъ молнія изъ тучъ, проявляется по временамъ, для имѣющихъ очи видѣть,—персть Самаго Бога“... Въ заключеніе говоритъ, что въ знакъ своей пастырской любви и въ залогъ упованія онъ оставляетъ имъ изображеніе чудотворнаго лика Богоматери, который, какъ имъ извѣстно, уже болѣе дванадцати лѣтъ озаряетъ Новороссію знаменіями и чудесами. «Водимый,—говоритъ онъ,—какимъ-то предчувствіемъ, я давно мыслилъ, что этотъ источникъ благодати открылся среди насъ такъ внезапно не безъ особенной цѣли, а передъ какою либо годиною исходящихъ на насъ великихъ искушеній“... Закачивается слово молитвою къ Богоматери, чтобы она приняла подъ всемогущій покровъ свой градъ сей и всю страну здѣшнюю, находящуюся нынѣ въ толикомъ озлобленіи отъ враговъ.

Затѣмъ въ дальнѣйшихъ №№ «Од. В.» помѣщены слова Иннокентія, произнесенныя въ другихъ мѣстахъ Крыма. Въ 128-мъ № напечатано „Слово его въ Карасубазарскомъ соборѣ 17 Сент. 1854 г. среди покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплеменниковъ“. Вотъ начало его: «Миръ вамъ! По всему видно, возлюбленные, что вы нисколько не ожидали меня и не думали, чтобы я могъ явиться среди васъ въ настоящее время; а я,

по милости Божіей, уже нѣсколько дней странствую по вашему полуострову и поспѣшилъ-бы къ вамъ тотчасъ по нашествіи на васъ иноплемениковъ, если-бы узналъ о томъ прежде». Сказавши затѣмъ о долгѣ его, какъ пастыря, самую душу свою положить за овцы,—Инокентій прибавляетъ: «а у васъ еще отнюдь не такая опасность, чтобы опасаться уже за свою жизнь». И начинаетъ успокаивать слушателей... «Отложите-же, возлюбленные, тотъ страхъ и смущеніе, кои, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, подобно бурному потоку, безотчетно овладѣли многими изъ обитателей страны вашей; успокойтесь духомъ и продолжайте въ мирѣ и тишинѣ заниматься по прежнему дѣлами званія вашего»... Далѣе, напомнивши и раскрывши, что предпринятая Россіею война и по началу, и по цѣли своей—есть брань священная, архипастырь говоритъ, что и «намъ, возлюбленные, сообразно самому свойству брани, къ обыкновеннымъ занятіямъ нашимъ немедля должно присоединить особенныя дѣла благочестія христіанскаго; коими привлекаются благословеніе и милость Божія. Дѣла сіи суть: усердная молитва, св. постъ, милосердіе къ бѣднымъ и искреннее покаяніе во грѣхахъ нашихъ». За тѣмъ и ихъ побуждаетъ къ помощи христолюбивому воинству, которая для нихъ тѣмъ удобнѣе, что, не смотря на недалность ихъ отъ мѣста брани, они заслонены отъ враговъ горами. „Не пренебрегите-же,—убѣждаетъ архипастырь,—симъ рѣдкимъ для васъ случаемъ для показанія вашей любви къ отечеству. Неожидайте въ семъ отношеніи даже примѣра; а спѣшите подать сами примѣръ другимъ. Время брани быстротечно: пройдетъ,—тогда и захотѣли-бы сдѣлать что-либо для отечества, но уже не будетъ въ томъ нужды. Смотрите-же, не подайте повода собственнымъ дѣтямъ вашимъ имѣть право сказать когда-либо въ слухъ вамъ: нѣтъ, не такъ поступили-бы мы, если-бъ были въ это время на мѣстѣ отцевъ нашихъ!“... Далѣе, архипастырь касается факта измѣны нѣкоторыхъ изъ туземныхъ татаръ. Еще одно слово, возлюбленные! Между сообитателями вашими не малое число принадлежитъ къ тому племени, которое, по нѣкоторымъ мѣстамъ полуострова, не имѣло твердости устоять противъ обольщенія злострыхъ враговъ нашихъ и попустило себѣ увлечь къ нарушенію священнаго долга вѣрности Монарху и оте-

честву. Событіе весьма печальное во всѣхъ отношеніяхъ! Но да не услышатъ сограждане ваши изъ устъ вашихъ горькихъ нареканій и поношеній за своихъ неразумныхъ соплеменниковъ! Въ подобномъ случаѣ каждый долженъ отвѣчать за себя самого; и судъ о происшедшемъ принадлежитъ не намъ, а власти предержащей, которая отличить виновныхъ отъ невинныхъ и воздастъ каждому по дѣломъ его. Помните, что вы—христіане; а христіанинъ не долженъ мстить никому, обязанъ прощать самыхъ враговъ, тѣмъ паче не поносить и не оскорблять невинныхъ изъ-за виновныхъ...—Пусть служители алкорана познаютъ изъ настоящаго опыта, какъ высоко и благотворно Евангеліе Христово!.. Такимъ образомъ, настоящія печальныя событія послужать не только къ величію и славѣ отечества, но и къ чести и торжеству св. вѣры нашей! Въ заключеніе, побѣщавъ слушателямъ молиться за нихъ—и по удаленіи изъ ихъ града, архипастырь и у нихъ просить для себя молитвъ. „Ибо не малъ еще предлежитъ намъ путь и не мало на семъ пути предстоитъ намъ труда и заботъ пастырскихъ. Аминь“. Въ 130 мѣ № помѣщено слово Иннокентія „въ Θεодосійскомъ Александро-Невскомъ Соборѣ 18 Сент. 1854 г., при совершеніи покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на Крымъ иноплемениковъ“. Начинается оно такъ: „Миръ вамъ! Вступая вчера, возлюбленные, въ городъ вашъ, я пораженъ былъ его пустыннымъ видомъ: казалось, что въ немъ уже нѣтъ никого изъ жителей и всѣ оставили его, кромѣ малаго числа стражи военной.—Да, подумалъ я,—если кому, то имъ не предосудительно было уклониться отъ нашествія враговъ; ибо не только городъ здѣшній, по своей крайней близости къ морю,—но почти каждый домъ въ городѣ находится прямо подъ ударами орудій непріятельскихъ. Но сему-то, говорю, я нисколько не осудилъ въ мысляхъ моихъ вашего удаленія, а только пожалѣлъ отъ души о тяжести вашего положенія и о томъ, что я не буду имѣть утѣшенія видѣть васъ и раздѣлить съ вами молитвы и чувства мои. Въ успокоеніе духа служила мнѣ та одна мысль, что для силы и дѣйствительности молитвы о комъ-либо нѣтъ необходимости въ присутствіи тѣхъ лицъ, за коихъ совершается молитва; такъ какъ и сама Церковь ежедневно возноситъ въ храмахъ молитву не о находящихъ-

ся только въ храмѣ, но и о всѣхъ, благословною виною отсутствующихъ. Какая-же причина отсутствія можетъ быть благословнѣе вашей, когда вы должны были сказать отъ огня и меча иноплеменниковъ самую жизнь свою?“... Далѣе, архипастырѣ высказываетъ свою радость, что храмъ все-таки неожиданно для него наполнился молящимися,—и благодарить Господа, внушившаго жителямъ Θεодосіи усердіе любви—поспѣшить на свиданіе съ своимъ архипастыремъ и на общую молитву съ нимъ... За тѣмъ высказываетъ имъ слова утѣшенія. «Положенію вашему сочувствуетъ вся Россія... Вы теперь яко жертва искупительная на алтарѣ отечества. Можетъ-ли оно забыть эту жертву?»... Далѣе, приглашаетъ слушателей къ духовному бодрствованію. „Бдите и молитесь, да не внидете въ напасть... Спаситель говорилъ: да не внидете, потому что напасть еще не наступила; а мы вмѣсто того скажемъ вамъ: бдите и молитесь, да изыдите отъ напасти, которая уже давно постигла васъ и доселѣ не проходитъ!“... Далѣе, въ подкрѣпленіе вѣры гражданъ и для возбужденія ихъ къ молитвѣ, архипастырѣ раскрываетъ, что надъ ихъ градомъ уже проявилось знаменіе милости Божіей. Не смотря на всѣ удобства для врага—напасть на ихъ городъ,—въ него не влетѣла еще ни одна стрѣла вражія. Это онъ приписываетъ тому, что у престола Божія ходатайствуетъ за нихъ древній Пастырѣ ихъ страны св Стефанъ Сурожскій. Высказавши за тѣмъ жалобу свою на нихъ за то, что какъ это онъ замѣтилъ еще при первомъ свиданіи съ ними,—имъ вовсе неизвѣстны святая жизнь и подвиги сего древняго святителя и что они ни чемъ не чествуютъ его,—Инокентій совѣтуетъ имъ искренно раскаяться въ этомъ грѣхѣ и затѣмъ убѣждаетъ ихъ, для безопасности отъ враговъ, почитать память ихъ древняго святителя особеннымъ празднествомъ. „Изберите, наконецъ,—прибавляетъ онъ,—если хотите вполне загладить свое прежнее невниманіе,—изберите какое-либо изъ священныхъ урочищъ, коими такъ богаты ваши окрестности, и устройте на немъ хотя малый храмъ во имя святителя, куда бы вы и съ чадами вашими могли приходиться по временамъ на молитву и воспоминанія священныхъ древностей страны вашей. Въ заключеніе, онъ обѣщаетъ помочь имъ въ семъ благомъ начинаніи и, по возвратѣ домой, прислать

имъ житіе св. Стефана, начертанное рукою св. Димитрія Ростовскаго,—для приобрѣтенія этой хартіи для каждого изъ семействъ ихъ,—и кончается слово краткимъ призываніемъ на нихъ и градъ ихъ благодати Божіей и молитвъ св. Стефана. По возвращеніи въ Одессу, Иннокентій встрѣчалъ 4 Окт. 1854 г. въ Одесскомъ Каедр. Соборѣ Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича и сказалъ имъ при этомъ рѣчь, которая напечатана въ 110 № „Одес. Вѣст.“. Вотъ ея начало: „Благовѣрные Государи и Великіе Князья! Истинно великіе, потому что благовѣрные! Что могло подвинуть васъ на путь къ намъ, столь не близкій и въ настоящихъ обстоятельствахъ не безбѣдный, и съ такою внезапностію, подобно жениху въ Евангеліи, явиться среди насъ въ часъ глубокой полунощи,—если не желаніе скорѣе раздѣлить съ нами опасности, намъ угрожающія, и возвѣстить намъ слово утѣшенія отъ Августѣйшаго Родителя Вашего, нашего общаго Отца и Защитника?“—9-го октября Иннокентій совершалъ напутственное молебствіе—на Одесской Соборной площади—войскамъ 11-й пѣхотной дивизіи (Селегинскому и Якутскому полкамъ), отправлявшимся въ Крымъ и сказалъ имъ при этомъ рѣчь. Она напечатана въ 112 № «Од. В-ка». Начинается такъ: «Христолюбивые и побѣдоносные войны! Христолюбивые, и потому побѣдоносные! Не долго осталось вамъ покоиться отъ вашихъ трудовъ и подвиговъ Задунайскихъ!—По гласу Монарха, вы снова должны востать и идти на полуостровъ Таврической—для наказанія и пораженія тамъ кичливыхъ враговъ нашихъ, кои, въ ослѣпленіи гордости и злобы, дерзнули, переплывъ море, вторгнуться въ эту древнюю область нашу, гдѣ принялъ крещеніе еще Великій и равноапостольный князь Владиміръ»... Назвавъ далѣе новый походъ этотъ вмѣстѣ и благочестивымъ странствіемъ къ колыбели нашего христіанства и православія, Иннокентій говоритъ: «Поклонитесь, съ благоговѣніемъ поклонитесь ей отъ лица всей земли русской—и станьте съ свойственнымъ вамъ мужествомъ противу изувѣрныхъ поклонниковъ Магомета и наглыхъ клеветовъ ихъ»... «Если,—продолжаетъ онъ, въ качествѣ воиновъ христолюбивыхъ, они будутъ отличаться не однимъ мужествомъ и храбростію, а и вѣрою и упованіемъ на Бога, благодушнымъ пересеніемъ нуждъ и трудностей, кротостію къ мир-

нымъ жителямъ и великодушіемъ къ самимъ побѣжденнымъ, — то Самъ Господь будетъ присутствовать среди ихъ стана и Ангелы небесные будутъ сражаться за нихъ.» И тогда врагъ, возвѣщаетъ Архипастырь далѣе, — пришедшій однимъ путемъ, побѣжитъ отъ васъ десятью путями, и не можетъ ускользнуть отъ меча вашего. Между тѣмъ, да будетъ воздано вамъ, что онъ, изъязвленный со всѣхъ сторонъ, теперь, безъ сомнѣній, хотѣлъ бы на крылахъ вѣтренныхъ возвратиться вспять; но, стрегомый храбрыми дружинами нашими, не можетъ подняться съ мѣста. Остается только нанести ему послѣдній ударъ и свергнуть его съ береговъ нашихъ, какъ безобразный трупъ, въ пучину морскую... Честь эта предоставлена вамъ и вашему мужеству»... — Въ № 120-мъ «Од. В.» напечатана редакціонная замѣтка, въ которой говорится, что 26 окт. 1854 г. совершенно преосв. Иннокентіемъ освященіе новой церкви въ предмѣстьи Одессы Новой Слободкѣ (нынѣшняя Слободка Романовка) во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, заложенной еще въ маѣ 1849 г., — и что предъ окончаніемъ Бож. Литургіи архипастырь произнесъ глубоко—назидательное слово о долгѣ нашемъ чаще посѣщать домъ Божій. Въ № 130 «Од. В.» въ передовой редакціонной замѣткѣ говорится, что 20 ноября въ субботу—въ день празднованія восшествія на престолъ Государя Импер. Николая Павловича, — преосв. Иннокентій—предъ окончаніемъ литургіи въ Одесскомъ кафедр. соборѣ—произнесъ исполненное могучаго краснорѣчія слово на два текста Царя—Псалмопѣвца: Господь воцарися, — да радуется земля! (Псал. 96-й), — и Господь воцарися, да гнѣваются люди! (Псал. 98-й) — о томъ, что брань, воздвигнутая противу насъ врагами нашими, богопротивна по самому предмету ея, и угрожаетъ имъ наказаніемъ свыше. — Въ № 133-мъ „Од. В-ка“, помѣщено цѣликомъ слово Иннокентія въ Одесскомъ Срѣтенскомъ городскомъ соборѣ (теперь это—просто приходская Срѣтенская церковь)—въ недѣлю 18-ю 3 окт. 1854 г. Вотъ начало этого замѣчательнаго слова: «И не бывъ сердецвѣдцами, можемъ сказать утвердительно, что среди настоящаго богослуженія многіе изъ васъ преносились мыслию на полуостровъ Таврическій и думали: что тамъ? стоитъ ли еще наша единственная твердыня—Севастополь? Не упали-ль духомъ его

мужественные защитники? Не угрожает ли имъ какое-либо злоключеніе? За тѣмъ—въ утѣшеніе слушателей, архипастырь излагаетъ имъ одно примѣчательное сказаніе,*) въ коемъ содержится какъ бы нѣкое пророчество о судьбѣ Крыма, могущее въ настоящихъ случайныхъ обстоятельствахъ нашихъ послужить и къ ободренію и къ назиданію нашему». Въ царствованіе Михаила Теодоровича отправлено было изъ Москвы къ Крымскому Хану посольство для заключенія договора, между прочимъ, объ уступкѣ Россіи—чего бы думали?—спрашиваетъ проповѣдникъ,— не большаго пространства земли на правомъ берегу Днѣпра, тамъ гдѣ нынѣ нашъ Александрійскій уѣздъ». Пребываніе пословъ нашихъ въ Крыму было трудно и стѣснительно; многіе изъ посольства впали въ болѣзнь и лишились жизни.. Оставшіеся—стали посѣщать древнія св. мѣста Крыма—и между прочимъ посѣщена была ими и древняя церковь въ скалѣ Ингерманской, вблизи нынѣшняго Севастополя, на каковомъ мѣстѣ подвизался и пріялъ вѣнецъ мученическій св. Климентъ, Папа Римскій, еще во 2 вѣкѣ по Р. Х. Здѣсь наши нашли они и мощи св. угодника Божія.. Тамошніе православные греки рассказали имъ о чудесахъ отъ сихъ мощей надъ татарами; но имени св. угодника не могли сказать имъ, ибо по новости своего населенія сами не знали его.—Какъ добрые христіане и усердные сыны церкви, соотечественники наши возревновали о чести св. мощей—находившихся въ ракъ совсѣмъ ветхой и рѣшили выпросить ихъ у грековъ, дабы перевезти ихъ съ собою тайно въ Москву.—Тяжело было бѣднымъ грекамъ разлучиться съ своимъ св. угодникомъ; но подумавъ о своемъ положеніи, тягостномъ среди татаръ въ настоящемъ и безвѣстномъ въ будущемъ,—они согласились, наконецъ, передать мощи благочестивымъ москвитянамъ.. Послѣднимъ оставалось только взять ихъ непримѣтно для татаръ. Но въ это время угодникъ Божій явился ноцію во снѣ одному изъ пословъ нашихъ и сказалъ: «друзи мои! Вы желаете взять отсюда мощи мои въ Москву, а мое намѣреніе совершенно другое: я хочу здѣсь въ Крыму утвердить Россію; по сему оставьте меня здѣсь.. Память моя 1-го сентября». Конечно, послѣ этого намѣреніе

*) Это сказаніе преосв. Иннокентій заимствовалъ, изъ 2 тома „Записокъ Одесск. Общ. Ист. и др.“.

взять мощи было оставлено; только, по усердію москвитянъ, —изветшавшая рака замѣнена была новою, за каковое усердіе одинъ изъ нихъ, особливо ревностный къ чести св. угодника получилъ исцѣленіе отъ тяжкаго недуга...» Таково древнее сказаніе о Крымѣ! Прибавимъ,—продолжаетъ Иннокентій,—что историческая достовѣрность его не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; ибо оно найдено въ московскомъ хранилищѣ древнихъ хартій государственныхъ, еще до начала нынѣшней войны, когда не было ни у кого и мысли о настоящей судьбѣ Крыма,—составлено, какъ видно изъ самаго свитка, еще за два вѣка предъ симъ, когда слишкомъ отважно было-бы думать о томъ, чтобы утвердить въ Крыму Россію, почти каждый годъ трепетавшую въ самой Москвѣ отъ нашествія татаръ. И надобно же было сему столь примѣчательному сказанію оставаться въ неизвѣстности болѣе двухъ вѣковъ и явиться изъ-подъ спуда именно предъ тѣмъ временемъ, когда вниманіе всѣхъ и cadaго невольно должно было обратиться на судьбу Крыма..! Не особенно ли это дѣйствіе Промысла Божія—въ назиданіе и утѣшеніе наше?.. Ибо, что видимъ мы изъ сего сказанія? Видимъ, что о судьбѣ полуострова Гаврическаго думано и суждено еще за нѣсколько вѣковъ, думано не на земли токмо, а и на небѣ, не человѣками, а самими небожителями.—Что же придумано и разсуждено?—Утвердить, какъ говорилъ въ видѣніи св. угодникъ Божій,—утвердить въ Крыму Россію. И она утвердилась тамъ: ханство крымское со всѣми ужасами давно прешло, уступивъ мѣсто кроткой и благотворной державѣ Всероссійской... Теперь враги наши, въ припадкѣ злобы и гордости, возмечтали отторнуть сію страну отъ состава Россіи: возможно ли это?—Нѣтъ, это было бы противно планамъ и опредѣленіямъ Самаго Промысла Божія..—А когда такъ, то будемъ, возлюбленные, покойны за судьбу нашего полуострова: что бы ни дѣлали враги наши, какими бы даже на нѣкоторое время ни пользовались успѣхами, все это не измѣнитъ опредѣленій небесныхъ... Въ заключеніе архипастырь—патріотъ предостерегаетъ слушателей отъ одного лишь врага—отъ грѣховъ нашихъ... За грѣхи можетъ измѣниться и благое опредѣленіе Божіе о Россіи, какъ то показываетъ примѣръ народа еврейскаго.. «Блюдемся, возлюбленные, подобной страшной участи... Тогда нибто и ничто не

воспрепятствуетъ исполненію все благо совѣта Божія о насъ и отечествѣ нашемъ, и враги самимъ нападеніемъ на насъ скрѣпятъ на всегда то, что представлялось имъ не такъ твердымъ и способнымъ къ отторженію,—еже буди благодатию Господнею и молитвами св. угодника, о коемъ мы теперь бесѣдовали съ вами!—Аминь.—Въ № 136-мъ—въ передовой редакц. замѣткѣ говорится, что 6-го декабря, въ понедѣльникъ, въ день тезоименитства Государя Импер. Николая Павловича, преосв. Иннокентій, въ Одесскомъ кафедр. соборѣ, предъ окончаніемъ литургіи, произнесъ соотвѣтственное торжеству дня слово—о томъ, чего вся Россія должна пожелать въ этотъ священный день Августѣйшему Именинику, котораго здравіе и долгоденствіе такъ несказанно дороги милліонамъ вѣрныхъ его подданныхъ, съ благоговѣніемъ и безпредѣльною преданностію взирающихъ на Него, какъ на Избранника Божія, въ руцѣ Коего нынѣ судьбы не только Россіи, но и всего міра.. Высокій витія выразилъ, между прочимъ, и важность настоящаго положенія Россіи, которая, послуживъ нѣкогда оплотомъ противъ напора Востока на Западъ, нынѣ снова призвана Промысломъ къ противопоставленію оплота напору Запада на Востокъ, и къ приснопамятнымъ именамъ Полтавы, Бородина и Москвы присоединяетъ, въ скрижаляхъ исторіи, имена Севастополя и Крыма..—Въ 138-мъ № «Од. В. ка» напечатана рѣчь Иннокентія, на Одесской Соборной площади, 7-го дек. 1854 г., послѣ напутственнаго молебствія для резервныхъ войскъ 10-й дивизіи. предъ выступленіемъ ихъ въ Крымъ, Вотъ начало ея: «Христолюбивые и побѣдоносные воины! Небезъизвѣстно уже вамъ, что злочестивые враги наши, при всемъ множествѣ язвъ, понесенныхъ ими отъ нашего оружія, не смотря при томъ на самый гнѣвъ Божій, открывшійся надъ ними въ ужасномъ крушеніи кораблей ихъ отъ бури,—все еще продолжаютъ безумно упорствовать въ злобѣ и ненависти къ православному Отечеству нашему и, вмѣсто того, чтобы смириться подъ крѣпкую руку Божію,—возмечтали даже утвердиться на землѣ нашей до будущаго лѣта, для чего призываютъ на помощь себѣ новыя и не малочисленные толпы наглыхъ соотчичей своихъ... Можно-ли послѣ сего и намъ не принять новыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ тому, чтобы число храбрыхъ дружинъ на-

шихъ не умалилось предъ врагомъ, а было въ состояніи наступить на выю его и поразить въ самую главу?— И вотъ причина и цѣль движенія вашего на полуостровъ Крымскій!»... Затѣмъ—Иннокентій приглашаетъ ихъ не поскучать—въ виду предстоящаго имъ пути, по времени года стропотнаго и притруднаго, съ невзгодами осенними и вьюгами зимними, утѣшая тѣмъ, что это природные союзники наши противъ изнѣженныхъ чадъ Запада.—и припоминаетъ при этомъ 1812 годъ... „Видно, такъ угодно было Самому Господу время и стихій, чтобы и въ настоящей брани, какъ въ незабвенный 1812 годъ, къ намъ, оставленнымъ всѣми, пришли на помощь не люди, а самое время и стихіи»... При этомъ онъ ободряетъ воинство наше тѣмъ, что „врагъ нашъ забылъ уже прежнюю кичливость свою—и не смѣетъ болѣе нападать на насъ, а только употребляетъ всѣ остальные силы свои на то, чтобы защитить себя отъ нашихъ перуновъ—и для сего браздить и взгромождаетъ предъ собою противу насъ тотъ малый участокъ земли при морѣ, на коемъ онъ, какъ жалкій плѣнникъ, грозно строжется со всѣхъ сторонъ нашимъ воинствомъ“. „Въ благословеніе на подлежащій вамъ подвигъ,—говоритъ въ заключеніе Иннокентій,—и въ залогъ помощи свыше, примите отъ лица сего храма Господня св. икону Вождя и Архистратига силъ небесныхъ—Михаила“.

Мы представили, въ цѣляхъ историко-литературныхъ и библиографическихъ, обзоръ всѣхъ твореній Иннокентія, напечатанныхъ въ „Одес. Вѣстникѣ“ въ періодъ 1851—1854 г.г. *). На основаніи этого дѣлаемъ теперь нѣкоторые выводы.

1) Прежде всего бросается въ глаза тотъ фактъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Иннокентій сталъ касаться въ своихъ проповѣдяхъ наступившихъ грозныхъ политическихъ собы-

---

*) Такой обзоръ „Одесскаго Вѣстника“ слѣдовало бы сдѣлать и за предшествовавшіе годы пребыванія Иннокентія въ Одессѣ—съ 1848 г. и за послѣдующіе—до самой его кончины въ маѣ 1857 г. Но это мы, если Богъ дастъ, сдѣлаемъ когда нибудь послѣ. А теперь—сознаемся откровенно—мы избрали періодъ 1851—1854 гг.—независимо отъ его важности—еще и потому, что намъ удалось приобрѣсть полные, прекрасно сохранившіеся въ переплетѣ томы „Од. Вѣстника“ за эти четыре года. Ну, какъ было не воспользоваться такимъ удобствомъ, чтобы проштудировать здѣсь хотя въ нѣкоторой степени все то, что такъ или иначе связано съ именемъ Иннокентія?!

тій,—его слова и рѣчи стали появляться на печатныхъ страницахъ лишь чрезъ очень, очень продолжительное время... Напр. полныя живой энергіи и глубокаго чувства слова его въ періодъ бомбардированія Одессы,—начиная съ 8 апрѣля 1854 г., когда онъ почти каждый день обращался съ рѣчью къ паствѣ своей, а 11 апрѣля—въ день св. Пасхи—говорилъ даже два раза—и утромъ—на литургіи—и вечеромъ—на вечерни,—эти знаменательные и замѣчательные памятники Иннокентіевскаго церковно-ораторскаго чтенія—появлялись въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ лишь чрезъ мѣсяца два—три послѣ своего произнесенія съ святительской каѳедры... И при томъ появлялись—не въ хронологическомъ порядкѣ своего произнесенія,—а въ разрывъ и въ перемежку: произнесенными позже—печатались раньше, и на оборотъ... Между тѣмъ самая цѣль ихъ произнесенія требовала, чтобы онѣ какъ можно скорѣе появлялись въ печати... Цѣлью ихъ было—успокоить гражданъ Одессы, возбудить ихъ надежду на недремлющій Промыслъ Божій, ободрить и вызвать христіанскую настроенность мыслей и чувствъ по отношенію къ совершавшимся грознымъ событіямъ... Но не всѣ-же могли слышать ихъ непосредственно—изъ устъ самаго святителя.. Вотъ тутъ-то и могъ-бы помочь „Одес. Вѣстникъ“ для популяризаціи мыслей и словъ вдохновеннаго пастыря... Конечно, печатное слово не могло вполне замѣнить Иннокентіевскаго живаго и дѣйственаго устнаго слова, проникавшаго до глубины мозговъ и костей, — но все-же оно могло хотя въ нѣкоторой степени сравняться съ послѣднимъ...*) Какая-же могла быть причина такой странной медленности появленія въ печати проповѣдей Иннокентія, столь нужныхъ

---

*) Въ этомъ случаѣ со всѣмъ иное было—кстати замѣтимъ здѣсь—положеніе одного изъ знаменитыхъ преемниковъ Иннокентія въ Одессѣ—именно преосвященнаго архіепископа Никанора Бровковича... Проповѣди его—при устномъ его произношеніи—мало имѣли дѣйствія... Это было быстрое, бѣглое монотонное чтеніе по тетрадкѣ... Такая быстрота была неизбежна и по самой обширности его проповѣдей, похожихъ иногда скорѣе на трактаты... Самъ преосвященный Никаноръ прекрасно сознавалъ это и потому всегда рассчитывалъ на дѣйствіе своихъ проповѣдей лишь послѣ появленія ихъ въ печати... Онъ не рѣдко самъ высказывался въ этомъ смыслѣ... И дѣйствительно,—послѣ той или иной проповѣди Никанора одесскія газеты на другой или на третій день распространяли ее въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ... Такого удобства популяризаціи своихъ рѣчей не имѣлъ незабвенный Иннокентій!...

и благотворныхъ тогда для его Одесской паствы?—Причиной единственной было тогдашнее положеніе у насъ вообще печатнаго слова... Тогдашнія газеты не имѣли права касаться такъ или иначе современныхъ государственныхъ событій... А устами Иннокентія заговорили именно сами эти событія. Хотя онъ освѣщалъ ихъ съ православно-религіозной и патриотической точки зрѣнія, хотя онъ громилъ враговъ Россіи и доказывалъ справедливость нашего Правительства въ тогдашнихъ восточныхъ дѣлахъ,—но все же касался темъ, для періодической печати въ тотъ періодъ (1848—1855 г.г.) вполне запретныхъ... Касаться политическихъ вопросовъ въ какомъ-бы то ни было смыслѣ она не имѣла права въ принципѣ...*) Что было дѣлать бѣдному редактору „Одесскаго Вѣстника“ Ал. Гр. Тройницкому?... Хотя онъ въ замѣткахъ своихъ—печатаемыхъ непосредственно послѣ произнесенія Иннокентіемъ его словъ и рѣчей на тогдашнія животрепещущія событія дня, и называлъ эти рѣчи вдохновенными, исполненными могучаго краснорѣчія,—но печатать ихъ сразу не рѣшался,—ожидавъ какого-либо указанія свыше... Такимъ указаніемъ и былъ Высочайшій рескриптъ Иннокентію отъ 25 іюня 1854 г., въ которомъ говорится слѣдующее: «Въ тяжкій и вмѣстѣ достопамятный для Одессы день испытанія, когда союзники враговъ имени Христова, дерзнувъ нарушить святость Великія Субботы, были, при всемогущей помощи Божіей, отражены храбрыми

---

*) Принципъ полнѣйшаго безмолвія періодической печати тогда возимѣлъ всю свою силу. Нельзя было не только порицать враговъ власти и общественнаго порядка,—но и защищать самую власть и разъяснять и одобрять ея распоряженія! Это считалось неприличнымъ вмѣшательствомъ общества въ область, для него недостижимую... И такое положеніе дѣлъ въ Россіи было назадъ тому не болѣе какъ 50 лѣтъ!... Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!... Любопытныя подробности, характеризующія судьбу и правовое положеніе нашей тогдашней ежедневной печати,—можно читать въ статьѣ: „Ежедневная печать въ концѣ дореформенной эпохи“, помѣщенной въ 8-й кн. журнала „Литературный Вѣстникъ“ за 1902 г.—За изданіе „Московскаго Сборника“ 1852 г. запрещено было печатать свои произведенія людямъ направленія самага неукоризненнаго, въ нравственномъ, и самага благороднаго и спасительнаго, въ политическомъ отношеніи. Въ числѣ другихъ писателей, участвовавшихъ въ изданіи этого сборника, запрещеніе постигло даже Ивана Вас. Кирѣевскаго, за статью, которую литературные его противники обвиняли въ излишне патриотическомъ и православно-христіанскомъ направленіи... Это фактъ!... (Слова Тертія Ів. Филиппова—въ журналѣ „Духъ христіанина“ 1862—1863 г. см. ниже).

нашими войсками, вы—съ твердостью духа, достойнаго Пастыря душъ, священнодѣйствуя подъ выстрѣлами непріятельскихъ орудій и назидая паству словомъ вѣры и упованія, — содѣйствовали и сами лично и чрезъ подчиненное вамъ духовенство къ ободренію жителей и къ сохраненію общаго порядка и спокойствія... („Од. Вѣст.“—1854 г. № 81-й).

Послѣ такого Высочайшаго одобренія, между прочимъ, и проповѣднической дѣятельности Иннокентія можно уже было, конечно, рѣшиться печатать слова и рѣчи его по поводу бомбардированія Одессы.—Хорошей иллюстраціей къ тому, каково въ это время было положеніе Ал. Гр. Троицкаго, можетъ служить рассказъ Ив. Устин. Палимпсестова въ его книгѣ „Мои воспоминанія объ Иннокентіи Архіеп. Херс. и Таврич.—Дѣло происходило послѣ возвращенія Иннокентія изъ Крыма, когда онъ сдалъ въ редакцію „Одес. Вѣстника“ свои крымскія проповѣди, — и въ одной изъ нихъ, произнесенной скоро послѣ нашего пораженія при Альмѣ, сказалъ между прочимъ: „мы не чаяли уже почти въ это время врага и потому, подобно дѣвамъ въ притчѣ Евангельской, предались было нѣкому дреманію“... „По одному случаю, — рассказываетъ И. У. Палимпсестовъ, — Иннокентій призвалъ меня къ себѣ, около 11 часовъ утра. Сидимъ мы... Въ это время впопыхахъ входитъ А. Г. Троицкій, бывший въ то время редакторомъ „Одесскаго Вѣстника“ (въ послѣдствіи товарищъ Министра Внутр. Дѣлъ и Членъ Государств. Совѣта), и вотъ съ какими словами обращается къ Иннокентію: (Пусть припомнитъ благосклонный читатель, что эта исторія происходила при незабвенномъ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, который, любя и зная насъ, умѣлъ заставить насъ молиться: «положи, Господи, храненіе устномъ моимъ!») — «Владыко, что вы дѣлаете?» говоритъ А. Г. — А что? — «Вы сдали въ редакцію свою проповѣдь». — Сдалъ. — «Да развѣ можно ее напечатать?» — А почему? — «Да вѣдь тамъ вы говорите о пяти юродивыхъ дѣвахъ?» — Говорю. — „Да кто-же эти дѣвы?“ — Называйте сами. — „Вѣдь, пожалуй, придется поставить въ ряду ихъ главнокомандующаго князя Меншикова? — И поставьте. — „Но вѣдь это только одна дѣва, а ихъ было пять; и мы, пожалуй, такимъ образомъ, доберемся до главнаго штаба, до военнаго министра?“ — Да хоть-бы еще и выше! Но вы

вотъ что скажите мнѣ, Александръ Григорьевичъ: правду-ли я говорю, или нѣтъ?—«Конечно, правду».—Такъ кому же и говорить правду въ настоящія тяжкія времена, какъ не служителямъ алтаря Господня? Мы преемники Вассіановъ и Филипповъ. Эту правду я буду проповѣдывать и на Бѣломъ морѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ. Здѣсь кровь Авелей вопіетъ на небо. Сердце болитъ объ этой невинной крови. Печатайте съ Богомъ. Я за все отвѣчаю.—А. Г.—чѣ пожалъ плечами и вышелъ. Надо замѣтить, что Иннокентій и А. Г. Т—вій взаимно другъ друга уважали и любили; были, какъ говорится, на дружеской ногѣ. Но Иннокентій, проводивши А. Г.—ча, не могъ удержаться, чтобы не сказать: „прекраснѣйшая душа у этого человѣка, но немного дышетъ соломеннымъ духомъ. А что дѣлать? Такъ поставленъ весь нашъ чиновный міръ... Да и можетъ-ли быть онъ инымъ? Мы—монахи; намъ терять нечего.“ Какъ извѣстно, проповѣдь эта была напечатана въ «Од. Вѣст.». Обратили-ль на нее вниманіе распорядители военныхъ судебъ,—мы не слышали. Но фактъ, доказывающій мужество Иннокентія, остается во всей своей силѣ. Впрочемъ, и гнѣваться-то на Иннокентія было не за что... Юродивымъ дѣвамъ не достало масла, а намъ—штуцеровъ Минье, которыми мы могли заpastись ранѣе французовъ и англичанъ. Да, мы въ Крымскую войну были хуже вооружены, чѣмъ наши противники, стало быть дѣйствительно походили на юродивыхъ дѣвъ. Уже послѣ Альминскаго боя мы должны были сознаться, что Россія не была приготовлена къ войнѣ ни на повидимому защищенномъ сѣверѣ, ни на совершенно беззащитномъ югѣ "...*)—Какъ бы тамъ ни было,—хотя мужество и

---

*) „Мои воспоминанія объ Иннокентіи“—И. У. Палимпсестова. Спб. 1888 г. изд. редакціи журнала „Странникъ“ стр. 185—187. Здѣсь—кстати припомнить, что говоритъ объ Иннокентіи тотъ же Ив. У. Палимпсестовъ въ другой своей статьѣ—подъ заглавіемъ: „Возрождающійся Севастополь“ („Русск. Вѣстникъ“—май 1885 г.): „Припоминается мнѣ приснопамятный іерархъ русской церкви, знаменитый нашъ витія Иннокентій, коего благосклоннымъ вниманіемъ я имѣлъ честь пользоваться. Прихожу я къ нему—послѣ несчастнаго для насъ дѣла на Черной рѣчкѣ. О чемъ другомъ можно было говорить въ это время, какъ не объ осадѣ Севастополя, и вотъ что, между прочимъ, я слышалъ отъ незабвеннаго для меня, какъ и для всѣхъ русскихъ людей архипастыря: „я совершалъ погребеніе адмирала Лазарева (это было 7 мая 1851 г.—въ Севастополѣ). Послѣ погребенія мнѣ показывали всѣ твердыни Севастополя.—Все это

неустрашимость Иннокентія въ ту пору, когда все привыкло молчать, не подлежатъ сомнѣнію,—все таки нужно признать, что строгія цензурныя условія того времени много способствовали измѣненію текста подлинныхъ проповѣдей Иннокентія. Такъ—наприм., и въ приведенномъ образчикѣ изъ одной его Крымской проповѣди—выпущено слово юридическимъ, несомнѣнно стоявшее въ подлинникѣ а сказано просто: подобно двѣамъ.—Это—первый выводъ, вытекающій

прекрасно,—сказаль я; но вы не отсюда должны ждать незваныхъ гостей, а съ южной; для нихъ лазейка къ вамъ изъ Балаклавы.—Конечно, доблестные воины въ душѣ даже улыбаются надъ моими словами; но оказалось, что моя была правда.—Невольно удивляешься широтѣ взгляда этой, по истинѣ гениальной личности и припоминаешь мнѣніе объ Иннокентіи историка М. П. Погодина (въ его „Вѣнкѣ на могилу Иннокентія“—(стр. 374—375). Иванъ Устин. Палимпсестовъ (родомъ изъ духовнаго званія Саратовской епархіи; его воспоминанія о рекреацияхъ при бывшемъ Саратовскомъ епископѣ Моисеѣ Антиповѣ мы когда-то приводили на страницахъ „Трудовъ Кіевской дух. Академіи“) былъ преподавателемъ агрономіи и естествознанія въ Одесской духовной семинаріи, а затѣмъ—въ Ришельевскомъ лицее и послѣ въ замѣнившемъ его Новороссійскомъ университетѣ... Много онъ написалъ по своей специальности, въ качествѣ дѣйствительнаго члена и секретаря Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи и редактора его „Записокъ“ въ продолженіи 17 лѣтъ (начиная съ 1852 г.)—На старости, въ отставкѣ,—И. У. Палимпсестовъ занялся церковно-религіозными вопросами—и довольно поработалъ и въ этой области—и тоже въ печати... Знакомый хорошо съ архіепископами Херсонскими Иннокентіемъ и Димитріемъ,—онъ на старости хорошо сошелся и съ позднѣйшимъ преемникомъ ихъ преосвященнымъ Никаноромъ, познакомившись съ нимъ въ Крыму, на одномъ торжествѣ,—и вошелъ съ нимъ въ дѣятельную переписку... Когда Никаноръ заболѣлъ и долго томился въ своей предсмертной болѣзни,—то и въ это тяжкое время своей жизни онъ по временамъ писалъ по нѣскольку словъ Палимпсестову; а этотъ, изъ глубокаго уваженія къ болящему знаменитому архипастырю,—нѣкоторые отрывки изъ его писемъ печаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, приглашая русскій народъ молиться о болящемъ архипастырѣ... Одно изъ этихъ писемъ начиналось словами: *Moriturus te salutat!*... Горько тогда было читать эти слова намъ, которымъ суждено было наблюдать долгія предсмертныя страданія владыки Никанора во-очію...—Отрывокъ изъ другаго письма относится къ тому моменту, когда преосвященный Никаноръ ѣздилъ въ Москву—посоветоваться съ извѣстнымъ врачомъ профессоромъ Захарынымъ и возвратился въ Одессу. „Москва,—пишетъ глубокочтимый архипастырь,—унесла у меня послѣднія силы; по прибытіи въ Одессу у меня открылся сильнѣйшій отекъ отъ истощенія. Теперь я уже съ трудомъ ворочаюсь съ боку на бокъ. Ослабѣлъ. „Помолись,—прибавляетъ къ этимъ строкамъ архипастыря И. У. Палимпсестовъ,—помолись, православная церковь, о возстановленіи силъ неустрашимаго обличителя современныхъ заблужденій“ („Московскія Вѣдомости“) — 1890 г. № 302. „Письмо къ

изъ разсмотрѣнія проповѣдей Иннокентія—въ Одесскій періодъ его жизни*).

2) Затѣмъ, по многимъ представляющимся даннымъ, можно заключить, что Иннокентій не писалъ большинства своихъ проповѣдей предъ произнесеніемъ ихъ; а только начертывалъ себѣ въ умѣ общій планъ того, что онъ имѣлъ въ данное время сказать... На кафедрѣ онъ импровизировалъ и тутъ-то обнаруживался его великій талантъ—въ силѣ и поэтичности рѣчи... Послѣ, когда уже нужно было

издателю* Ив. Палимпсестова отъ 31 октября.) У насъ теперь подъ руками—нѣсколько писемъ Ив. У. Палимпсестова къ о. протоіерею М. Ѳ. Чеменѣ, бывшему ректору Одесской духовной семинаріи, недавно скончавшемуся (8 января 1903 г.) Письма относятся къ 1888—1890 гг... Онѣ интересны, между прочимъ тѣмъ, что въ нихъ есть откровенныя сужденія о переходѣ наслѣдства Иннокентіевскаго къ Н. Х. Палаузову... сужденія эти въ нѣсколько сдержанномъ и прикровенномъ видѣ явились и въ печати—именно въ вышеупомянутомъ сочиненіи Палимпсестова: „Мои воспоминанія объ Иннокентіи А. Х. и Т.“. (См. напр. стр. 28 и 193—въ отдѣльномъ оттискѣ изъ журнала „Странникъ“). Такъ какъ эти сужденія были не въ пользу Н. Х. Палаузова,—то послѣдній счелъ для себя обязательнымъ отозваться на нихъ, что и сдѣлалъ въ „Херсонскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ 1889 г.—И. У. Палимпсестовъ принялъ сдѣланный ему вызовъ и въ свою очередь написалъ отвѣдъ Н. Х. Палаузову, которую и отправилъ М. Ѳ. Чеменѣ, какъ редактору „Херсонск. Епарх. Вѣд.“ Но эта отвѣдъ найдена неудобною для печати,—и вотъ на это и жаловался И. У. Палимпсестовъ М. Ѳ. Чеменѣ въ своихъ письмахъ къ нему,—при чемъ уже ни мало не церемонился съ Н. Х. Палаузовымъ... Очевидно, вопросъ о переходѣ наслѣдства Иннокентіевскаго къ Н. Х. Палаузову требуетъ точныхъ и обстоятельныхъ данныхъ для своего правильнаго рѣшенія... Но для того, чтобы обсуждать этотъ вопросъ со всею откровенностію,—для этого еще не наступила историческая давность...

*) Да, несомнѣнно, Иннокентій своими словами и рѣчами, произнесенными и затѣмъ напечатанными во время Крымской войны, доказалъ свое мужество—и какъ пастырь церкви, и какъ проповѣдникъ, и вообще какъ церковно-общественный дѣятель—гражданинъ-патріотъ... Тогдашнія его слова и рѣчи явили собою неслыханный въ ту эпоху образецъ проповѣди не только церковно-общественной, но даже и политической... Смѣло онъ рисовалъ въ нихъ политическія задачи Россіи на Востокъ и допускалъ подчасъ острия и рѣзкія обличенія тогдашнихъ нашихъ политическихъ противниковъ—англичанъ, французовъ и особенно турокъ... Алкорану и лунѣ наибольше отъ него доставалось... Какъ служитель Божій и пастырь церкви онъ высоко держалъ свое знамя... Вотъ, на примѣръ, какимъ языкомъ говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ тогдашнихъ словъ (именно предъ освященіемъ Георгіевскихъ крестовъ, пожалованныхъ Государемъ защитникамъ Одессы): „Прслѣ милостиваго слова къ вамъ царева, намъ можно было бы остаться безъ всякаго слова,—съ од-

сдать проповѣдь въ печать, онъ излагалъ произнесенное имъ на бумагу; но, конечно при этомъ иное выражалъ не совсѣмъ такъ, какъ произнесено оно было на кафедрѣ, когда слово лилось живымъ потокомъ... Въ этомъ случаѣ очень важно знать впечатлѣніе первыхъ непосредственныхъ слушателей той или иной его проповѣди... Вотъ такими впечатлѣніями и можно считать тѣ редакціонныя замѣтки «Одес.

нимъ благословеніемъ и молитвою о васъ; но велику мы, хотя и недостойные, призваны дѣйствовать и вѣщать здѣсь отъ лица Царя Небеснаго, то не усумнимся сказать вамъ нѣчто—въ дополненіе слова Царя земнаго, взявъ изреченное нами не отъ своего ума, а изъ духовной сокровищницы побѣдоноснаго царя Израилева, св. Давида. Вы защищали и защитили градъ нашъ; но—еще не Господь,—говоритъ онъ, сохранить градъ,—всеу бдѣ стрегій... Безъ помощи и благословенія свыше все ваше мужество могло бы поникнуть предъ напоромъ силъ и огней вражескихъ. Падите же вмѣстѣ съ нами предъ симъ престоломъ благодати Божіей" и т. д... Только необычайностію и неожиданностію тогдашнихъ политическихъ и военныхъ обстоятельствъ можно объяснить смѣлость и откровенность тогдашней Иннокентіевской проповѣди... Не только свѣтская, но и духовная литература находилась въ то время въ тискахъ учрежденнаго въ 1848 г., 2 апрѣля,—подъ впечатлѣніемъ Европейскихъ событій того времени,—комитета—не гласнаго, но весьма могущественнаго, имѣвшаго власть требовать къ себѣ на просмотръ всѣ печатныя произведенія, литературы, къ какой бы отрасли онѣ не относились. Предсѣдателемъ этого высшаго секретнаго цензурнаго учрежденія, имѣвшаго задачей тайно слѣдить за открытою цензурою—свѣтскою и духовною—былъ назначенъ директоръ Императорской публичной бібліотеки Дм. Бутурлинъ. Этому учрежденію порученъ былъ высшій надзоръ, въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, за духомъ и направлениемъ всѣхъ произведеній нашего книгопечатанія, на какомъ бы языкѣ и по какому бы вѣдомству онѣ ни появлялись... Для доставленія „Комитету 2 апрѣля" (такъ обыкновенно называется это учрежденіе) возможности слѣдить за ходомъ нашего книгопечатанія,—повелѣно было изъ типографій всѣхъ безъ исключенія вѣдомствъ доставлять ежемѣсячно въ Императорскую публичную бібліотеку именныя вѣдомости о выпущенныхъ изъ нихъ книгахъ, періодическихъ изданіяхъ, брошюрахъ, отдѣльныхъ листахъ и проч... „По отношенію къ духовной литературѣ,—говоритъ Терт. Ив. Филипповъ,—Комитетъ 2 апрѣля представлялъ явленіе странное... По смыслу данныхъ ему наставленій, онъ могъ подвергать взысканіямъ даже православныхъ лицъ духовныхъ, если бы въ ихъ произведеніяхъ ему представлялось что нибудь неправильнымъ или неумѣстнымъ, и даже книги духовнаго содержанія, уже одобренныя и разрѣшенныя къ печати, онъ могъ останавливать и задерживать... Нельзя безъ сильнаго огорченія подумать, что въ тоже время не послѣдовало немедленнаго представленія о томъ, что новое учрежденіе вторгается въ предѣлы, которые никто изъ мірскихъ людей не имѣетъ права переступать, и беретъ на себя задачу, которой понести не имѣетъ силъ... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Императоръ Николай немедленно оградилъ бы неприкос-

Вѣстника“, гдѣ излагалось общее содержаніе проповѣдей Иннокентія скоро послѣ ихъ произнесенія, при чемъ иногда въ такихъ замѣткахъ естественно попадались и самыя выраженія живаго Иннокентіевскаго стиля, забывавшіяся послѣ самымъ ихъ авторомъ... Въ этомъ случаѣ очень интересно напр. одно выраженіе Иннокентія—не попавшее въ печать, но подмѣченное редакціею „Одесскаго Вѣстника“. Въ пропо-

---

новенныя права высшаго духовнаго правительства и недопустилъ бы дѣйств. тайн. совѣтн. Бутурлина ступить *ultra crepidam*... Мы позволяемъ себѣ выразиться объ этомъ съ несомнѣнною увѣренностію потому, что, впоследствии, возраженія оберъ-прокурора св. Синода противъ дѣйствій (но не правъ) „Комитета 2 апрѣля“ имѣли полный успѣхъ. Жаль, что несообразность этого учрежденія была дознана только *de facto*; гораздо было бы совмѣстнѣе съ значеніемъ св. Синода отрицать притязанія Комитета, съ точки зрѣнія права“. (См. „Духъ христіанина“ 1862—1863 г. отдѣлъ учено-литературный, статью Т. И. Филиппова: „Замѣчаніе о 14 главѣ цензурнаго устава“—стр. 59). Въ 1849 г. „Комитетъ 2 апрѣля“, пользуясь своею властію, уже успѣлъ сдѣлать замѣчаніе архіепископу Воронежскому Игнатію—по поводу книги его: „О таинствахъ единой святой соборной и апостольской церкви“. Замѣчаніе сдѣлано „за тотъ рѣзкій и едвали приличный тонъ, въ которомъ авторъ книги опровергаетъ тутъ нѣкоторыя разномыслія съ нами протестантовъ“. „Такимъ образомъ,—замѣчаетъ Т. И. Филипповъ,—„Комитетъ 2 апрѣля“ вознамѣрился было посягнуть на права учителей церкви, обличать заблужденія иновѣрныхъ христіанъ и своими притязаніями отчасти напомнилъ намъ о грустныхъ обстоятельствахъ изданія „Камня Вѣры“ митрополита Стефана Яворскаго, Когда Государю Императору Николаю Павловичу были подробно объяснены истинныя обстоятельства дѣла,—Онъ повелѣлъ отстранить отъ лица преосвященнаго Игнатія всякій вопросъ о его книгѣ и освободить духовную цензуру отъ всякой по сему дѣлу отвѣтственности. Тогда же далъ онъ приказаніе, чтобы на будущее время, для избѣжанія подобныхъ несообразностей, Комитетъ 2 апрѣля приглашалъ къ себѣ оберъ-прокурора св. Синода, всякій разъ, какъ тамъ будутъ разсматриваться сочиненія духовнаго содержанія“. Въ Одессѣ притѣсненія „Комитета 2 апрѣля“ испыталъ на себѣ извѣстный протоіерей Мих. Павл. Павловскій,—любимый ученикъ Иннокентія въ Кіевской духовной Академіи и талантливый подражатель его профессорской и проповѣднической дѣятельности. Въ 1849 г. Иннокентій самъ взялся представить Сборникъ проповѣдей М. К. Павловскаго въ С.-Петербургскую духовную цензуру. Долго послѣдняя держала рукопись и, наконецъ, разрѣшила ее печатать... М. К. Павловскій напечаталъ свою книгу въ Одессѣ въ 1851 году и посвятилъ ее архіепископу Херсонскому Иннокентію, своему учителю и покровителю... Но когда уже напечатанный экземпляръ этой книги сталъ разсматриваться въ Комитетѣ 2-го апрѣля,—то сей послѣдній нашелъ нѣкоторыя мѣста въ ней требующими измѣненія—и потребовалъ сдѣлать ихъ непременно до выпуска книги въ продажу... М. К. Павловскій бросился за защитой къ другу своему извѣстному писателю и благотворителю Александру Скарлат. Стурдзѣ, имѣвшему въ Петер-

вѣди по поводу взятія въ плѣнъ англійскаго парохода „Тигръ“, въ печати сказано такъ въ одномъ мѣстѣ: «врагъ нашъ... лежалъ связанный у береговъ и можно сказать, у ногъ нашихъ... Чѣмъ связанный? Не узами желѣзными, а самымъ тонкимъ и безсильнымъ веществомъ—туманомъ и мракомъ»... Между тѣмъ—при живомъ изложеніи тутъ былъ употребленъ еще болѣе поэтической библейскій оборотъ, къ

бургъ большія связи,—а также и къ преосвященному Иннокентію... Отъ 10-го октября 1851 г. вотъ что писалъ Стурдза М. К. Пав—му: „Отвѣтъ преосвящ. Макарія (епископа Винницкаго, тогдашняго ректора С.-Петербургской духовной Академіи), вчера мною полученный при семъ къ вамъ препровождаю. Не могу, не умѣю выразить чувства негодования и стыда, коими душа моя преисполнилась при вѣсти невѣроятной и вѣрной: что изданіе вашихъ „Словъ и рѣчей“ подверглось новымъ измѣненіямъ печатнаго текста, слѣдственно къ разоренію издателя... Почему бы, кажется, не предварить издателей вообще о томъ, что сочиненія ихъ подлежатъ отнынѣ двумъ степенямъ цензурнаго суда? И почему не рукописи, а печатныя книги переносятъ изъ нижней цензуры въ высшую? Не видано, не слыхано, просто не понятно!... Разумъ становится въ тупикъ! А все это отъ того, что никто изъ мѣстныхъ начальниковъ не обращаетъ вниманія правительства на столь разительную несообразность съ здравымъ смысломъ и правосудіемъ самой Верховной власти. Я твердо увѣренъ въ томъ, что было бы достаточно одного изложенія истины очевидной и справедливости неоспоримой, чтобы отмѣнилось недавнее у насъ нововведеніе. Пересмотръ вторичный можетъ быть произведенъ надъ рукописью, а не надъ печатнымъ экземпляромъ. Вы теперь, конечно, уже получили, отче, прямое свѣдѣніе о томъ, чего требуетъ высшая цензура. Безъ этого указанія невозможно рѣшиться на то чтобы то ни стало. Мнѣ за васъ несказанно больно; но въ тоже время прискорбно и досадно, что есть должностные люди, которыхъ прямая обязанность: представить зло въ истинномъ видѣ и стоять за честь законодательства и службы государственной; но едва ли кто изъ нихъ возревнуетъ по истинѣ и правдѣ, въ предѣлахъ званія своего...“ Отъ 28 декабря 1851 г. тотъ же А. С. Стурдза писалъ М. К. Павловскому: „Вчера, отче, случайно, сидя у владыки (преосвященнаго Иннокентія), я, между прочимъ, разговорился о судьбѣ вашихъ проповѣдей, ему посвященныхъ и имъ же вызванныхъ въ печать—и онъ общалъ мнѣ не разъ—не два, что непременно напишетъ объ этомъ—либо въ Синодъ, либо Оберъ-прокурору. Вечеромъ того же дня получилъ отзывъ Муравьева (извѣстнаго духовнаго писателя и паломника) отъ 16 декабря. Онъ увѣряетъ, что ни вашей книги, ни моей рукописи измѣнять не будутъ“. (См. Херсон. епарх. вѣд. 1895 г. № 24). Только отъ 14 ноября 1852 года А. С. Стурдза писалъ преосвященному Иннокентію: „Слова друга моего и вашего ученика о. М. Павловскаго—се на послѣдокъ произыдоша на свѣтъ! Незнаю, какъ бы лучше содѣйствовать сбыту книги многострадальной?... Она—увылъ обошлась семьянину въ 1000 руб. сер.!“ (ibid. 1894 г. № 23). „Комитетъ 2-го апрѣля“ существовалъ до 1856 г.—т. е. до новаго царствованія.... Вотъ какъ отзывается о немъ новѣйшій историкъ царствованія Николая Павловича—ген.

счастью подмѣченный и увѣковѣченный редакціей „Одесск. Вѣстника“, именно — послѣдняя говоритъ: «Черное море, — по выраженію нашего архипастыря, „повилось пеленою мрака“... *)

Н. К. Шильдеръ: „Комитетъ этотъ, какъ его называетъ баронъ Корфъ, родъ нароста въ нашей администраціи, существовалъ до 1856 года подъ названіемъ „Комитета 2 апрѣля“; личный составъ Комитета только видоизмѣнялся. Такимъ образомъ образовалась у насъ двойная цензура въ 1848 г.—предварительная, въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ; просматривавшая до печати, и взыскательная или карательная, подвергавшая своему разсмотрѣнію только уже напечатанное, и привлекавшая, съ утвержденія и именемъ Государя, къ отвѣтственности какъ цензоровъ, такъ и авторовъ—за все, что признавала предосудительнымъ, или противнымъ видамъ правительства. Спрашивается, какимъ образомъ могла существовать при такихъ условіяхъ, какая бы то ни была, даже самая скромная печать? Кончилось тѣмъ, что даже Государь однажды получилъ, по невѣдѣнію Комитета,—такъ сказать, выговоръ отъ этого учрежденія... Графиня Блудова, вспоминая въ своихъ „Запискахъ“ о дѣятельности Бутурлина въ 1848 году, признаетъ Дмитрія Петровича (это имя и отчество Бутурлина) остроумнымъ и увлекательнымъ собесѣдникомъ, она замѣчаетъ, что батюшка ея (графъ Д. Н. Блудовъ) и предсѣдатель Негласнаго Комитета (т. е. Д. Н. Бутурлинъ) совершенно разошлись въ мнѣніи на счетъ цензуры. Она пишетъ, что Бутурлинъ, по врожденной рѣзкости и деспотизму характера, доходилъ до такихъ крайнихъ мѣръ въ этомъ отношеніи, что иногда приходилось спросить себя: не плохая ли это шутка? Напримѣръ, онъ хотѣлъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ акаѣиста Покрову Божіей Матери, находя, что они революціонны. Батюшка сказалъ ему, что онъ, такимъ образомъ, осуждаетъ своего собственнаго ангела—св. Дмитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѣистъ и никогда не считался революціонеромъ; преосвященный же Иннокентій (Херсонскій) только поновилъ въ этомъ акаѣистѣ, такъ сказать, слогъ устарѣвшій. Кто бы ни сочинилъ, тутъ есть опасныя выраженія,—отвѣчалъ Бутурлинъ.—Графиня Блудова приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ акаѣиста, которыя Бутурлинъ признавалъ опасными: „Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ... Совѣты неправедныхъ князей разори... Зачинающихъ рати погуби“... и проч. и проч. (См. „Историч. Вѣстн.“ 1899 г., октябрь, стр. 189—191)—въ статьѣ Н. К. Шильдера: „Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 гг.“. Итакъ—вотъ при какой атмосферѣ приходилось писать и печатать Иннокентію свои проповѣди во время Крымской войны! Поэтому, неудивительно, если онъ, не смотря на все свое нравственное мужество и чувство собственнаго достоинства, а также не смотря на важность и необычайность тогдашнихъ событій,—многое, многое долженъ былъ измѣнять въ своихъ проповѣдяхъ, при ихъ печатаніи... Въ находящейся теперь у насъ рукописной автобіографіи Одесскаго старожила протоіерея Николая Ивановича

*) Вотъ что говорится о приготовленіи Иннокентіемъ проповѣдей и вообще о его проповѣдническомъ дѣйствованіи въ книгѣ Н. В. Сушкова: „Записки о жизни и времени святителя Филарета митрополита Московскаго. Мо-

3) Далѣе, изъ редакціонныхъ замѣтокъ „Одесск. Вѣст.“ видно, что Иннокентій весьма часто говорилъ проповѣди въ Одессѣ и вообще въ своей Херсонской епархіи, а между

ча Соколова (восп. Кіевской духовн. Академіи вып. 1831 г.), въ которой, между прочимъ, не одна страница посвящена характеристикѣ Иннокентія, вотъ что говорится въ одномъ мѣстѣ: „Было время, да оно еще не прошло (автобіографія писана въ 1876 г.), когда духовенство не смѣло печатать и обращаться съ рукописью въ цензуру безъ благословенія архипастырей. Я приготовилъ къ изданію „Чтеніе изъ священно-церковной исторіи“. Представилъ его Иннокентію, прося его благословенія послать въ цензуру. Но онъ велѣлъ передать протоіерею Павловскому, я просилъ его — указать недостатки. Павловскій возвратилъ рукопись, будто бы не замѣтивши въ ней никакихъ недостатковъ. Рукопись опять представлена мною Иннокентію. Онъ нашелъ, что у меня напрасно опущены: Сусанна, Товитъ и Іудифъ. Я объяснялъ это тѣмъ, что въ Исторіи помѣщены только тѣ рассказы, въ которыхъ сквозить мысль о Мессіи, и всѣ событія, на которыя указывается въ Новомъ завѣтѣ и богослужебныхъ книгахъ: Нѣтъ, онъ таки требовалъ—и требованіе его исполнено. Цензура пропустила въ началѣ Ветхій завѣтъ и требовала перемѣнъ въ планѣ Новой исторіи, а Церковную—представила Синоду, такъ какъ въ ней оказалось новое—Исторія болгарской церкви. Черезъ годъ утверждена и Ново-завѣтная исторія, а черезъ два года возвращена Церковная—безъ разрѣшенія печатать; потому что о подвигахъ Синода мало сказано. Изъ печати вышла моя Исторія, когда я выходилъ уже изъ Института (Благородныхъ дѣвицъ, гдѣ о. Ник. Соколовъ былъ законоучителемъ съ 1839 г. до 1852 г.).— При выходѣ изъ Института, по просьбѣ воспитанницъ, я напечаталъ свои Напутственныя рѣчи, которыя говорилъ при выпускѣ воспитанницъ. Цензура недолго держала. Но какъ это дѣлано безъ разрѣшенія Иннокентія, то печаталась брошюра секретно—въ одной изъ самыхъ мелкихъ типографій. Но дѣло не скрылось. Въ той же типографіи печатались и Антиминсы. Архимандритъ Діонисій (экономъ архіер. дома и любимецъ Иннокентія) увидѣлъ мои „рѣчи“ и сказалъ Иннокентію. Печаталось въ количествѣ 300 экземпляровъ—не для выпуска въ свѣтъ, а для всѣхъ въ мое время учившихся въ Институтѣ. Иннокентій приказалъ типографу приготовить лишній экземпляръ для него. После сего архимандритъ Діонисій сталъ приглашать меня къ себѣ—читать вмѣстѣ слова и рѣчи Иннокентія, говоренныя имъ во время Севастопольской войны—и просилъ процѣживать каждое выраженіе, каждый оборотъ. Онъ говорилъ: вотъ Иннокентій всегда даетъ мнѣ свои проповѣди, которыя готовитъ къ печати, и проситъ, чтобы я находилъ въ нихъ что-либо худое, или неловкое пожалуйста—помогите мнѣ что-нибудь замѣтить. При чемъ клялся, что онъ замѣтки приметъ на себя. Я отказывался долго, наконецъ уступилъ. Откровенно дѣлалъ замѣчанія, а архимандритъ писалъ ихъ на отдѣльномъ листѣ, а иное—на поляхъ. До сихъ поръ я не могъ развѣдать, не дѣлалось ли это по приказанію самаго Иннокентія...“ („Автобіографія“—стр. 425—426).

ска, 1868 г.“— по разсказу протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго: „Преосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій, не рѣдко говорилъ проповѣди *ex promptu*; впрочемъ предъ служеніемъ, онъ обдумывалъ содержаніе поученія и это дѣлалъ

тѣмъ не всѣ онѣ появлялись и въ печати.. Какая тому причина? По всей вѣроятности, Иннокентій держался обычая, передавать на бумагу свои проповѣди только по поводу болѣе замѣчательныхъ случаевъ; а проповѣдей, такъ сказать, рядовыхъ, послѣ ихъ произнесенія, не считалъ возможнымъ, при многочисленности своихъ трудовъ и занятій въ разныхъ сферахъ службы и дѣятельности, — заносить на бумагу, довольствуясь исполненіемъ въ этомъ случаѣ лишь прямого своего пастырскаго долга проповѣдывать живое слово слушателямъ.. Впрочемъ, — мы не утверждаемъ этого рѣшительно, допуская и то, что послѣ Иннокентія могли оставаться

прохаживаясь по комнатѣ; иногда для памяти записывалъ особенныя мысли, не цѣликомъ, а гдѣ — однимъ словомъ, гдѣ — буквою, гдѣ — разными знаками, какъ-бы іероглифами, ему только извѣстными; потомъ въ свое время говорилъ слово и на третій день послѣ того записывалъ его. Иннокентій дивился, почему Московскій митрополитъ Филаретъ, столь великій проповѣдникъ, говоритъ по тетрадкѣ... (Приложеніе — стр. 48). Съ теченіемъ времени, естественно Иннокентій больше и больше усвоивалъ себѣ импровизацію проповѣдей, такъ что въ Одесскій періодъ жизни, когда иногда приходилось ему говорить, ежедневно, — совсѣмъ и некогда было ему заранѣе писать проповѣди.. Онъ говорилъ по вдохновенію, что Самъ Богъ посылалъ ему на сердце... Вотъ, наприм., какъ рисуетъ его проповѣдующаго одинъ изъ офицеровъ московскаго ополченія, бывшій въ Одессѣ во время Крымской войны: „Мы стояли въ Одессѣ, и я по воскресеньямъ и праздникамъ ходилъ въ соборъ къ обѣднѣ, гдѣ восхищался проповѣдями мѣстнаго знаменитаго архіерея Иннокентія. Проповѣди его были не только увлекательны но и крайне своеобразны; онъ говорилъ безъ всякой записки, просто, какъ-бы разговаривая съ слушателями и поясняя имъ мнимые ихъ вопросы. Во время проповѣди умное, благообразное лице святителя принимало задумчивое и вопрошающее выраженіе; а иногда случалось, что среди своей краснорѣчивой рѣчи онъ вдругъ умолкалъ и, обращая взоръ на кого-либо изъ ближайшихъ слушателей, какъ будто ожидалъ отвѣта на свои слова. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ продолжалъ рѣчь, обращаясь уже къ другому лицу. Проповѣди его производили сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, вызывая ихъ слезы, а, быть можетъ, и душевное покаяніе!..“ (См. „Историческій Вѣстникъ“ — 1900 г. іюнь — въ статьѣ: „Воспоминанія С. М. Загоскина“ — стр. 795). Такъ какъ Иннокентій говорилъ импровизаціею, то, естественно, послѣдующія записи его своихъ проповѣдей, которыя онъ дѣлалъ для печати, во многихъ частностяхъ отличались отъ того текста, который онъ предлагалъ слушателямъ первоначально — изъ живыхъ устъ.. Поэтому, — повторяемъ, очень интересно знать тѣ пересказы его проповѣдей, которые дѣлались ихъ свидѣтелями и непосредственными слушателями.. Вотъ, наприм., слово его въ Страстную субботу 10 апрѣля 1854 г. въ достопамятный моментъ, когда англо-французы съ моря бомбардировали Одессу.. Мы приведемъ нѣсколько рассказовъ о содержаніи этого слова — со стороны непосредственныхъ его слушателей — и въ нихъ найдутся такія черты, коихъ вы не найдете прямо въ печат-

ся и его проповѣди въ рукописяхъ, — не напечатанныя по тѣмъ или инымъ причинамъ... Въдѣ по таковымъ именно рукописямъ напечатаны нѣкоторыя его проповѣди и въ изданіи Вольфа

4) Затѣмъ, изъ обзорѣнія проповѣдей Иннокентія въ періодъ 1851—1854 г.г. видно, что онѣ во многихъ мѣстахъ непремѣнно требуютъ подстрочныхъ комментаріевъ, для того, чтобы могли быть поняты нынѣшними читателями. Таково, напр., мѣсто въ одной проповѣди о мнимо мирной ладѣ, — объясненное нами.

номъ его текстѣ. „Въ 6 часовъ утра, рассказываетъ свидѣтель-очевидецъ, раздался со стороны непріятельскаго флота первый пушечный выстрѣлъ, за нимъ — второй, третій, четвертый... и въ нѣсколько минутъ воздухъ огласился страшнымъ громомъ кровавой брани: дрогнула земля, поколебались стѣны домовъ и солнце скрылось въ тучахъ пороховаго дыма... Три часа дня... Частые удара соборнаго колокола какъ-бы вторили неумолкаемому треску и гулу разрушительныхъ, смертоносныхъ выстрѣловъ... (Среди величественнаго Одесскаго кафедральнаго собора возвышается изящной работы балдахинъ, драпированный чернымъ бархатомъ, а надъ нимъ—на мраморномъ полѣ, лежитъ Святая Плащаница. Видны группы колѣно-преклоненнаго народа, усердно молящагося и благоговѣнно лобызающаго язву лежащаго во гробѣ Жизнодавца. Архипастырь съ обычною церковною торжественностью совершаетъ Божественную литургію; горячая молитва предстоящихъ, тихіе вздохи и слезы обнаруживаютъ крѣпкое желаніе всѣхъ найти утѣшеніе въ надеждѣ на помощь Божию. Богослуженіе близилось къ концу... Вдругъ моментально раздался страшный оглушительный взрывъ (пороховаго ящика на Щеголевской батарее)..., крѣпкія стѣны соборнаго храма поколебались; стекла задребезжали... Молитвенныя пѣснопѣнія умолкли—и народъ, пораженный паническимъ страхомъ, опустился на церковный полъ... Всѣмъ представилось, что массивный куполь собора отъ сотрясенія рушится. Послышались рыданія и вопли,—словомъ была картина, способная потрясти душу каждаго, и кто видѣлъ ее разъ, тому не забыть ее во всю жизнь! И въ эти-то минуты едва-ли не одинъ архипастырь сохранилъ полное присутствіе духа!... Царскія врата немедленно растворились... Терпѣливо выждавъ, пока испуганный народъ ободрился и пришелъ въ себя, владыка вышелъ изъ алтаря, взялъ пастырскій жезлъ и, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, началъ бесѣду: „Вы устрашили сего браннаго звука, произведеннаго вражескою рукой, и, стоя на молитвѣ въ этомъ святилищѣ, не устыдились пасть на землю по маловѣрію. Но какой страхъ и ужасъ обметъ грѣшную душу, когда возгремитъ архангельскій гласъ трубы, чтобы призвать насъ на всеобщій судъ!“—и проч. и проч. „Бесѣда длилась не менѣе получаса“. (Изъ біографіи архіепископа Иннокентія—въ книгѣ свящ. С. Петровскаго: „Семь Херсонскихъ архіепископовъ. Одесса 1894 г.“—стр. 55—56).—А вотъ какъ передавалъ намъ этотъ грозный историческій моментъ протоіерей М. К. Павловскій: „Иннокентій при бомбардированіи Одессы проявилъ замѣчательное мужество... Главкомандующій Сакенъ предлагалъ ему переѣхать для безо-

5) Наконецъ, на основаніи обзорѣнія „словъ и рѣчей“ Иннокентія, произнесенныхъ въ періодъ Крымской войны и напечатанныхъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1854 г., можно опредѣлить отношеніе первоначальнаго текста ихъ къ послѣдующимъ изданіямъ. Въ этомъ случаѣ весьма важно для насъ отдѣльное изданіе ихъ, сдѣланное самимъ Иннокентіемъ—въ Одессѣ—подъ заглавіемъ: „Собраніе словъ и рѣчей, по случаю нашествія непріятельскаго, произнесенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Херсоно-Таврической епархіи преосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ Херсонскимъ и Тапасности на Молдаванку (предмѣстье); но онъ—не захотѣлъ... Въ Великую субботу—10 апр. 1854 г.—въ виду готоваго разрушить городъ непріятельскаго флота—онъ служилъ литургію въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ... Тутъ посыпались на городъ ядра и бомбы... ужасный громъ орудій... Во время пѣнія: „Да молчитъ всякая плоть человѣча“—стекла задребезжали... Служившій вмѣстѣ съ Иннокентіемъ архимандритъ Серафимъ, ректоръ Одесской духовной семинаріи (впосл. архіепископъ Воронежскій), отступилъ немного назадъ—отъ испуга... Иннокентій покивалъ на него пальцемъ—и тотъ сталъ на свое мѣсто.. Иннокентій былъ именно созданъ для такихъ моментовъ... И послѣ въ свое время сталъ говорить проповѣдь на тему: Да молчитъ всякая плоть... Сталъ успокаивать и увѣщевать... Сталъ спокойно уговаривать народъ... „Не бойтесь! Мы все—въ наступающую великую полночь совершимъ, какъ слѣдуетъ... и утреню Пасхальную начнемъ въ свое время“... И такъ дѣйствительно—все сдѣлалъ какъ подобаетъ въ Пасху... Какой моментъ въ исторіи Одессы! Молодой городъ, а что было въ немъ! ¹⁾ Въ другихъ проповѣдяхъ этой достопамятной эпохи—отъ Иннокентія, какъ мы уже сказали, много доставалось лунѣ—символу Турціи... И въ печати есть такія выраженія о ней: „Злочестивая луна“, „исчезающая по самой природѣ своей“ и т. п. Но покойный Одесскій протоіерей—современникъ Иннокентія—о. Мих. Ильичъ Діевскій (магистръ Кіевской Академіи 1851 г.) говорилъ намъ, что онъ самъ—собственными ушами—слышалъ такое выраженіе Иннокентія—въ одной его проповѣди: „лунѣ—мѣсто на небѣ; на землѣ ей мѣста не должно быть...“ Но такой фразы въ печатныхъ изданіяхъ мы не находили...

¹⁾ Въ своей рѣчи—при опущеніи гроба Иннокентія въ могилу—29-го мая 1857 года, тотъ же протоіерей М. К. Павловскій, между прочимъ, говоритъ: „Такъ, въ Одессѣ гробъ твой, въ той Одессѣ, которую спасалъ ты силою молитвы, ободрялъ силою слова, а паче—примѣра твоего. Забудемъ ли когда-нибудь мы, забудутъ ли позднѣйшіе роды наши Страстную субботу нашу? О, нѣтъ! пройдутъ многіе годы, унесется съ лица земли многое, а и тогда, указывая на гробъ твой, скажутъ: „Здѣсь почіетъ іерархъ, священно-дѣйствовавшій и поучавшій подъ громами войны! Стѣны и главы храма сего трепетали отъ грома военныхъ орудій,—не трепеталъ онъ, молился, поучалъ!“ О, если бы и не годы, а только сію одну Великую субботу ты пребылъ съ нами, то и ея одной было бы довольно, чтобы повторять намъ предъ тобою: благодаримъ, благодаримъ!“ (См. „Воскресное Чтеніе“ 1857 годъ; потомъ рѣчь эта была перепечатана въ Одессѣ—отдѣльною брошюрою).

врическимъ. Томъ I. Одесса., 1855., стр. IV + 314".—У насъ теперь подъ руками этотъ первый томъ. Второго тома мы пока не видѣли,—да и не знаемъ, вышелъ ли онъ въ свѣтъ. Въ этотъ первый томъ вошло почти все то, Иннокентіевское, что напечатано въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1854 года. Именно—онъ начинается съ „слова, роизнесеннаго въ Великій четвертокъ—8 апрѣля 1854 г., при появленіи предъ Одессой флотовъ непріятельскихъ“—и оканчивается „словомъ—въ Севастопольскомъ Николаевскомъ соборѣ—во время бомбардированія сего города непріятелями іюня 16-го 1855 г.“ Это изданіе важно потому, что съ него уже дѣлаемы были всѣ дальнѣйшія изданія, послѣ кончины Иннокентія *). Изъ періода 1854 г., только и подлежащаго теперь нашему разсмотрѣнію, перепечатаны здѣсь, повторяемъ, почти всѣ слова и рѣчи Иннокентія, появившіяся первоначально въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1854 г. Исключена только Иннокентіемъ почему-то рѣчь его въ Михайловскомъ женскомъ монастырѣ 7 іюня 1854 г., при напутственномъ молебствіи по случаю отъѣзда генераль-адъютанта барона Остенъ-Сакена изъ Одессы“, помѣщенная въ 67-мъ № „Од. Вѣстника“ за 1854 годъ.—Такъ какъ, вслѣдствіе этого,—рѣчь эта не появлялась и въ послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій Иннокентія,—то мы считаемъ не лишнимъ помѣстить ее здѣсь—всю цѣликомъ, предпославши ей и предварительную замѣтку „Одесскаго Вѣстника“. Последняя важна потому, что изъ нея можно извлечь матеріалъ для подстрочныхъ примѣчаній къ нѣкоторымъ послѣдующихъ словъ Иннокентія, въ коихъ онъ такъ или иначе касается Одесскихъ событій 1854 г. „Отъѣздъ г. генераль-адъютанта барона Остенъ-Сакена изъ Одессы былъ поводомъ къ проявленію во всѣхъ сословіяхъ нашего города чувствъ искреннѣйшей признательности и привязанности къ его высокопревосходительству. Дни непріятельскаго, никѣмъ нежданнаго

*) Впрочемъ, изъ одного письма Погодина къ Иннокентію—1856 года видно, что Иннокентій самъ печаталъ свои Одесскія проповѣди еще и въ С.-Петербургѣ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ Погодинъ: „При Синодѣ, Последнихъ дней“ (разумѣется извѣстное сочиненіе Иннокентія: „Последніе дни земной жизни Иисуса Христа“) и недумайте печатать. Испортятъ такъ, какъ Одесскія проповѣди, которыхъ въ руки нельзя взять, Попросите лучше Блудова—въ типографіи II отдѣленія“. См. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина“—т. XV—стр. 137.

наго, нападенія огромныхъ силъ англо-французскаго флота на нашъ мирный городъ, такъ мужественно встрѣченнаго и такъ блистательно отраженнаго барономъ Остенъ-Сакеномъ, неразрывно соединили имя его съ именемъ Одессы. Свѣтлая страница, прибавившаяся къ исторіи Одессы, сдѣлалась свѣтлою страницей и въ жизни барона Остенъ-Сакена: къ военнымъ подвигамъ, поставившимъ имя его, въ продолженіи пяти войнъ, наряду съ самыми любимыми именами въ русской арміи, прибавился подвигъ военно-гражданскій, окружившій имя это новымъ блескомъ въ глазахъ цѣлаго благодарнаго города и, смѣемъ сказать, въ глазахъ всей благодарной Россіи, принявшей такое живое и всеобщее участіе въ тяжкомъ испытаніи, пронесшемся надъ Одессою. Барону Остенъ-Сакену, первому въ настоящую войну, приплась достославная доля—словомъ и дѣломъ сказать: „нѣтъ!“ надменнымъ флотамъ запада на дерзкія ихъ требованія *)— Августѣйшій Монархъ, отецъ отечества, удостоилъ доблестнаго защитника Одессы высокою наградою, возвышенною еще тѣми царственными и достопамятными словами, при коихъ она была препровождена, и вслѣдъ затѣмъ, по представительству его-же, осчастливилъ и нашъ городъ Всемилютивѣйшею грамотою, которая отнынѣ сдѣлалась драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ знаковъ царской милости, изліянныхъ на насъ. Одесса не могла не полюбить всею душою своего достойнаго военнаго начальника, не могла не предаться со всѣмъ довѣріемъ тому, кто защитилъ и сохранилъ ее и такъ много содѣйствовалъ къ обращенію на нее высокаго благоволенія Самодержца Россіи. — Государю Императору благоугодно было призвать г. генераль-адъютанта барона Остенъ-Сакена на другое поприще, гдѣ можетъ расшириться кругъ его воинской дѣятельности, гдѣ можетъ быть необходимѣе долговременная его воинская опытность, мужество и стойкость“. — Далѣе описывается прощанье съ генераломъ Остенъ-Сакеномъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и представителей Одессы съ барономъ Остенъ-Сакеномъ и затѣмъ

*) Эти дерзкія требованія можно видѣть изъ приказа ген. Остенъ-Сакена отъ 11 апрѣля 1854 г. № 16, напечатаннаго въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“— № 40—и выдержку изъ котораго мы уже приводили выше. Въ своихъ проповѣдяхъ—дальнѣйшихъ—Пиннокентій довольно часто упоминаетъ объ этихъ дерзкихъ требованіяхъ англо-французовъ...

говорится: „Въ четвергъ, 7 іюня, на канунъ дня, назначеннаго для отъѣзда г. генераль-адъютанта барона Остенъ-Сакена къ арміи, преосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, совершилъ по утру, въ Михайловскомъ монастырѣ, напутственное молебствіе. Глубоко-умилительныя молитвы церкви вознеслись ко Всевышнему изъ устъ архипастыря, съ сонмомъ духовенства, объ осѣненіи свыше пути военачальника - христіанина на новые бранныя подвиги противъ враговъ вѣры Христовой и ихъ союзниковъ. По окончаніи молебствія, преосвященный архипастырь окропилъ барона Остенъ-Сакена святою водою и благословилъ его иконою Касперовской Божіей Матери, при чемъ онъ, голосомъ, полнымъ душевнаго волненія, произнесъ къ нему слѣдующія слова:

„Срѣтивъ васъ за полгода предъ симъ съ особенною радостію, можно-ли было намъ, разстаться съ вами теперь безъ особенной горести?—Но, вы оставляете насъ, совершивъ здѣсь, при помощи Божіей, свое дѣло со всѣмъ возможнымъ успѣхомъ;—вы идете теперь на пораженіе того же врага—тамъ, гдѣ это особенно нужно! Послѣ сего намъ остается только сказать отъ всей души: да будетъ благословенъ исходъ вашъ отъ насъ, какъ былъ благословенъ входъ вашъ къ намъ!..

„Мы увѣрены, что вы не забудете Одессы. Тѣмъ наче Одесса не можетъ забыть того, кто Самымъ Промысломъ Божіимъ данъ былъ ей въ вождя и защитника на время лютаго обложенія ея. А св. церковь съ признательностію будетъ воспоминать въ молитвахъ своихъ того вождя, который, къ назиданію и радости всѣхъ жителей Одессы, постоянно являлъ въ себѣ прекрасный примѣръ военачальника-христіанина ..

„Въ знакъ ниболиже отпадающей взаимной любви о Христѣ и въ залогъ будущихъ надъ вами благословеній свыше, примите сіе изображеніе чудотворнаго лика Богоматери Касперовской, озарившаго чудесами всю страну нашу. Сему св. лику мы вмѣстѣ съ вами поручали молитвенно градъ нашъ предъ наступленіемъ для него прошедшей опасности; ему-же теперь, въ духѣ вѣры, поручаемъ самихъ васъ и будущіе подвиги ваши противъ враговъ, въ твердой на-

деждѣ, что Взбранная Воевода подастъ намъ скоро возможность наши благодарственно воспѣть ей—побѣдительная!”

Послѣ этого описывается обѣдъ, даивый городомъ отъѣзжавшему генералу Дмитрію Ерофеевичу Остенъ-Сакену. „Живая бесѣда на немъ,—говорится при этомъ, одушевлялась воспоминаніями о блистательномъ эпизодѣ Одесской жизни, прошедшемъ подъ управленіемъ барона Дмитрія Ерофеевича. Въ грусти предстоявшей разлуки съ нимъ, мы утѣшались надеждою на будущіе славные его подвиги — на поприщѣ, на которое вызываетъ его воля Монарха: порукою въ этой надеждѣ служить намъ вся прежняя боевая жизнь его—1812 и 1813 й годы, персидская, турецкая, польская и венгерская кампаніи: всюду онъ былъ въ первыхъ рядахъ, съ шпагою въ рукѣ, съ молитвой на устахъ и въ сердцѣ, и отовсюду вышелъ съ честью и невредимъ“...

За то въ новое, Иннокентіевское, изданіе вошло одно слово 1854 г., о которомъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ этого года даже нѣтъ и замѣтки. Это именно: „Слово, произнесенное въ Одесской Казанской, что на Пересыпи, церкви, въ день храмоваго праздника, 22 октября 1854 г.“. Въ № 117-мъ „Одесскаго Вѣстника“—отъ 23 октября сказано: „Сегодня, 22 октября (редакціонная замѣтка писана на канунѣ), по совершеніи преосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, Божественной литургіи въ церкви Казанскія Богоматери, на Пересыпи, по случаю храмоваго праздника оной, его высокопреосвященствомъ принесено было, соборнѣ, молебствіе Господу Богу о благополучномъ путешествіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государей Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича“.—О словѣ-же Иннокентія ничего не упоминается... Это слово—очень замѣчательное. Казанская церковь, что на Пересыпи, подверглась нѣкоторому поврежденію — во время бомбардированія Одессы 10 апрѣля — въ Страстную субботу—и вотъ Иннокентій вспоминаетъ объ этомъ событіи и дѣлаетъ при этомъ общій обзоръ тогдашняго хода дѣлъ... Сначала онъ разъясняетъ, почему эта мѣстность называется Пересыпью —я какъ она образовалась. За нѣсколько вѣковъ передъ этимъ здѣсь было море; но вотъ Всемогуцій Господь—оградилъ это море пескомъ (Иерем. V, 22)—и какъ измѣнилось здѣсь лице земли! Подобно лицу

земли измѣняется и лице рода человѣческаго, но увы! какимъ жалкимъ и ужаснымъ иногда образомъ! „давно-ли,— продолжаетъ проповѣдникъ,— все пространство морскихъ береговъ нашихъ покрыто было мирными дѣлателями, трудившимися надъ воздѣлываніемъ полей своихъ, или снѣшившими во градъ нашъ съ плодами трудовъ своихъ? давно-ли всѣ пристани наши покрыты были стаями кораблей, кои, порѣваемые недостатками земли отечественной, изъ всѣхъ странъ свѣта летѣли къ намъ на крылахъ вѣтра, за произведеніями благословенной страны нашей, не разъ спасавшей ихъ отъ глада и смерти? И вотъ все это измѣнилось самымъ неожиданнымъ образомъ, — измѣнилось не вѣками и столѣтіями, какъ море съ его здѣшними берегами, а въ нѣсколько мѣсяцевъ и недѣль! Теперь, какъ сами видите, все поле наше, вмѣсто мирныхъ оратаевъ, покрылось воинами и бранными колесницами; воды наши или— представляютъ изъ себя пустыню, или приносятъ на хребтѣ своемъ враждебныя намъ громады огнедышуція.. Какимъ образомъ произошло все это?— Отъ зависти и злобы.. Не разумный, но изувѣрію своему, мусульманскій сосѣдъ нашъ, вопреки древнихъ условій и недавнихъ обѣтовъ, отяготилъ безчеловѣчно иго свое надъ собратіями нашими по вѣрѣ; мы по необходимости должны были стать за ихъ права и за правду самаго дѣла, за кровь и слезы злополучныхъ жертвъ изувѣрія; потребовали дружески отъ сего, не разъ спасеннаго нами же отъ крайней гибели, сосѣда, чтобы подобнымъ, зловреднымъ для него самаго, насиліемъ положенъ былъ конецъ навсегда, и чтобы св. вѣра наша не составляла собою впредь причины къ униженію и лишеніямъ для исповѣдующихъ оную на Востокѣ, подобно какъ и у насъ поклонники Магомета ни въ чемъ не терпятъ угнетенія и лишеній за свою вѣру, при всемъ ея недостаткѣ въ сравненіи съ христіанствомъ. Что могло быть простѣе и естественнѣе таковыхъ требованій? И онѣ, при всемъ своенравіи мусульманскомъ, были-бы удовлетворены, какъ тому подобное бывало не разъ и прежде; удовлетворенные, не только бы не повредили собою державѣ оттоманской, но еще спасли-бы ее надолго отъ послѣдняго упадка и разрушенія. Но можно ли было, при такомъ удобномъ случаѣ, не поднять главы исконной вражды и наслѣдственной зави-

сти къ могуществу Россіи державъ западныхъ? — И вотъ, эта злоба и зависть пробудились, сначала тайно, а потомъ и явно, со всею силою и ожесточеніемъ, въ лицѣ легкомысленныхъ галловъ и своекорыстныхъ британцевъ... Тогда, все еще мирный дотолѣ, споръ нашъ съ поклонниками луны, не могъ уже не принять огромнаго размѣра вражды, не софдственной токмо, а едва не всеобщей. Запылала брань, безпримѣрная въ лѣтописяхъ міра по ея чудовищности; ибо христіанскій западъ сталъ въ ней противу христіанскаго сѣвера и востока, сталъ не за что другое, какъ за господство адкорана магометова надъ православнымъ христіанствомъ...—Но и война можетъ быть ведена не одинокимъ образомъ. Отъ народовъ образованныхъ, каковыми величаютъ себя западные ротипвники наши, ожидалось и войны не варварской, а образованной, въ коей не проливалось-бы крови, не производилось-бы разрушеній безъ цѣли и пользы, гдѣ среди самой грозы и вихря браннаго, не нарушалось-бы уваженія къ тому, предъ чѣмъ должны равно преклоняться и друзья и враги. Это самое и обѣщали вслухъ всего свѣта недруги наши; но—увы! какъ постыдно измѣнили они своему слову!—Наступаютъ послѣдніе дни страстной седмицы, дни всемірнаго искупленія—смертію Богочеловѣка; приближается великій праздникъ Пасхи, когда, по выраженію церкви, сходятся въ торжество и радости: небо, земля и сама преисподняя: и вотъ въ эти самые дни на водахъ нашихъ явлются соединенные флоты двухъ, враждебныхъ намъ, державъ христіанскихъ. Можно было подумать, что они, не смотря на вражду, преклонясь предъ общимъ съ нами знаменіемъ спасенія, пришли раздѣлить съ нами по братски радость наступающаго праздника празднества... Нѣтъ, они, подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, заводятъ съ нами прю, и потомъ—открываютъ противу насъ цѣлый адъ огня и жупела въ тотъ самый день и тѣ самые часы, когда церковь у гроба Господня торжественно возглашала: днесь адъ стена вопіеть: разрушися моя держава! И это все еще не могло удовлетворить ихъ злобы. Ослѣпленные нечестіемъ, они продолжаютъ адское дѣло разрушенія противу града нашего къ самый день Воскресенія Господня, какъ будто въ показаніе того, что для нихъ, увлеченныхъ своекорыстіемъ и ненавистію къ намъ подъ знамя магоме-

тово, не осталось болѣе на землѣ ничего священнаго... Вѣчное благодареніе Господу силъ, покрывшему насъ и градъ нашъ благодатию Своею отъ разженныхъ стрѣлъ враговъ нашихъ, и обратившему въ ничто всю ихъ ярость и усилія!—Но, братія мои, какъ ни оглянуться при семъ снова съ глубокою жалостію на самыхъ противниковъ нашихъ? Двумъ великимъ державамъ христіанскимъ стать открыто подъ богопротивное и всегда пагубное для христіанства знамя магометово; стать не для чего другого, а прямо для утвержденія въ силѣ владычества душетлѣннаго Алкорана надъ православнымъ востокомъ, для скрѣпленія оковъ мусульманскихъ, кои истлѣли уже отъ самаго времени, на выѣ и рукахъ многихъ милліоновъ христіанъ восточныхъ... Кто могъ ожидать такого безумія и нечестія отъ державъ христіанскихъ, хвальныхя просвѣщеніемъ и любовію къ человѣчеству? Ибо, скажите, что-же остается еще послѣ сего къ униженію и поруганію имени Христова отъ самыхъ христіанъ?—Если при бакихъ, то при подобныхъ событіяхъ, можно вмѣстѣ съ царе-пророкомъ воскликнуть: время дѣйствовать Господу — Самому Господу, ибо разорили законъ Его (Псал.—118, 26). И будьте увѣрены, братія мои, это Господь и теперь, какъ и всегда, поруганъ безнаказано не будетъ! Яко Всемогущій, Онъ попуститъ обнаружиться всей слѣпотѣ обуяннаго невѣріемъ и своекорыстіемъ запада; не воспрепятствуетъ измѣнникамъ вѣрѣ отцовъ своихъ клеветамъ магометанства проявлять все нечестіе сердца ихъ:—Но когда наступитъ часъ суда и воздаянія, онъ-же Всемогущій грозно и страшно покажетъ предъ лицомъ всего свѣта, что есть Богъ, судья всей земли, есть разность между служеніемъ Іеговѣ и Ваалу, между любовію ко Христу и усердіемъ къ Магомету...—Вотъ, къ какимъ мыслямъ и чувствамъ пришли мы здѣсь, братія мои, въ день настоящаго праздника вашего! Пришли не произвольно, а руководимые, можно сказать, самымъ храмомъ вашимъ, въ коемъ стоимъ мы теперь и молимся. Мѣстоположеніемъ своимъ онъ возбудилъ въ насъ мысли о пучинѣ морской, которая покрывала нѣкогда все это пространство земли; а вершиною и главою своею онъ-же невольно привелъ намъ на память то, что потерпѣли мы отъ враговъ нашихъ въ прошедшую великую субботу, когда и храмъ сей принялъ во главу

свою отъ огней непріятельскихъ ту язву, которая на всѣ будущія времена, означена на ней чернымъ пятномъ. На сей-то язвѣ и пятнѣ хочу я, наконецъ, окончить мое слово, предоставивъ ихъ постоянному вниманію вашему и потомковъ вашихъ... Когда будете проходить мимо сего храма и увидите на верхнемъ кровѣ его черное пятно,—то, осѣнивъ себя знаменіемъ крестнымъ, вспомните что надъ Одессою, особенно надъ сею частию города, висѣла въ настоящемъ году ужасная туча бѣдъ и скорбей, и что если она не разразилась совершеннымъ разрушеніемъ сего мѣста, то — по особенному невидимому покрову и защитѣ свыше—вспомните и возблагодарите за сіе Господа, съ обѣтомъ—служить во славу имени Его дѣлами благими.—Подобнымъ образомъ, когда возрастающія дѣти ваши спросятъ васъ, что значитъ черное пятно на кровлѣ храма вашего, скажите имъ, что это признакъ и слѣдъ варварскаго нападенія на Одессу галловъ и британцевъ, во дни великой субботы и Воскресенія Христова, скажите и, разъяснивъ имъ это нападеніе, внушите, чтобы они послѣ сего не вѣрили въ пустое велерѣчіе сихъ народовъ о любви къ человѣчеству, въ ихъ мнимую образованность и мягкость нравовъ, что это — народы, не вѣдущіе другаго Бога, кромѣ своего прегордаго я, другихъ высшихъ законовъ, кромѣ своего самолюбія и выгодъ, и что подражать имъ раболѣпно ихъ образъ мыслей, чувствъ и дѣйствій, какъ начали дѣлать нѣкоторые,—значитъ рѣшиться, рано или поздно, на измѣну вѣрѣ отцевъ своихъ, на отступленіе отъ нравовъ прародительскихъ, и на отреченіе отъ самой земли русской,—отъ чего да сохранитъ всѣхъ васъ Господь!—Аминь“. (Стр. 173—183-я).

Что-же касается самаго текста отдѣльнаго изданія проповѣдей Инокентія, о которомъ у насъ теперь рѣчь,—то онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разнится отъ первоначальнаго текста ихъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ». Разности эти касаются большею частию только стили (именно, прибавлены или убавлены нѣкоторыя отдѣльныя слова—не вліяющія на смыслъ), иногда-же касаются въ большей или меньшей степени и самаго смысла рѣчи. Мы приведемъ здѣсь всѣ этого послѣдняго рода разности.

Въ «Словѣ въ Великую Субботу»—10 Апр. 1854 г.—на стран. 28 отдѣльнаго изд. сказано: «не замедлитъ и за

настоящею, сугубо-великою для насъ субботою послѣдовать сугубо-великое воскресеніе». А въ „Одес. Вѣстникѣ“ эта фраза выражена такъ: „За настоящею, сугубо-великою для насъ, субботою должно послѣдовать и сугубо-великое воскресеніе».—Въ «Словѣ на Пасху»—11 Апр.—на стр. 36-й: «Поспѣшимъ напротивъ украсить себя и ради великаго празднества, и ради окружающей насъ опасности, дѣлами свѣта»... Въ «Од. Вѣст.»: «Поспѣшимъ напротивъ украсить себя ради великаго празднества—дѣлами свѣта»...—Въ «Словѣ на Пасху—того-же 11 Апр. на вечерни»—на стр. 39-й: «По сему-то и стяжалъ онъ (врагъ) для себя нынѣ новый трофей: до сего времени врагъ нашъ былъ отвратителенъ собственно для насъ; а терпѣль омерзѣлъ нечестіемъ своимъ самымъ, среди насъ обитающимъ, соотчикамъ своимъ, кои»... и т. д. Въ «Од. Вѣст.»: «По сему-то и стяжалъ онъ для него (очев. опечатка) нынѣ новый трофей: до сего времени врагъ нашъ былъ отвратителенъ собственно для насъ; а теперь омерзѣлъ нечестіемъ своимъ иноземцамъ, среди насъ обитающимъ, самымъ соотчикамъ своимъ, кои»—и т. д.—Въ «Словѣ въ среду Пасхи»—14 Апр.—во многихъ мѣстахъ есть отмѣны. Такъ, на стр. 47-й: «Разумѣется, все это такъ вышло вопреки ихъ (враговъ) намѣренія»... Въ «Од. Вѣст.»: «Разумѣется, все это такъ вышло безъ его (врага) или, точнѣе сказать, противъ его намѣренія»... На той-же стр. ниже: «Въ самомъ дѣлѣ, что мы потеряли? Нѣсколько ветхихъ зданій въ предмѣстіи города, нѣсколько неважныхъ судовъ въ пристани, которая наиболѣе страдала отъ огня»... Въ «Одесск. Вѣстникѣ» послѣдняя фраза выражена такъ: «также подвергавшейся огню»... На стр. 48-й: «...Чего стоило врагу нашему одно это желѣзо и одни эти огни, но и онъ, вопреки привычкѣ своей, такую *нерасчетливой* (курс. у Иннок.) рукою и столь долго разсыпалъ напрасно надъ главами нашими». Въ «Од. Вѣст.» это выражено такъ: „...такую *нерасчетливой* рукою, столь долго и такъ напрасно разсыпалъ противу насъ“.—Ниже на той же стран. «и забвена буди десница наша, если мы не будемъ всегда вспоминать ихъ (павшихъ защитниковъ Одессы) молитвенно у жертвенника Христова»... А въ „Од. Вѣст.“—на свѣжихъ порахъ это выражено было сильнѣе: „и забвена буди десница наша,

если мы не будемъ всегда воспоминать ихъ съ благодарностию и возносить молитвенно имена ихъ у жертвенника Христова"...—На стр. 49-й: „Приобрѣли (мы), во первыхъ, увѣренность въ невозможности для врага много вредить намъ и въ неудобоприступности для него града нашего. Ибо многіе изъ насъ представляли себѣ нападеніе столь многочисленнаго флота"... и т. д. Въ «Одесск. Вѣстникъ»—это —такъ: «Приобрѣли (мы), во первыхъ увѣренность въ невозможности для врага много вредить намъ и въ неприступности для него града нашего. Признаемся при семъ случаѣ, что многіе изъ насъ...» и т. д.—Ниже—на той-же стран.: „Такая перемѣна въ мысляхъ и мнѣніи значить весьма много: отнынѣ никто не будетъ помышлять скоропоспѣшно объ удаленіи куда-бы то ни было"... А въ „Од. Вѣст.»: послѣдняя фраза имѣетъ такой видъ: „...отнынѣ никто не будетъ такъ малодушенъ, какъ прежде, и не будетъ помышлять скоропоспѣшно...“ и т. д.—Въ «Словѣ—предъ освященіемъ Георгіевскихъ крестовъ» 29 апр. 1854 г. есть также значительныя отмѣны. Такъ—на стр. 59—60: «Нашъ край и нашъ градъ, безъ сомнѣнія, были и суть предметомъ особенныхъ заботъ и опасеній для Августѣйшаго Монарха, по самой ихъ близости къ мѣсту браней и по беззащитности и неготовности къ отраженію враговъ». Въ «Од. Вѣст.»—короче—именно: нѣтъ выраженія: по самой ихъ близости къ мѣсту браней, а сказано только: по самой ихъ беззащитности... и т. д. Ниже—на той-же 60 стран.: «что эта нечестивая жестокость ихъ (враговъ) не сопровождалась для насъ никакимъ особеннымъ вредомъ, а послужила только къ обнаруженію надъ нами особенной милости Божіей; ибо мы, находясь подъ адскимъ огнемъ цѣлый день, остались цѣлы и невредимы». Въ «Од. Вѣст.»—это совершенно иначе—именно: «что эта нечестивая жестокость ихъ понесла на себѣ видимое наказаніе Божіе; ибо врагъ отъ употребленія противу насъ всѣхъ средствъ и усилій не приобрѣлъ ничего важнаго: мы, находясь подъ адскимъ огнемъ врага цѣлый день»... и т. д.—На стр. 61-й: „Какъ послѣ сего и намъ не радоваться, не торжествовать и не благодарить Бога! Царь небесный явилъ особенную милость свою надъ нами; Царь земный особенно обрадованъ и возвеселенъ нами: что можетъ быть для насъ отраднѣе?»

Въ „Одесскомъ-же Вѣстникѣ“ это выражено такъ: «И такъ, мы можемъ сказать теперь, что собственная радость наша нынѣ исполнена совершенно: Царь Небесный явилъ милость свою надъ нами; Царь земный обрадованъ и возвеселенъ нами».—Въ „Словѣ по случаю пожалованія Одессѣ Всеми-лостивѣйшей Грамоты“ 9 мая 1854 г.—на стр. 74 й: „И вотъ эти болѣзни и вся эта скорбь прешли“... А въ „Од. Вѣст.“ сказано было: „И вотъ, всѣ эти болѣзни и вся эта скорбь на сей разъ прешли“...—Въ „Словѣ предъ совершеніемъ панихиды по Константиноп. Патріархѣ Григоріи“ 16 мая 1854 г. есть двѣ небольшія отмѣны. Первая допущена въ заглавіи Слова—и, кажется, не къ лучшему.. Именно—на стр. 78-й это заглавіе таково: „Слово, произнесенное въ Одесской греческой церкви, 16 мая 1854 г., предъ совершеніемъ панихиды по блаженномъ Константинопольскомъ Патріархѣ Григоріи, въ ней благочестно почи-вающимъ“. Между тѣмъ—въ „Од. Вѣстникѣ“ вмѣсто въ ней, стояло тамъ.—Въ самомъ концѣ слова—на стр. 83-й: „...Тебѣ, нашему предъ Нимъ (Богомъ) не усыпающему мо-литвеннику“. Въ «Од. Вѣст.» выраженія не усыпающему вѣтъ.—Въ „Словѣ при освященіи прибрежныхъ батарей“ 31 мая 1854 г.—на стр. 86-й: „Онъ (Богъ), всемогущій и всеуправляющій, Онъ Самъ по Своей премудрой волѣ, даетъ и отъемлетъ духа; облакаетъ силою свыше самыя слабыя руки и колѣна; и когда благоугодно Ему, обращаетъ въ ничто разумъ мудрыхъ и крѣпость сильныхъ!“... Это мѣсто въ стилистическомъ отношеніи было выражено такъ въ первоначальномъ текстѣ „Одес. Вѣстника“: „Онъ, всемогущій и всеуправляющій, по Своей премудрой волѣ, даетъ и отымаетъ духа, Онъ облакаетъ силою свыше самыя слабыя руки и колѣна; и Онъ же обращаетъ, когда угодно Ему, въ ничто—разумъ мудрыхъ и крѣпость сильныхъ!“—Въ „Словѣ первомъ—при совершеніи покаяннаго молебствія въ г. Симферополѣ“—14 сент. 1854 г.—есть въ одномъ мѣстѣ значительная отмѣна. Именно—на стр. 99-й читаемъ: „Съ этими, такъ называемыми туземцами (татарами), а въ самомъ дѣлѣ жабими приплецами, вѣкогда завладѣвшими нагло здѣсь чуждымъ достояніемъ, произошло тоже самое, что бываетъ во время бури съ слабыми листьями и вѣтвями на деревѣ, кои отстаютъ тогда отъ стебля и падаютъ

на землю"... А въ „Одесск. Вѣстникѣ“ это мѣсто—въ такомъ видѣ: „съ этими, такъ называемыми туземцами, а въ самомъ дѣлѣ буйными пришлецами, нѣкогда завладѣвшими нагло здѣсь чужимъ достояніемъ, произошло тоже самое, что бываетъ во время бури съ слабыми листьями и вѣтвями на деревьяхъ, кои отстаютъ тогда отъ дерева и падаютъ на землю“... Въ „словѣ въ Одесскомъ Срѣтенскомъ Соборѣ“ 30 окт. 1854 г. на стран. 150-й—читаемъ: „Теперь враги наши, въ припадкѣ злобы и гордости, возмечтали отторгнуть сію страну (Крымъ) отъ состава Россіи: сбыточное-ли это дѣло?“. Въ „Од. Вѣст.“ послѣдняя фраза была выражена такъ: возможно-ли это?—Въ концѣ этого-же слова—на стран. 152-й: „...еже буди благодатию Господнею и молитвами св. угодника (Климентя, Папы Римскаго), о коемъ мы теперь бесѣдовали съ вами, и о коемъ, можетъ быть, дастъ Господь, побесѣдуемъ и еще—со временемъ.—Аминь“.—Послѣдней фразы—именно: „и о коемъ, можетъ-быть, дастъ Богъ“ и т. д. въ „Од. Вѣст.“ нѣтъ.

Вотъ и всѣ, замѣченныя нами, болѣе или менѣе существенныя отмѣны въ новомъ изданіи проповѣдей Иннокентія 1854 г.—противъ первоначальнаго текста ихъ въ „Одесск. Вѣстникѣ“. Со временемъ, если Богъ дастъ, мы сравнимъ текстъ проповѣдей его и 1855—1857 г.—напечатанныхъ въ этой газетѣ съ послѣдующимъ ихъ изданіемъ.

Въ заключеніе настоящихъ нашихъ «замѣтокъ» считаемъ нужнымъ сказать, что для полноты будущаго изданія сочиненій архіепископа Иннокентія необходимо позаботиться и о его письмахъ къ разнымъ лицамъ. Многія изъ нихъ уже напечатаны въ разныхъ книгахъ и журналахъ, и было бы очень хорошо сдѣлать напередъ точный указатель всѣмъ этимъ напечатаннымъ письмамъ... Но громадное большинство изъ писемъ Иннокентія остаются еще не напечатанными... А какъ велика была переписка Иннокентія, видно изъ того, что письма къ нему самому разныхъ лицъ, перешедшія въ числѣ прочихъ его бумагъ къ упомянутому въ началѣ этихъ «замѣтокъ»—Н. Х. Палаузову и переданныя послѣднимъ, при посредствѣ проф. Н. И. Барсова, въ Императорскую публичную библіотеку,—заклучены въ девяти весьма большихъ томахъ и счетомъ представляютъ

сумму больше трехъ тысячъ! *) И такъ сколько же написалъ писемъ самъ Иннокентій!... Объ интересѣ его писемъ—какъ для собственной его біографіи, такъ и для характеристики его времени—нечего и говорить... Можно только удивляться, какое къ собранію и изданію этихъ писемъ—существовало и существуетъ равнодушіе... Митрополитъ Московскій Филаретъ нашелъ ревностныхъ и горячихъ почитателей своей памяти, которые позаботились издать его письма въ нѣсколькихъ сборникахъ. А Иннокентій, не менѣе знаменитый нашъ проповѣдникъ и духовный дѣятель,—не находитъ для себя таковыхъ почитателей... Грустно думать объ этомъ! Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы напомнить, что нѣкоторые изъ писемъ Иннокентія хранятся въ Императорской публичной библіотекѣ—въ Спб. Такъ, въ «Отчетѣ» ея за 1878 г. мы прочитали въ отдѣлѣ о поступившихъ пожертвованіяхъ, между прочимъ, слѣдующее: «Отъ дѣйств. ст. сов. Андрея Андреевича Вагнера: пять писемъ къ А. А. Вагнеру Иннокентія архіепископа Херсонскаго. Въ письмѣ отъ 14 января 1855 г. читаемъ: „Какой годъ прожили мы! Безъ преувеличенія мнѣ кажется онъ не годомъ, а чуть не четвертью вѣка. Градъ бомбъ, море крови—вотъ его девизъ. Настоящій, выродокъ прошедшаго года, является на первый разъ съ миромъ: но это миръ австрійскій, а не русскій, а намъ нужно теперь свое, а не чужое. Ужъ кто болѣе насъ терпитъ? Но мы готовы терпѣть еще вдвое, только бы не преткнуться о этотъ не миръ, а миришко“. („Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1878 г.“ Спб. 1879 стр. 20—21 **).

---

*) Здѣсь кстати будетъ помянуть недавно скончавшагося (30 марта 1903 г.) проф. Николая Ивановича Барсова, много потрудившагося для разработки массы писемъ къ Иннокентію, переданной чрезъ него въ Императорскую публичную библіотеку. Множество изъ нихъ онъ напечаталъ въ разныхъ журналахъ—со своими введеніями и примѣчаніями,—изъ чего составилось потомъ два тома „Матеріаловъ для біографіи Иннокентія, архіепископа Херсонскаго 1884—1888 гг.“—Эти матеріалы представляютъ собою богатѣйшій источникъ свѣдѣній о личности и дѣятельности Иннокентія.—Общій очеркъ содержанія всей массы писемъ къ Иннокентію—съ характеристикой его личности, трудовъ и связей—Н. И. Барсовъ помѣстилъ въ сборникъ своихъ статей: „Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Спб. 1899 г.“—подъ заглавіемъ: „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ по новымъ о немъ матеріаламъ“ стр. 50—85).

**) См. ниже въ приложеніяхъ.

А. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ

Архієпископа Херсонскаго

Иннокентія Борисова,

напечатанные въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1851—1854 г.г. безъ обозначенія имени автора, и потому досель не вошедшіе въ собраніе его сочиненій.

Главнымъ поводомъ къ написанію нашей предъидущей статьи было желаніе—указать будущему редактору полнаго собранія сочиненій Архієпископа Иннокентія Борисова на труды этого знаменитаго архипастыря русской церкви, помѣщенные въ газетѣ «Одесскій Вѣстникъ» въ періодъ 1851—1854 г.г.—безъ обозначенія имени автора... Труды эти—еще и при жизни Иннокентія—оставались, помимо редакціи «Одесскаго Вѣстника», извѣстными лишь не многимъ, какъ принадлежащіе именно ему—знаменитому Одесскому архипастырю. Нѣкоторыя лица лишь догадывались тогда объ этой принадлежности—напр. извѣстный святогорецъ Серафимъ... По смерти же Иннокентія, когда живое преданіе о немъ постепенно исчезало,—вышеуказанные труды его въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ совершенно были забыты и о существованіи ихъ,—а равно и о дѣйствительной принадлежности ихъ Иннокентію, можно судить только на основаніи напечатанныхъ недавно писемъ, какъ его самаго, такъ и нѣкоторыхъ изъ его современниковъ,—а также—по нѣкоторымъ другимъ—уже болѣе внутреннимъ примѣтамъ... Разслѣдованіе о принадлежности этихъ трудовъ Иннокентію мы и сдѣлали въ предъидущей статьѣ и сначала думали только этимъ и ограничиться... Будущій редакторъ или издатель полнаго собранія сочиненій Иннокентія,—думали мы,—уже можетъ самъ, если захочетъ,—отыскать, на основаніи нашихъ указаній, эти забытыя и не извѣстныя

нынѣшнему поколѣнію литературные труды Иннокентія, и внести ихъ цѣликомъ въ свое изданіе... Но потомъ—намъ пришло на умъ такое соображеніе: „Одесскій Вѣстникъ“ 1851—1854 г.г. составляетъ теперь библиографическую рѣдкость... Да и когда-то еще появится полное собраніе сочиненій Иннокентія!? А между тѣмъ хорошо было-бы оживить память о незабвенномъ русскомъ архипастырѣ-проповѣдникѣ именно теперь—въ виду совершившагося пятидесяти (50) лѣтія со дня его кончины (26 мая 1907 г.)—оживить не только указаніемъ на существованіе еще неизвѣстныхъ его литературныхъ трудовъ, но и доставленіемъ возможности воочію видѣть эти труды, любоваться чтеніемъ ихъ цѣликомъ и живо представлять себѣ при этомъ образъ ихъ дорогаго автора... И вотъ—по этимъ соображеніямъ—мы и рѣшили представить въ печати цѣликомъ статьи Иннокентія, помѣщенные въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1851—1854 г.г. безъ подписи его имени.—Этихъ статей указано нами три; присоединяемъ къ нимъ еще небольшую замѣтку подъ заглавіемъ: „7-е марта“, которая тоже несомнѣнно принадлежитъ Иннокентію, судя по ея внутреннимъ примѣтамъ. Такъ могъ тогда говорить отъ имени Херсонской церкви только представитель ея.—Замѣтка помѣщена въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“—на видномъ мѣстѣ, конечно изъ уваженія къ личности автора ея.

I. МОЛИТВА,

читая на Ришельевской приморской площади, среди молебствія, во время Крестнаго хода, совершаемаго ежегодно 22 августа, въ память основанія г. Одессы. *)

Владыко Господи, Боже нашъ и Отецъ нашихъ, Всемогущій Зиждителю видимыхъ и невидимыхъ, нарицай не сущая, яко сущая, сущимъ-же вѣрность и силу подавай, Его-же вседержавнымъ Промысломъ жизнь и сожителство человѣческое опредѣленіе приемятъ, Иже и сему граду нашему, въ благознаменитый нынѣ для всея державы Россійскія день сей, основатися пѣкогда на мѣстѣ семъ благоволивый, и въ не мнозѣ времени въ толикую силу и благолѣпіе его приведи, яко сравнитися ему со старѣйшими грады земли отечественныя,—призри съ высоты святыя своя на ны, смиренныя обитатели града сего, творящіе нынѣ благочестно память основанія его, и благоутробяѣ приими возносимый къ Тебѣ гласъ хвалы и славословія за вся, ими-же ущедрихъ еси мѣсто сіе!—Благодаряѣ предъ лицемъ неба и земли исповѣдуемъ, яко не нашею мудростію и силою, ниже нашимъ искусствомъ и добродѣтелію, но Твоимъ всезидательнымъ Промысломъ придоша въ совершеніе вся, ими-же благоукрашается нынѣ градъ сей: аще бо не Ты, Вседѣтелю, созиждеша домъ, всеу труждаются

---

*) Напечатана въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“—1854 г. № 98—отъ 4 сентября.—Напечатана также въ 1855 г. отдѣльной брошюрой—in 16.—Съ такимъ же заглавіемъ и съ помѣтою: Одесса, въ Городской типографіи, 1855. Стр. 8. Цензурное разрѣшеніе: „Печатать позволяется. Августа 20 дня 1855 г. Цензоръ, Одесской духовной семинаріи ректоръ, архимандритъ Серафимъ“.—Въ этомъ изданіи есть слѣд. отмѣны противъ прежняго—1) Въ началѣ—послѣ словъ: „Всемогущій Зиждителю видимыхъ и невидимыхъ“ прибавлено: „Премудрый Строителю настоящихъ и грядущихъ“ и затѣмъ: „Нарицай несущая, яко сущая“—и т. д. 2) Опущены мѣста, относившіяся къ Императору Николаю—именно—въ началѣ: „въ благознаменитый нынѣ для всея державы Россійскія день сей“ и въ концѣ: „...Николая Павловича, его же въ день сей оправдалъ еси царствовать надъ нами“. Въмѣсто „Николая Павловича“, напеч. „Александра Николаевича“.

зиждущи, и аще не Ты, Всепромыслителю, сохраниши градъ всуе будетъ бдѣй стрегій. Тебѣ убо Единому да будетъ отъ насъ слава и честь, хвала и благодареніе, въ день настоящій и во вся вѣки! И якоже отъ Тебе, аще и недостойни, пріяхомъ, еже и имамы, сице на Тя возлагаемъ все упованіе наше и въ предняя, и отъ Твоея всевосполняющія десницы чаемъ пріяти недостающая намъ. Пробави убо, о Вседержителю, всебогатую милость Твою ко граду нашему, и сохрани его отъ глада, труса, потопа, огня, меча, нашествія иноплеменниковъ и междоусобныхъ брани, отъ смертоносныхъ язвы и всякаго злаго обстоянія. Даруй-же намъ земли плодоносіе, воздуховъ благораствореніе, моря тишину, жилищъ крѣпость, входовъ и исходовъ свободу, и предѣлъ нашихъ безопасность. Надъ всѣми-же сими отжени отъ насъ всегубительный духъ невѣрствія, крामолы и ожесточенія во грѣхахъ; утверди-же въ сердцахъ нашихъ вѣру праву, любовь нелицемѣрну и упованіе жизни вѣчныя, да, обитая на мѣствъ семъ, идѣже снемлются племена и языки, юдужу стекаются избытки странъ близъ сущихъ и отдаленныхъ, не увлекаемся, яко маліи дѣти, обычаями сыновъ иноземныхъ, во еже отступити намъ отъ святыхъ преданій и завѣтовъ отцевъ нашихъ, и да не прельцаемся красными міра сего, во еже забыти намъ, яко вси мы есмы странники и пришельцы на земли, имъ-же, по скончаніи привременнаго на земли житія, подобаетъ внити ко обитанію въ оный великій и святой градъ, емуже художникъ и содѣтель Ты Самъ еси, Зиждителю всяческихъ. Ей, Владыко и Господи, огради сердца наши благодатію и страхомъ Твоимъ святымъ отъ всякаго грѣха и соблазна, да въ чистотѣ и правдѣ проживемъ вся дни живота нашего, слава предъ языки иновѣрными, не словами точію, но паче благими дѣяніями, всесвятое имя Твое, подавая образъ благочестія, воздержанія и милосердія градомъ и весямъ ближнимъ и дальнимъ, и радуя собою сердце Помазанника Твоего, Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, его-же въ день сей оправдалъ еси царствовать надъ нами. Да пребудетъ, о Всемилосердый, милость Твоя на насъ и градъ нашъ: яко-же вѣровахомъ и уповахомъ на Тя, да не постыдимся во вѣки!—Аминь.

II.

О Крымскомъ источникѣ св. Козмы и Даміана *)

Источникъ св. Козмы и Даміана издавна извѣстенъ по всему Крыму и уважается набожно не только православными (русскими и греками), но и татарами, за его необыкновенную цѣлебную силу, которая всѣми единодушно приписывается благодатному дѣйствию молитвъ этихъ святыхъ врачей и безсребренниковъ. Онъ струится изъ сѣверныхъ склоновъ хребта Яйлы, не вдалекѣ отъ вершинъ рѣчки Алмы, въ которую скоро и изливается. Мѣстность, окружающая сей источникъ, есть одна изъ самыхъ пустынныхъ, и вмѣстѣ величественныхъ, образуясь изъ соединенія между собою послѣднихъ предгорныхъ ущелій, у боихъ низъ и середина покрыты густымъ лѣсомъ, а вершина состоитъ изъ громадныхъ каменныхъ утесовъ.

Болѣе употребительный путь къ источнику отъ Запада, по рѣчкѣ Алмѣ, изъ деревни Бешуй; но можно подъѣзжать къ возвышенности, изъ коей вытекаетъ онъ, и съ Востока, съ лѣва—отъ Тавеля и съ права—отъ Алушты; только въ обоихъ случаяхъ, не доѣзжая до источника, надобно оставить всякій экипажъ, и даже коня, и идти около версты пѣшкомъ.

Какъ-бы въ соотвѣтствіе святой двоицы, коея носитъ имя, источникъ имѣетъ два жерла, отстоящихъ одно отъ другаго на четыре аршина,—одно сильнѣе, при коемъ погружаются въ воду, а другое слабѣе, гдѣ совершаютъ водосвященіе и изъ котораго пьютъ воду. Вода сего источника, сколько извѣстно, никѣмъ не была разлагаема искусственно; но по вкусу она ничѣмъ не различается отъ обыкновенной

*) Напечатана въ „Одесск. Вѣстникѣ“ 1851 г. № 66—отъ 22 августа.

воды, бромъ особенной чистоты, необыкновенной свѣжести, и легкости. Г. Кенпенъ, посѣщавшій его 8 сентября въ 1833-мъ году, въ 10 часовъ утра, при 13-и градусахъ теплоты воздуха, нашелъ въ немъ болѣе 6-ти по Реомюру.

Больные всякаго рода посѣщаютъ сей источникъ въ продолженіе всего лѣта, но особенное стеченіе богомольцевъ со всего Крыма и даже изъ-за Перекопа бываетъ 1-го іюля, въ память св. Козмы и Даміана. Въ это время, на канунъ праздника, стекается къ источнику до пятисотъ и болѣе семействъ, кои всѣ дружно располагаются на ночь по узкой долинь, гдѣ бѣжитъ рѣчка Алма, отдѣляющаяся тутъ отъ источника однимъ узкимъ и крутымъ, но не высокимъ каменнымъ поясомъ. Вечеромъ совершается всеобщее бдѣніе, а по утру въ день праздника — молебень и освященіе воды, по окончаніи коего начинается въ разныхъ видахъ купанье. Не смотря на сильную свѣжесть, и прохладу воды, рѣдкій не почтетъ за долгъ погрузиться въ нее. Татары при семъ обыкновенно выжидаютъ, пока христіане окончатъ свое дѣло, что бываетъ подъ вечеръ, и тогда приступаютъ къ источнику, пьютъ изъ него съ благоговѣніемъ воду, купаются въ ней и запасаются ею на домъ, при чемъ каждый недужный оставляетъ, по обычаю, доскутокъ своего платья, или какой-либо матеріи, вѣшая его на деревѣ, какъ-бы въ знакъ того, что вмѣстѣ съ симъ доскуткомъ, оставлена имъ тутъ-же и его болѣзнь. Нѣкоторые изъ нихъ присутствуютъ и при водоосвященіи и даже ставятъ свѣчи.

Причиною такого всеобщаго уваженія къ источнику — увѣренность, что вода его весьма цѣлебна, почему татары иначе и не называютъ его, какъ Савлукъ-Су, или здоровая вода; увѣренность-же сія произошла и поддерживается въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, съ одной стороны — отъ древняго постояннаго преданія о святости и чудодѣйственной силѣ источника, съ другой — отъ опыта, который представляетъ множество случаевъ исцѣленій отъ употребленія воды изъ него.

Какимъ образомъ съ симъ источникомъ соединилась память и имя святыхъ чудотворцевъ и безсребренниковъ Козмы и Даміана, кои, какъ извѣстно, жили и пострадали въ Римѣ, при императорѣ Кирѣ? — По недостатку положительныхъ историческихъ свидѣтельствъ, вопросъ сей можно

рѣшить только при помощи устныхъ преданій. Выслушаемъ ихъ во первыхъ изъ устъ мѣстныхъ грековъ, какъ первыхъ христіанскихъ старожиловъ на полуостровѣ Крымскомъ, и слѣдовательно первыхъ свидѣтелей о всемъ христіанскомъ въ Крыму. У нихъ—три особенно замѣчательныхъ разсказа о семь.

Первый разсказъ.—Источникъ св. Козмы и Даміана получилъ какъ названіе, такъ и чудодѣйственную силу свою отъ сихъ самыхъ святыхъ врачей, кои за проповѣдь о Христѣ, бывъ сосланы на заточеніе въ Таврическій полуостровъ, проводили бѣольшую часть времени своего у сего источника, какъ въ мѣстѣ, наиболѣе удаленномъ отъ шума и молвы житейской, возвѣщая и здѣсь имя Христова и врачуя имъ всѣ недуги, особенно между обитавшими тогда среди горъ таврическихъ Готами. Когда, вслѣдствіе жалобъ Готскаго царя за обращеніе въ христіанство собственнаго сына его, имъ надлежало оставить Крымъ и возвратиться на судъ въ Римъ,—то святые безсребренники, въ память своего пребыванія въ Крыму, испросили у Господа цѣлебную силу любимому ими источнику.

Хотя въ житіи Козмы и Даміана, напечатанномъ въ нашей Четви Миней, не говорится о такомъ ихъ заточеніи въ Крымъ; но жизнеописаніе это весьма кратко и видимо не обнимаетъ собою всѣхъ событій въ жизни св. безсребренниковъ; съ другой стороны, ссылка христіанъ на заточеніе въ Крымъ была въ Римѣ одною изъ обыкновенныхъ мѣръ противу нихъ, какъ то показываетъ примѣръ св. папъ Климента и Мартина, скончавшихся въ Крыму, и многихъ другихъ. Посему ничто не препятствуетъ допустить достоверность этого древняго преданія, вмѣстѣ съ коимъ становится совершенно понятнымъ—какъ названіе источника по имени св. безсребренниковъ, такъ и его необыкновенная цѣлебная сила, видимо не зависящая отъ свойства самой воды, и потому заставляющая предполагать, какъ въ купели Силоамской, невидимое присутствіе силы благодатной.

Мѣсто пребыванія такихъ святыхъ и славныхъ мужей, каковы были Козма и Даміанъ, одаренное при томъ, по молитвѣ ихъ, такою необыкновенною силою исцѣленія, по сему самому не могло не быть ознаменовано въ послѣдствіи какимъ нибудь знакомъ благоговѣйнаго вниманія и усердія къ

нему со стороны христіанъ, и всего скорѣе, какимъ-либо малымъ храмомъ въ скалѣ, подобное чему видимъ на многихъ горныхъ высотахъ по Крыму. Но при кровавыхъ переворотахъ, кои въ послѣдующихъ вѣкахъ не разъ постигали Крымъ, когда самыя крѣпкія твердыни обращены въ развалины, лежащія доселѣ, — и урочище свв. Козмы и Даміана не могло уцѣлѣть — совсѣмъ, что было на немъ, и не придти въ забвеніе, какъ то предполагается въ слѣдующихъ преданіяхъ.

Второй разсказъ.—Въ стародавнія времена, въ сѣверныхъ ущельяхъ Яйлы жили святыя пустынники. Одинъ изъ нихъ, ходя однажды по той высотѣ, изъ коей вытекаетъ источникъ Козмы и Даміана, увидѣлъ вдали старца и желалъ съ нимъ побесѣдовать, началъ къ нему приближаться, и когда былъ уже недалеко отъ него, то старецъ, остановившись и указывая рукою на то мѣсто, гдѣ теперь источникъ, сказалъ: «пойди къ тому мѣсту и тамъ найдешь икону и студенецъ на пользу и спасеніе многихъ!» — Инокъ, оставивъ старца, который въ то же время сдѣлался невидимъ, не медля пришелъ на указанное мѣсто и нашелъ тамъ древнюю икону св. безсребренниковъ Козмы и Даміана, а подъ нею текущую изъ горы воду. О такомъ чудесномъ указаніи и обрѣтеніи иконы и источника иннокъ возвѣщалъ всѣмъ; вслѣдствіе чего, православные начали съ вѣрою прибѣгать за помощію къ свв. безсребренникамъ Козмѣ и Даміану и брать изъ источника воду, которая оказалась цѣлебною отъ многихъ недуговъ.

Третій разсказъ.—Одинъ изъ благоговѣйныхъ грековъ, ходя по горамъ, отъ усталости опочилъ сномъ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ источникъ Козмы и Даміана. И вотъ въ сновидѣніи видитъ двухъ мужей среднихъ лѣтъ, кои мимо его прошли къ источнику, пили изъ него воду, потомъ сдѣлались невидимы. Проснувшись, онъ послѣшилъ на то же самое мѣсто и нашелъ тамъ источникъ и надъ нимъ древнюю, полупокрытую землею и листьями икону, на коей были изображены два святыхъ лица. Когда онъ недоумѣвалъ, чьи это были изображенія, то какой-то мимо шедшій человѣкъ произнесъ громко: Козма и Даміанъ! и собрался. Икона эта съ тѣхъ поръ стояла на источникѣ и была предметомъ всеобщаго уваженія; но въ послѣдствіи, по несчаст-

нымъ для христіанъ обстоятельствамъ края, дѣвалась неизвѣстно куда.

Оба сіи преданія очевидно не противорѣчатъ вышеизложенному преданію, а скорѣе могутъ почитаться за его продолженіе,—то есть, что такимъ необычайнымъ двукратнымъ указаніямъ свыше обновляема была на пользу страждущихъ память о св. источникѣ и его чудодѣйственной силѣ, приходившихъ въ забвеніе, что, какъ мы выше замѣтили, почти неизбѣжно было, вслѣдствіе опустошенія и разгромовъ, коимъ не разъ подвергался Крымъ.

При послѣднемъ переселеніи грековъ, въ 1779-мъ г., изъ Крыма въ Маріуполь, когда самая скала Успенская, средоточіе тогдашней Готѣской и Кефайской греческой метрополіи, опустѣла и осталась безъ Богослуженія, пустынный источникъ Козмы и Даміана тѣмъ паче долженъ былъ придти въ забвеніе. Тутъ провозвѣстникомъ о немъ для новыхъ населенцевъ явился одинъ девяностолѣтній старецъ изъ селенія Мангушъ. «Явясъ къ отцу моему, который, по переселеніи изъ Бахчисарая грековъ, началъ собою новый рядъ священниковъ Бахчисарайскихъ (такъ пишетъ, тоже едва не девяностолѣтній въ настоящее время, старецъ, Бахчисарайскій протоіерей Спиранди), — онъ рассказалъ объ источникѣ и просилъ обратить на него вниманіе; вслѣдствіе чего отецъ мой, взявъ меня и учителя моего, отправился къ источнику, для совершенія молебствія и водосвятія. Когда начали разчищать мѣсто надъ нимъ, чтобы поставить икону и положить Евангеліе, то нашли въ землѣ мраморную доску въ $\frac{3}{4}$ аршина длины и въ поларшина ширины. На этой доскѣ было изображено два лика—св. Козмы и Даміана, съ означеніемъ вверху именъ ихъ. Подъ ликомъ внизу была на доскѣ греческая надпись, строкъ въ десять и болѣе, которую они читали, но я, по малолѣтству, не понималъ ея смысла. Доска эта сохранялась до 1795 г., а потомъ куда дѣвалась не знаю».

«Въ малолѣтствѣ (продолжаетъ тотъ-же старецъ), я слыхалъ, что тамъ, на противоположной сторонѣ источника стояла церковь деревянная, во имя свв. Козмы и Даміана, но жилъ-ли тамъ кто,—не знаю не слыхалъ».

Безъ сомнѣнія жилъ кто-либо, когда была церковь. Кромѣ сего, въ этомъ только мѣстѣ находятъ доселѣ де-

рева яблоневыя, грушевыя и красная смородина, коихъ нѣтъ во всемъ прочемъ лѣсу, что указываетъ на присутствіе тутъ нѣкогда жильцевъ, и безъ сомнѣнія не мірскихъ людей, для коихъ тамъ нѣтъ ни малѣйшаго удобства къ жительству, а иноковъ—подвижниковъ, кои, ради Христа обрели себя на рѣшительное удаленіе отъ общества человеческого и перенесеніе всѣхъ трудностей и лишеній.

Теперь послушаемъ сказаній о семь источникѣхъ изъ устъ татаръ. Начнемъ съ цѣлебной силы воды.

1) Одинъ извѣстный между татарами своею честностію чабанъ (пастухъ), пасшій стада овецъ у подошвы Синобдага, отъ неосторожности упалъ со скалы и переломилъ себѣ ногу. Въ горькомъ положеніи своемъ, побуждаемый внутреннимъ голосомъ, онъ, съ необыкновеннымъ трудомъ и усиліемъ, но доползъ до источника свв. Козмы и Даміана и началъ водою изъ него мочить свою поврежденную ногу, и тотчасъ почувствовалъ облегченіе, а когда засимъ погрузился въ него всѣмъ тѣломъ, то сдѣлался здоровъ по прежнему. Такое внезапное исцѣленіе заставило его до конца жизни благоговѣть къ сему источнику и провозглашать всѣмъ и вездѣ о его цѣлебной силѣ.

2) Подобнымъ образомъ другой чабанъ, пасшій на горахъ овецъ, отъ сильнаго вѣтра и сырой погоды вдругъ лишился зрѣнія; но когда былъ приведенъ къ источнику Козмы и Даміана и умылся въ немъ, то немедленно прозрѣлъ.

3) Одна татарка съ южнаго берега, ревнивымъ мужемъ своимъ подозрѣваемая въ невѣрности, была заведена имъ на вершину Яйлы, ослѣплена и брошена на произволъ судьбы. Въ безпомощномъ положеніи своемъ, несчастная, обратилась съ молитвою къ Богу. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ постѣ и молитвѣ, къ ней пришли два неизвѣстныхъ странника, и послѣ бесѣды съ нею одинъ изъ нихъ сказалъ: „Ступай прямо съ горы внизъ и придеши къ источнику, умойся въ немъ и будешь здорова“.—Исполняя совѣтъ незнакомца, татарка оцупью добралась до источника Козмы и Даміана, умылась изъ него и прозрѣла. Возвратившись домой, чрезъ горы, къ своему мужу, она повѣдала ему о случившемся въ нею и этимъ чудомъ увѣрила его въ своей невинности. Съ тѣхъ поръ до конца жиз-

ни, они оба приходили на богомолье къ источнику ежегодно и погружались въ немъ.

4) Другой татаркѣ, страдающей сильною болѣзнію ногъ, присовѣтовали собрать извѣстныхъ цѣлительныхъ травъ въ лѣсу на горахъ и изъ нихъ сдѣлать врачество. Татарка, несмотря на свое жалкое положеніе, отправилась на костыляхъ въ горы, и собирая травы съ величайшимъ трудомъ добрела до того мѣста, гдѣ источникъ Козмы и Даміана. Здѣсь какой-то тайный голосъ внушилъ ей искупаться въ немъ. Когда это было сдѣлано, то больная почувствовала себя совершенно здоровою и, бросивъ свои костыли и собранныя травы, бодро и съ радостію возвратилась домой; послѣ чего въ благодарномъ чувствѣ дала обѣтъ (и исполнила) до конца жизни ходить къ сему источнику.

Кромѣ сего, у татаръ много и другихъ подобныхъ разсказовъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ отъ воды Козмодамианскаго источника. Вблизи его,—пишетъ одинъ мѣстный наблюдатель,—нѣтъ ни одной татарской деревни, въ коей не было бы человѣка обязаннаго ему своимъ здоровьемъ, чѣмъ самымъ и поддерживается у всѣхъ глубокое уваженіе къ нему.

Что касается до происхожденія цѣлебной силы сего источника, то магометанское чувство не разъ усиливалось омусульманить его по своему, выдавая оную за слѣдствіе молитвъ и пребыванія на семъ мѣстѣ одного изъ набожныхъ дервишей; но истина здѣсь со всѣхъ сторонъ такъ рѣшительно стоитъ противъ сего предположенія, что оно въ умѣ самыхъ ревностныхъ къ Алкорану татаръ, никакъ не могло пустить корня, и всеобщее господствующее между ними мнѣніе до сихъ поръ остается то, что это источникъ христіанскій, что тутъ невидимо обитаютъ святыя христіане: Козма и Даміанъ, которые такъ добры, что помогаютъ въ нуждѣ и притекающимъ къ нимъ правовѣрнымъ мусульманамъ.

Съ полною достовѣрностію также можно сказать, что татары, въ уваженіе къ источнику, слѣдуютъ изстари примѣру своихъ предковъ христіанъ; ибо, кромѣ историческихъ указаній, татарское населеніе по горамъ Крымскимъ, самымъ видомъ своимъ уже показываетъ всякому, что оно—не магометанскаго, а греческаго и италіанскаго происхожде-

нія, и увлечено въ магометанство несчастными для христіанъ таврическихъ обстоятельствами протевшихъ вѣковъ.

Съ 16-го марта настоящаго года, урочище съ источникомъ св. Козмы и Даміана, по Высочайшей волѣ, поступило въ духовное вѣдомство, для того, чтобы на немъ, когда найдутся средства, устроена была монашеская киновія во имя сихъ святыхъ врачей-безсребренниковъ, съ учрежденіемъ въ ней пустынножительства, по чину св. горы Аѳонской. Вслѣдствіе сего, епархіальнымъ начальствомъ предложено на горной площадкѣ, отдѣляющей источникъ отъ рѣчки Алмы, выстроить во имя св. Козмы и Даміана небольшую церковь съ келіями для жительства семи старцевъ, а надъ самимъ источникомъ часовню съ двумя при ней купальнями, одною—для христіанъ, другою—для мусульманъ, и съ раздѣленіемъ обоихъ на два отдѣленія: мужеское и женское.

Главную часть издержекъ на это принялъ на себя, по усердію къ святому мѣсту, извѣстный готовностію на все общепольное, симферопольскій купецъ Иванъ Санютинъ, которому сей источникъ оказалъ въ его недугѣ великую пользу *).

---

*) Въ дополненіе къ этой статьѣ Иннокентія 1851 года приведемъ здѣсь то, что говорилъ онъ объ „источникѣ Козмы и Даміана“ въ 1855 г.—въ своемъ словѣ, сказанномъ въ Симферопольскомъ Александро-Невскомъ соборѣ 1-го іюля сего года. „Нынѣ день памяти свв. безсребренниковъ Козмы и Даміана, издревле почитаемый отъ всея церкви православной, но тѣмъ паче имѣющій право на особенное уваженіе въ странѣ Таврической. Ибо древнее преданіе сказуетъ, что сіи врачи-чудотворцы посѣтили нѣкогда и озарили чудесами своими и здѣшній полуостровъ, будучи сосланы сюда въ заточеніе отъ кесаря Римскаго. И среди горъ вашихъ есть доселѣ цѣлебный источникъ, носящій имя свв. Козмы и Даміана, который изведенъ изъ земли, по свидѣтельству того же преданія, ихъ молитвами. Памятуя сіе, мы не смотря на трудность нынѣшнихъ обстоятельствъ и неудобства пути, посѣтили вчера это священное мѣсто, и снова воздали тамъ хвалу Тому, чья всемогущая десница преукрасила его такъ дивно. Ибо, надобно знать, братіе мои, что это одно изъ самыхъ пустынныхъ и величественныхъ мѣстъ между вашими горами, кои вообще столь богаты живописными мѣстоположеніями. Вообразите сошедшимися три изъ самыхъ высокихъ горъ и образовавшими среди себя грозное ущеліе; вооб-

III.

Новооткрытый Успенскій Бахчисарайскій скитъ *).

Скитъ сей находится невдалекѣ отъ верхняго конца Бахчисарая, вправо отъ урочища, называемаго Салачигъ, въ глубокомъ оврагѣ, обрамленномъ съ обоихъ сторонъ отвѣсными скалами, вышиною отъ протекающаго въ срединѣ его ручья саженъ до 70-ти. Мѣстность скита, по всей справедливости, можно назвать одною изъ самыхъ угрюмыхъ; по сказанію очевидцевъ, она похожа на мѣстность обители св. Саввы, что близъ Іерусалима, славящуюся, какъ извѣстно, своимъ пустынно-дикимъ видомъ. Остатки разнообразной растительности, особенно по лѣвой сторонѣ оврага, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что здѣсь росъ нѣкогда

разите ихъ покрытыми отъ подошвы до вершины разными древами и зеленью съ обнаженнымъ, какъ у престарѣлаго человѣка, темемъ; вообразите, что изъ главнаго между сими горами ущелія, также покрытаго лѣсомъ и пресѣченнаго малыми утесами, стремится съ ревомъ потокъ Алмы, а о страну его, за малымъ утесомъ, изъ бока горы бьетъ огромный ключъ, и вскорѣ соединяется съ симъ потокомъ: этотъ ключъ—источникъ св. Козмы и Даміана.— Не смотря на великую степень холода воды въ немъ, которую можно назвать холоднымъ кипяткомъ, приходящіе туда богомольцы съ благоговѣніемъ пьютъ (въ возможно большемъ количествѣ, ибо она крайне вкусна) эту воду, и погружаются въ нее для купанья. Сильный холодъ объемлетъ при семъ человѣка, и, кажется, проходитъ до костей и самыхъ мозговъ. Но среди сего-то, по видимому, небезопаснаго дѣйствія воды, и подается многимъ недужнымъ исцѣленіе; почему самый источникъ на языкѣ здѣшнихъ татаръ именуется не иначе, какъ „водою здравія“. Ибо къ нему притекаютъ не одни христіане, но и поклонники Магомета, прославляя за то имя свв. Козмы и Даміана. Безмолвно и пустынно было это мѣсто, когда посѣтилъ я его за шесть лѣтъ предъ симъ (т. е. въ 1849 году)... Святость воспоминаній, благодѣтельное свойство источ-

*) Напечатано въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1852 г.—№№ 15, 16, 17 и 18—отъ 20, 23, 27 февраля и отъ 1-го марта. Вседальнѣйшія подстрочныя примѣчанія принадлежатъ самому Иннокентію.

густой лѣсъ, коего въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій не могла истребить совершенно самая близость столицы Ханской. Въ послѣдніе вѣка здѣсь, у подошвы св. скалы, не малое время существовало цѣлое поселеніе греческое, которое отъ находившейся въ скалѣ явленной иконы Богоматери называлось Маріаполемъ, или селомъ Марьинымъ. Объ этомъ селѣ упоминается еще въ извѣстной книгѣ Большаго Чержежа *), слѣдовательно не позднѣе ХVІ в.; а въ путевыхъ запискахъ, веденныхъ при посольствѣ нашемъ въ Тавриду въ 1625 г., между прочимъ говорится, что послы наши, по окончаніи своихъ дѣлъ у Хана, предъ возвратомъ въ отечество, служили въ селѣ Марьиномъ, то есть, въ Успенской скалѣ, благодарный молебенъ **).

Все значеніе и важность этого мѣста, вслѣдствіе коихъ, не смотря на всю превратность временъ и обстоятельствъ, оно въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ оставалось въ особенномъ уваженіи не только у православныхъ христіанъ крымскихъ, но и самыхъ татаръ, состоитъ въ томъ, что здѣсь на скалѣ, чудесно явилась нѣкогда икона Богоматери, украшавшая собою нещерную церковь до самаго пе-

---

ника, величественность мѣстоположенія тотчасъ возбудили во мнѣ особенное вниманіе и благоговѣніе къ сему необыкновенному мѣсту. Если гдѣ,—думалъ я,—то въ подобныхъ ущеліяхъ горъ мѣсто обителямъ иноческимъ; и предположила, если угодно будетъ Богу, устроить киновію во имя свв. безсребренниковъ Козмы и Даміана. Святѣйшій Синодъ не замедлилъ преподать благословеніе на сію мысль; а Благочестивѣйшій Государь не только запечатлѣлъ наше предположеніе своимъ державнымъ словомъ, но и удостоилъ знать всѣ преданія, соединенныя съ симъ мѣстомъ ¹⁾). Оставалось пріискать вещественныя средства къ благоустроенію св. мѣста; и, можетъ быть, мы долго не возмogli бы ихъ найти, если бы сами Безсребренники не позаботились о томъ. Туне пріявшіе даръ исцѣленій, они туне и подали его одному изъ вашихъ здѣшнихъ согражданъ отъ болѣзни, казавшейся неизлѣчимою. Но сей рабъ Божій (я могу назвать его симъ именемъ и не за это одно благое дѣло) уподобился тому, исцѣленному отъ прокаженія, самарянину, который, видѣвъ, яко исцѣле, возвратился, со гласомъ веліимъ славя Бога (Луки 17, 15). Въ благодарность св. угодникамъ, исцѣленный положилъ на своемъ сердцѣ отъ собственныхъ избытковъ устроить малую церковь надъ источникомъ—съ двумя купальнями,

*) Стран. 31. Москва 1846 г.

**) „Записки Одесск. Общества древностей“—томъ II, отдѣл. 2 и 3-е, стран. 641. Одесса 1850 г.

¹⁾ Вотъ и причины, почему Иннокентій тщательно собралъ преданія объ этомъ „источникѣ“ заключающіяся въ предыдущей статьѣ его...

переселенія (то есть—до 1779 г.) обитавшихъ подъ скалою грековъ въ нынѣшней Мариуполь.

Когда и какъ произошло это явленіе св. иконы, послужившее началомъ знаменитости скалы Успенской? — Письменныхъ историческихъ свидѣтельствъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ доселѣ никакихъ *).

а вблизи его—нѣсколько келій, какъ для жительства иночествующихъ, такъ и для успокоенія приходящихъ къ источнику. Последнее, т. е. пристанище для богомольцевъ нашелъ я уже воздвигнутымъ теперь. Уповаемъ, что вскорѣ не замедлитъ совершиться и первое, такъ что впоследствии, если дастъ Господь, будемъ имѣть утѣшеніе совершить надъ цѣльбоноснымъ источникомъ и святую литургію ¹⁾.—Съ намѣреніемъ повѣствую предъ вами пространно о семъ источникѣ. Ибо мнѣ хочется возбудить къ нему ваше вниманіе и познакомить васъ съ собственнымъ вашимъ сокровищемъ.—А все это нужно: ибо многіе знаютъ подробно едва не всѣ ушелія горъ, а доселѣ находятся въ неизвѣстности о мѣстѣ святаго и многоцѣлебнаго источника. Многіе ежегодно посѣщаютъ, какъ-бы по обѣту, языческія и іудейскія разныя мѣста страны вашей; а ни разу не думали увидѣть то мѣсто, которое освящено пребываніемъ столь великихъ угодниковъ Христовыхъ, каковы свв. Козма и Даміанъ, и не только освящено, но и предоставлено благодарственному вниманію и употребленію всѣхъ родовъ грядущихъ, чрезъ изведеніе на немъ цѣлебнаго источника.—Не подобаешь тако быти (Іак. 3, 10), возлюбленные,—скажемъ и мы съ апостоломъ. Не воспрещаемъ быть внимательными ко всему, что носитъ слѣды особенной древности, языческое ли-то, іудейское, или магометанское; но первое наше вниманіе принадлежитъ древностямъ христіанскимъ: ибо мы христіане. Соблюденіе сего правила нужно и вездѣ, тѣмъ паче у васъ, коихъ страна такъ богата священными древностями; ибо въ сей странѣ христіанство возникло съ первыхъ временъ его; здѣсь-же потѣмъ, въ Херсонесѣ, была самая колыбель русскаго православія. Есть что видѣть христіанину и чѣмъ заняться не только съ любопытствомъ, но и съ благоговѣніемъ. Между тѣмъ, нельзя не сказать, къ глубокому прискорбію, что священныя древности находятся у васъ въ самомъ незавидномъ положеніи. Я разумѣю не то, что онѣ всѣ въ развалинахъ; въ этомъ виновны не вы, а время и судьба края, подлежавшаго столь многимъ и разрушительнымъ переворотамъ. Но, вотъ что можно поставить и вамъ въ вину! Столько прошло времени отъ водворенія мира и порядка на полуостровѣ, чрезъ поступленіе его подъ благословенную державу Россійскую; и никто не подумалъ доселѣ о сихъ священныхъ развалинахъ,—о томъ, чтобы, если не возградить ихъ, то спасти отъ конечнаго

*) Поелику Крымская православная іерархія, до покоренія Россією Крыма, зависѣла отъ патріархіи Константинопольской, то въ архивѣ послѣдней могутъ найти свѣдѣнія какъ о семъ, такъ и о прочихъ предметахъ Крымской ерархіи, къ чему принимаются надлежащія мѣры.

---

¹⁾ Этотъ почтенный благотворитель былъ, конечно, тотъ Симферопольскій купецъ Иванъ Санютинъ, о которомъ Иннокентій упомянулъ въ концѣ своей предыдущей статьи.

И кому было излагать ихъ на бумагѣ, среди постояннаго угнетенія, въ коемъ, особенно со времени владычества татаръ, находились православные христіане въ Тавридѣ? За то древнее преданіе, коему по самой важности событія, имъ повѣствуемаго, трудно было придти въ забвеніе у мѣстныхъ жителей, излагаетъ намъ предметъ сей въ весьма удовлетворительной полнотѣ.

разрушенія, а паче всего—отъ посрамленія предъ иновѣрцами. Ибо, сказать-ли вамъ, въ какомъ состояніи нашель я самыя первыя священныя мѣста ваши? Останки, напримѣръ, церкви, гдѣ по всей вѣроятности, совершилось крещеніе св. Владимира,—то событіе, съ коего началось и пошло просвѣщеніе св. вѣрою по всей земли русской,—ничѣмъ неогражденные, предоставлены были попросту безсловесныхъ животныхъ, кои истребляли тамъ послѣдній знакъ, прикрывавшій собою наготу колыбели православной! — Священныя пещеры Инкерманскія, гдѣ подвизались въ заточеніи свв. Климентъ и Мартинъ исповѣдники, и гдѣ доселѣ находятся мѣста двухъ малыхъ храмовъ, употреблялись на пристанище среди зноя для стада овецъ и другихъ животныхъ! Такъ-ли должны поступать христіане? Симъ-ли выразимъ нашу просвѣщенную любознательность и вкусъ къ древностямъ? И что думаютъ о насъ иноплеменики и иновѣрцы, населяющіе въ такомъ множествѣ нашъ полуостровъ? А между тѣмъ,—еще повторю, мы-же, подобно малымъ дѣтямъ, стремимся съ такимъ любопытствомъ къ самымъ малымъ слѣдамъ у насъ древняго язычества или іудейства!...—Благодареніе Богу, вложившему въ наше сердце жалость и желаніе—сохранить и возградить священныя древности страны вашей! Дѣло, какъ сами знаете, начато, и, при помощи Божіей, идетъ хотя медленно (ибо какъ иначе?), но не безъ успѣха. Дайте-же намъ руку и соединитесь съ нами въ семъ, не безтрудномъ для насъ, подвигѣ. Почтите дружелюбнымъ вниманіемъ и совершаемое, и совершающихъ. Ибо, трудность дѣла—въ изобрѣтеніи не однихъ средствъ къ дѣйствию, а и—лицъ дѣйствующихъ! Гдѣ взять подобныхъ дѣлателей? Кто пойдетъ къ намъ, въ отдаленную страну и на голые, такъ сказать, камни? И пришедшій—долго-ли потрудится, не возвратясь вспять, когда еще отъ васъ будетъ срѣтаться холодность и равнодушіе?—Ужасный пожаръ ожесточенной брани истребилъ уже не мало изъ того, что въ семъ отношеніи было сдѣлано нами,—и, вѣроятно, прострется еще далѣе; святое предпріятіе затруднится посему для насъ еще болѣе: но мы, доколѣ живы, не отстаемъ отъ своего дѣла. Не ослабѣвайте и вы въ вашемъ сочувствіи и усердіи. Можетъ быть, самый этотъ огонь брани явился за нашу прежнюю холодность къ нашей святынѣ. А когда Господь увидитъ, что мы перемѣнились, и что въ насъ достаточно пробудилась ревность по вѣрѣ и по всему, что къ ней относится; то пресѣчетъ невидимо этотъ пламень (Псал. 28, 7), положитъ конецъ разрушенію; и къ намъ паки возвратятся дни мира и благоденствія, чего всеусердно желаемъ отъ Господа вамъ и всей странѣ вашей.—Аминь“. ¹⁾

¹⁾ См. „Сочиненія Иннокентія“—Общедоступное изданіе Вольфа—т. II,—стр. 304—309.—Косьмо-Даміановская киновія—въ Симферопольскомъ уѣздѣ, близъ Чатырь-Джага.—Мы слышали, что она обращена теперь въ женскій монастырь.

Въ давно-минувшія времена (такъ говоритъ народное преданіе), когда Крымъ находился еще въ состояніи, близкомъ къ первобытной его дикости, и когда татарь и Бахчисарая еще не было,—оврагъ и скала, гдѣ находится нынѣшній Успенскій скитъ, покрыты были, подобно прочимъ предгоріямъ Таврическаго хребта, густымъ лѣсомъ, принадлежавшимъ со всею окрестностію одному изъ тогдашнихъ греческихъ деспотовъ, кои, какъ извѣстно, до нашествія татарь, и даже нѣкоторое время послѣ того, владѣли разнымъ мѣстамъ среди горъ Таврическихъ незначительными участками земли, съ правомъ самостоятельныхъ и независимыхъ хозяевъ. Пастухъ сего князька, по имени Михаила, загналъ однажды для паствы стадо свое въ нынѣшній Успенскій оврагъ, и увидѣлъ здѣсь на скалѣ, саженьяхъ въ 10-ти отъ земли, икону Богоматери со свѣщею предъ нею. Пораженный чудеснымъ видѣніемъ, онъ тотчасъ далъ знать о томъ своимъ начальникамъ; и когда дошла о семъ вѣсть до самаго князя, то, по его приказанію новоявленная иконная, снята была съ высоты и перенесена въ его домъ, находившійся въ окрестныхъ горахъ. Не смотря на благоговѣніе, съ коимъ принята была св. икона хозяиномъ дома, на другой день ея не нашлось въ домѣ княжескомъ: Она опять стояла на прежнемъ мѣстѣ на скалѣ! Тоже самое повторилось въ другой разъ, когда, не смотря на прежній опытъ, вздумали опять снять икону со скалы. Тогда невольно уже всѣ поняли и увидѣли, что Богоматери не угодно, дабы св. ликъ Ея находился въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, кромѣ той самой скалы, гдѣ онъ явился. Не медля рѣшились устроить малый храмъ въ самой скалѣ, противъ того именно мѣста, которое ознаменовано было чудеснымъ явленіемъ св. иконы; и для сего изсѣкли внутри скалы пещеру, а снаружи лѣстницу къ ней, и въ сей пещерѣ вмѣстѣ съ храмомъ помѣстили и новоявленную икону.—Другое преданіе *) присовокупляетъ къ сему, что явленіе св. иконы сопровождалось, кромѣ вышесказанныхъ знаменій, еще чудомъ пораженія змѣя, который, живя въ оврагѣ, былъ грозою и бѣдою для всей окрестности. По явленіи св. иконы, змѣй сей найденъ былъ у подошвы скалы, пря-

---

*) См. Скиѣск. Истор. Лызнова, часть 3, кн. 4, стр. 4.

мо предъ иконою, мертвымъ и разсѣдшимся на части. По-елику явленіе иконы произошло 15 го августа, то и новый храмъ посвященъ Успенію Богоматери. По соображенію упоминаемыхъ въ народномъ преданіи обстоятельство, какъ-то: совершенной дикости мѣста, существованія греческихъ князей, не упоминанія о татарахъ, усердія къ св. иконѣ Генуезцевъ и проч., должно полагать, что событіе сіе произошло еще до нашествія въ Крымъ монголовъ, когда процвѣтали тамъ колоніи Генуезскія и держались еще остатки греческаго владычества, то-есть — не менѣе, какъ вѣковъ за шесть.

Необыкновенность явленія св. иконы и чудеса, его сопровождавшія, естественно должны были обратить на Успенскую скалу вниманіе православныхъ жителей всего Крыма: и еслибы не иго татарское, а потомъ близость къ сему мѣсту столицы ханской—Бахчисарая,—то Успенская скала, подобно прочимъ св. мѣстамъ, не замедлила-бы возрасти въ мѣру благоустроенной и величественной лавры. Но Провидѣнію Божію, по недовѣдомымъ судьбамъ Его, угодно было допустить, чтобы вблизи этого самаго мѣста, которое такъ дивно ознаменовано было явленіемъ силы Божіей,—вмѣстѣ со столицею ханскою—Бахчисараемъ утвердилось на долго владычество плотоугоднаго исламизма. Можно представить себѣ, какою рѣзкою противоположность составила изъ себя смиренная скала Успенская, съ ея чудотворнымъ образомъ, гордымъ и не терпящимъ никакихъ образовъ минаретамъ столицы ханской!!!. При всей однако-же неблагоприятности внѣшнихъ обстоятельствъ, чудодѣйственная сила святыни христіанской произвела то, что св. скала съ храмомъ не только сохранила свое существованіе, но при подножіи ея, съ продолженіемъ времени, образовалось, какъ мы видѣли, цѣлое поселеніе греческое, подъ именемъ села Марына, а подъ конецъ татарскаго владычества въ Крыму, послѣ разныхъ переходовъ съ мѣста своего жительства, въ сей-же скалѣ нашла себѣ пристанище православная іерархія Крымская; ибо отсюда именно вышелъ съ соплеменниками своими въ нынѣшній Маріуполь послѣдній православный митрополитъ Крымскій Игнатій, носившій въ послѣднія времена титулъ Готѣскаго и Кефайскаго.

Самые ханы, вопреки мусульманскому фанатизму, не-

рѣдко бывали покровителями сего св. мѣста. Вотъ какъ древнее преданіе изъясняетъ эту неожиданную благорасположенность: „Нѣкогда-же и ханъ Крымскій, именемъ Ачигирей, воюючи противъ супостатовъ своихъ, просилъ помощи отъ Пресвятой Богородицы, обѣщая ей знаменитое приношеніе и честь образу ея воздати, и тако творяше: егда бо откуда съ корыстію и побѣдою возвращашеся, тогда избравъ коня или двухъ, елико наилучшихъ, продаваше, и накупивши воску и свѣчь содѣлавши, поставляше тамо чрезъ цѣлый годъ, еже и наслѣдники его, Крымскіе ханы, многожды творяху“ *).

Выходъ изъ Крыма въ 1777 г. грековъ былъ для скалы Успенской временемъ самымъ критическимъ; ибо кромѣ того, что она лишилась тогда всего, что въ ней было, и всего, что при ней жило, сама она оставлена была на произволь всѣхъ и cadaго. Отъ неудовольствія татаръ противъ ушедшихъ изъ Крыма грековъ можно было ожидать при семъ случаѣ даже того, что они изгладятъ самыя слѣды ихъ пребыванія въ скалѣ Успенской и разрушатъ храмъ: между тѣмъ вышло противное. Татары не оказали никакой ненависти противъ св. мѣста; самъ ханъ немедля озаботился даже приисканіемъ для него священника, что, по тогдашнимъ смутнымъ обстоятельствамъ, и еще болѣе по крайней-мѣ недостатку священниковъ, и для него было дѣломъ не легкимъ. Услышавъ, что на южный берегъ Крыма — въ Кучукъ-Мампадъ приплылъ на кораблѣ одинъ греческій священникъ изъ Анатолиі (такъ рассказываетъ сынъ сего священника, тогда десятилѣтній отрокъ, нынѣ восьмидесятилѣтній старецъ, Бахчисарайскій протоіерей Спиранди),— ханъ тотчасъ послалъ приказъ пригласить его къ себѣ въ Бахчисарай. Здѣсь, успокоивъ его на счетъ его положенія въ Крыму и всячески обласкавъ, ханъ велѣлъ ему жить и служить въ скалѣ Успенской, исправляя духовныя требы для грековъ, кои, хотя въ небольшомъ числѣ, но оставались какъ въ Бахчисараѣ, такъ и его окрестностяхъ **).

*) Скиѣск. Истор.—Лызлова, ч. 2, кн. 4. стр. Изд. 2 Москва.

**) Когда священникъ явился предъ ханомъ, то сей сказалъ ему: Богъ мнѣ послалъ тебя и я тебя не отпущу; потомъ велѣлъ стеречь его, чтобъ не ушелъ, обѣщалъ положить жалованье, и подарилъ ему земли не только села Марына, но и Мангушскія.

Положеніе въ коемъ мы нашли скалу Успенскую (продолжаетъ тотъ-же повѣствователь), было самое плачевное. Единоплеменники наши (греки), оставляя навсегда мѣсто своего жительства, естественно старались унести съ собою все, что только могли; и первѣе всего взята была ими съ собою, на благословеніе новому мѣсту ихъ жительства, чудотворная икона Богоматери: въ скалѣ осталось одно то, чего нельзя было взять, то есть, пещерный, малый и обнаженный отъ всего храмъ и мѣсто дивнаго явленія иконы, съ живописнымъ на немъ изображеніемъ Пресв. Дѣвы; да три малыя, въ той-же скалѣ изсѣченныя, келліи; да разсѣянныя по мѣстамъ надъ скалою могилы, большею частію со вросшими въ землю надгробными камнями. Поелику ни утвари церковной, ни богослужебныхъ книгъ, ни самаго иконостаса въ церкви не было, то намъ надобно было промышлять обо всемъ снова; а какъ промышлять, когда православное населеніе, багъ-бы какимъ чудомъ, вдругъ исчезло, и небольшая часть оставшихся грековъ*), живя въ непрестанномъ страхѣ, старались непоказывать себя, а быть сколько можно въ непримѣтности? И къ счастью, у отца моего было нѣсколько самыхъ нужныхъ церковныхъ вещей, вывезенныхъ имъ изъ Анатоліи, и даже св. Антиминсъ. Употребивъ ихъ, можно было начать въ скалѣ Богослуженіе, на оставшемся въ храмѣ маломъ каменномъ престолѣ.

Къ большому нашему горю, видимо клонящееся къ паденію Ханство Крымское и быстрые успѣхи русскаго оружія неволью располагали буйныхъ и непослушныхъ собственному правительству татаръ къ подозрительности и враждѣ противу всего христіанскаго. Въ одномъ изъ скопищъ мусульманскихъ фанатиковъ положено было истребить оставшихся въ Крыму, особенно среди Бахчисарая, грековъ, и первѣе всего бѣднаго отца моего, который, занявъ мѣсто священника въ самомъ главномъ святилищѣ Крымскаго христіанства, казался для восторженныхъ фанатиковъ новымъ вождемъ и одушевителемъ греческой партіи, почитавшейся и не безъ причины, приверженною къ Россіи. Предувѣдомленный о семъ отъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ татаръ, отецъ

---

*) Съ начала ихъ было не болѣе 5 человѣкъ, къ коимъ, по недостатку своего священника, присоединилось 4 армянина.

мой долженъ былъ спасать жизнь свою бѣгствомъ, и тайно проживалъ нѣсколько времени у одного изъ грековъ, въ виноградникѣ—подъ землею, доколѣ не была рѣшена судьба Крыма и Бахчисарай не былъ занятъ войсками россійскими. Съ тѣхъ поръ возсіялъ намъ свѣтъ Христовъ, и мы съ отцемъ, возвратившись въ скалу, начали служить въ ней и молиться Господу Богу невозбранно, благодаря отъ всей души Его всемогущую десницу, укрѣпившую оружіе православнаго воинства на одолѣніе темнаго владычества мусульманъ, которое не умѣло дѣлать добра ни другимъ, ни самому себѣ, существуя только на пагубу челоуѣчества.

Поелику съ присоединеніемъ Крыма къ Россіи въ Бахчисараѣ и вооругъ его опять начали селиться греки, а церкви для нихъ во всемъ городѣ не было*),—то Успенская скала сдѣлалась для нихъ вмѣсто приходскаго храма. Тѣмъ же самымъ служила она и для россійскихъ полковъ, кои въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ стояли лагерями въ окрестностяхъ Бахчисарая. Такимъ образомъ, и греки, и русскіе содѣйствовали къ возстановленію въ скалѣ полного и приличнаго богослуженія. Бахчисарайскій комендантъ, полковникъ Тотовичъ (изъ сербовъ) принесъ ей въ даръ св. иконостасъ, а военный губернаторъ, генералъ Каховскій—сдѣлалъ для него на свой счетъ царскія двери; староста, провинціальныи секретарь Стефанъ Калига, раздѣлалъ, хотя не очень искусною рукою, самый храмъ пещерный почти вдвое противъ прежняго; расширилъ ведущую къ нему лѣстницу, и подѣлалъ крыльца и балконы предъ церковію.

Въ послѣдствіи усердіемъ трапезундскаго выходца, Симферопольскаго купца Евстафія Савоцуло (съ 1387 г.) проведень къ скалѣ, отъ одного вверхъ по оврагу источника, подземный водопроводъ, и устроенъ надъ нею фонтанъ чистой и вкусной воды для богомольцевъ.

Между тѣмъ, съ 1789 г., когда въ самомъ Бахчисараѣ устроенъ небольшой молитвенный домъ во имя святи-теля Николая, а особенно съ окончаніемъ, въ 1800 году, нынѣшней Соборной церкви Бахчисарайской, значеніе Успен-

---

*) Предъ самымъ выходомъ грековъ изъ Крыма, ветхая церковь греческая въ Бахчисараѣ упала, какъ бы просвѣщая симъ ихъ отшествіе.

свой скалы весьма измѣнилось: русскія войска вышли, а для грековъ она перестала служить приходскимъ храмомъ; священно-служители ея, перешедъ на жительство въ Бахчисарай, не могли уже совершать въ ней ежедневнаго служенія; даже вся главная утварь ея и ризница, перенесены въ новый Соборный храмъ: скалѣ по сему предстояло снова запустѣніе. Такъ какъ при ней изстари погребали умершихъ, то, дабы спасти ее отъ сего запустѣнія, Епархіальное начальство положило обратить ее въ кладбищенскую церковь, подъ завѣдываніемъ Бахчисарайскаго соборнаго причта.

Въ такомъ видѣ селá, уже не Марьяна и Богородичнаго, а скудельнича (Матѣ. XXVI ч. 7), Успенская скала оставалась въ продолженіе почти полувѣка, безъ самостоятельности церковной и безъ собственныхъ священно-служителей, никѣмъ не обитаемая и не блюдомая, кромѣ одного наемнаго стража. Но благодать Господа и покровъ Богоматери, избравшей ее вмѣсто явленія иконы своея, не оставляли ее и въ это печальное для нея время, знаменуя невидимое присутствіе свое чудодѣйственною силою надъ болящими, кои, по древней памяти и вѣрѣ, прибѣгали къ сему святому мѣсту за помощію. Изъ множества таковыхъ случаевъ, кои всѣ совершились предъ глазами еще находящагося въ живыхъ, вышеупомянутаго осьмидесятилѣтняго старца, протоіерея Спиранди, довольно упомянуть о двухъ, особенно примѣчательныхъ. У одного грека, анатолійскаго выходца, былъ 16-ти лѣтній сынъ, съ руками и ногами скорченными отъ какого-то тяжкаго и долголѣтняго недуга. Сокрушаясь печалію о страдальческомъ положеніи своего сына и не теряя надежды на милость Божію, отецъ однажды въ сонномъ видѣніи услышалъ голосъ, призывавшій его за полученіемъ исцѣленія въ скалу Успенскую. Здѣсь, по совершеніи утрени, литургіи и молебна Богоматери, съ абаѣстомъ, когда больной приложился къ иконѣ Успенія, то почувствовалъ необыкновенное движеніе во всемъ тѣлѣ; впрочемъ со скалы изъ храма, по прежнему, снесенъ былъ на рукахъ родителей; но потомъ, не болѣе, какъ черезъ часъ, когда они начали выѣзжать отъ скалы домой, больной вдругъ распростеръ свои скорченныя руки и ноги, спрыгнулъ съ повозки, и началъ бѣгать и скакать отъ радости, восклицая, что Матерь Божія исцѣлила его. — Подобнымъ

образомъ, одинъ больной офицеръ изъ Евпаторіи (Анастасій Дуси), страдавшій отъ злаго духа, былъ привезенъ въ скалу, по рукамъ и ногамъ связанный, и въ такомъ видѣ внесенъ въ храмъ пещерный. Здѣсь, по прочтеніи надъ нимъ молитвъ съ заклинаніемъ отъ злыхъ духовъ, когда онъ приложенъ былъ къ образу Богоматери, то немедленно пришелъ въ себя, утишился и началъ бесѣдовать разумно, говоря, что онъ, по благодати Божіей, освободился теперь отъ злаго духа, его мучившаго. Затѣмъ спокойно возвратился въ домъ свой и продолжалъ быть здоровымъ, питая съ тѣхъ поръ во всю жизнь особенное благоговѣніе и усердіе къ мѣсту своего чудеснаго исцѣленія.

Подобныя знаменія чудотворной силы Божіей, приходя во всеобщую извѣстность отъ самыхъ тѣхъ людей, кои испытали ихъ надъ собою, постоянно поддерживали во всемъ православномъ населеніи Крымскомъ душевное уваженіе къ скалѣ Успенской, что выражалось особенно въ день храмоваго праздника Успенія, къ коему ежегодно стекалось множество богомольцевъ со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ званій.

Кромѣ сего, рѣдкій изъ путешественниковъ по Крыму не посѣщалъ сей скалы и ея древняго пещернаго храма. Надписи на стѣнѣ балкона, что предъ церковію, свидѣтельствуютъ, что въ числѣ посѣтителей своихъ св. скала въ разныхъ годахъ имѣла утѣшеніе видѣть самыхъ Вѣнценосцевъ Россіи и едва не всѣхъ членовъ Ихъ Августѣйшаго Дома. При семъ случаѣ нельзя не упомянуть о трогательномъ поступкѣ почившаго въ Бозѣ Императора Александра Благословеннаго. Посѣтивъ храмъ пещерный, онъ спросилъ принимавшаго его протоіерея Спиранди: гдѣ мѣсто явленія св. иконы? И когда старецъ, выведши его изъ храма на балконъ, указалъ подъ кровлею его это мѣсто на стѣнѣ, съ изображеніемъ на немъ образа Богоматери,—то Вѣнценосный Богомолецъ велѣлъ подать себѣ лѣствицу и свѣчу. Зажегши послѣднюю,—Онъ взомель по лѣствицѣ къ самой иконѣ, приложился къ ней съ особеннымъ усердіемъ и собственною рукою прилѣпилъ предъ нею къ каменной стѣнѣ свѣщу.

Наконецъ, по истеченіи почти полу-вѣка съ тѣхъ поръ, какъ скала перестала быть самостоятельною и при-

писана къ Бахчисарайскому собору, въ 1850 году, наступилъ для нея радостный день пакибытія, и она какъ-бы въ награду за долговременное терпѣніе, вдругъ получила болѣе, нежели сколько можно было ожидать. Главнымъ поводомъ къ тому было слѣдующее обстоятельство. Обращая вниманіе на запустѣніе и неприличное для господствующей религіи положеніе древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ Таврическимъ, Епархіальное начальство, въ 1848 году, составило предположеніе о возстановленіи, по крайней мѣрѣ, значительнѣйшихъ изъ сихъ мѣстъ, съ учрежденіемъ въ нихъ иноческаго пустынножительства, по чину и подобію св. горы Аѳонской. Успенская скала, какъ находящаяся въ срединѣ сихъ мѣстъ, по тому самому предназначалась къ помѣщенію въ ней главнаго скита монашескаго, съ правомъ завѣдыванія всѣми прочими, имѣвшими открыться по другимъ мѣстамъ киновіями. Представленное на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода, предположеніе сіе было вполне одобрено имъ и, 15 апрѣля 1850 года, удостоилось Высочайшаго утвержденія. Въ Синодальномъ Указѣ по сему случаю, отъ 4 мая того-же года, изображено: 1) первоначально основать Скитъ на Успенской скалѣ, съ наименованіемъ его Успенскимъ; остальные-же (киновіи) основывать постепенно, по мѣрѣ имѣющихъ отбываться къ тому способовъ. 2) Образъ жизни въ сихъ скитахъ ввести общежительный, по примѣру пустынножительства св. горы Аѳонской, составивъ для сего особенный, примѣнительно къ мѣстности, уставъ. 3) Въ Успенскомъ скитѣ, какъ главномъ мѣстѣ пустынножительства, имѣть настоятеля, усвоивъ ему званіе игумена, или архимандрита, по усмотрѣнію епархіальнаго начальства; по прочимъ-же, которыя предполагается именовать киновіями, быть начальниками старшимъ изъ монашествующихъ, съ подчиненіемъ ихъ первому, для большаго благоустройства. 4) Число монашествующихъ ограничить на первый разъ: въ Успенскомъ скитѣ, кромѣ настоятеля, семью, а въ прочихъ—однимъ іеромонахомъ и двумя или тремя послушниками въ каждомъ. 5) Скиту и киновіямъ содержаться своими трудами и приношеніями богомольцевъ, безъ всякихъ со стороны казны издержекъ.

По силѣ сего Указа, въ 15-й день августа того-же года,

совершенно было, по уставу св. Церкви, при многочисленном стечении народа, открытие скита Успенскаго. Какимъ образомъ происходило это столь-же священное, какъ и умирительное торжество, — желающіе могутъ видѣть изъ помѣщеннаго тогда-же, въ „Одесск. Вѣстникѣ“ (№№ 70, 73 и 74-й) описанія его. Остается рассказать, какъ потомъ начала устроиться новая обитель. Первѣе всего необходимы были для нея люди съ особеннымъ христіанскимъ смиреніемъ и терпѣніемъ, способные къ подвигамъ не только духовнымъ, но и тѣлеснымъ, ибо въ обители нужно было устроить все снова, такъ какъ она вся состояла только изъ пещерной храмины и голыхъ камней. По скудости въ монашествующихъ лицахъ по всему краю Новороссійскому, и при неизвѣстности еще о новомъ учрежденіи по другимъ краямъ Россіи, таковыхъ лицъ надлежало-бы искать долго и съ трудомъ. Но Господь и Пресвятая Матерь Его, Покровительница св. скалы, незамедлили, можно сказать, сами препослать въ нее людей благопотребныхъ. Изъ таковыхъ первымъ явился о. Архимандритъ Поликарпъ, извѣстный своими трудами въ качествѣ начальника и наставника по разнымъ духовнымъ вертоградомъ наукъ, а потомъ своимъ немаловажнымъ и благоуспѣшнымъ служеніемъ при нашей миссіи въ Аѳинахъ. Оставивъ всѣ, подлежащія ему, по возвратѣ въ отечество, поприща и училищныя и служебныя, онъ желаніемъ возжелалъ посвятить себя навсегда, въ видѣ простаго инока, пустынной жизни въ ново открывающемся скитѣ Успенскомъ. Къ нему присоединились вскорѣ: одинъ игуменъ изъ Орловской губерніи, одинъ іеромонахъ изъ Харьковскихъ „Святыхъ Горъ“, одинъ іеродіаконъ изъ Москвы, и три, изъ разныхъ мѣстъ, послушника, всѣ испытанные въ жизни и нравахъ и съ искреннимъ желаніемъ потрудиться для новаго св. мѣста.

Не смотря на малость сего духовнаго стада, трудно было на первый разъ и для него найти на скалѣ пристанище; ибо жилья при ней не было никакого, кромѣ трехъ небольшихъ келлій, изсѣченныхъ въ самой скалѣ пониже церкви, въ коихъ до того времени проживалъ сторожъ. Въ сихъ-то пространныхъ чертогахъ помѣстилась на зиму вся новая обитель, и оставила ихъ не прежде нынѣшней осени, когда окончены новыя келліи подъ скалою, кои всѣмъ

устройствомъ и самимъ видомъ своимъ еще долго будутъ напоминать и свидѣтельствовать о первобытномъ состояніи скалы; ибо устроены не отдѣльно отъ нея, а во впадинахъ и въ язвахъ ея, такъ что скала служитъ для нихъ вмѣсто основной стѣны съ двухъ сторонъ.

Между тѣмъ, главная забота начальства и новыхъ обитателей скалы естественно обращалась на пещерный храмъ, который, какъ кладбищный, принадлежа Бахчисарайскому собору, и потому самому не имѣя ни собственной суммы церковной, ни утвари и ризницы, нуждался во всемъ—отъ потира и облаченій до еиміама и свѣчи. По представленію епархіального начальства, Святѣйшій Синодъ не замедлилъ снабдить новую обитель полнымъ кругомъ Богослужбныхъ книгъ и важнѣйшими изъ твореній св. отцевъ аскетическаго содержанія. По предложенію того-же начальства, необходимое на первый разъ количество утвари церковной и облаченій охотно принесено было въ даръ Новому Свиту тѣми изъ церквей Херсоно-Таврической епархіи, кои имѣютъ въ томъ сами избытокъ. Вслѣдъ за тѣмъ, начали являться и частные благотворители, плодомъ усердія коихъ были два колокола—одинъ въ 58, другой—въ 12 пудовъ, и новый иконостасъ въ пещерную церковь, сдѣлавшійся необходимымъ, потому что прежній, не смотря на невеликую давность его (онъ сдѣланъ въ 1781 году), до того истлѣлъ, что едва могъ держаться на своемъ мѣстѣ. При помощи другихъ благотворителей, въ продолженіе слѣдующей зимы, братія св. скалы успѣла оградить каменною стѣнкою, со рвомъ по мѣстамъ, всю, принадлежащую скалѣ, внизу и вверху ея, землю, на протяженіи около двухъ съ половиною верстъ; раздѣлала, начиная отъ Бахчисарая до самой скалы, въ каменной горѣ дорогу для безбѣднаго проѣзда, устроила для вихода на верхъ скалы лѣстницу по ней для пѣшеходовъ, и приготовила значительное количество матеріала для постройки келлій братскихъ. Въ продолженіе той-же зимы, губернскимъ таврическимъ архитекторомъ, по тщательномъ обзорѣни всей мѣстности, составленъ, по непосредственному указанію епархіального начальства, планъ для всѣхъ будущихъ на скалѣ, построекъ и заведеній, который, по разсмотрѣніи его Святѣйшимъ Синодомъ, вполнѣ одобренъ и возвращенъ къ исполненію. По сему плану

предположено: 1) пещерную церковь оправить и сдѣлать, сколько можно, помѣстительнѣе и удобнѣе для богослуженія, нисколько не измѣняя при томъ ея древняго вида и характера, а снаружи скалы—мѣсто явленія Чудотворной Иконы, прикрытое теперь кровлею балкона, обнаружить совершенно и облагодѣлать, съ устройствомъ, предъ находящимся на немъ изображеніемъ Богоматери, неугасимой лампы. 2) На самомъ верху св. скалы воздвигнуть небольшой храмъ въ честь Воскресенія Христова, и, соединивъ его посредствомъ подземнаго прохода съ внутреннимъ храмомъ пещернымъ, устроить при немъ кладбище и нѣсколько келлій для помѣщенія братіи, обрुживъ все это садомъ. 3) Три пещерныя келліи въ скалѣ, служившія доселѣ помѣщеніемъ для братіи, обратить, сообразно ихъ мѣстному положенію близъ пещерной церкви, къ священному назначенію, устройствомъ въ нихъ небольшой церкви во имя всѣхъ святыхъ Аѳонскихъ, и съ помѣщеніемъ въ ней тѣхъ иконъ и трех-составнаго креста, кои присланы изъ горы Аѳонской на благословеніе новой обители Успенской. 4) Внизу подъ скалою во впадинахъ ея, справа и слѣва отъ пещернаго храма, вывести по ряду малыхъ келлій для помѣщенія низшей братіи, а далѣе по скату отъ скалы къ оврагу, въ видѣ полукружія возвести особо келлій для настоятеля съ монастырскою библіотекою и больницею, особо для іеромонаховъ; въ самомъ-же низу—надъ ручьемъ—создать трапезу и поварню, съ фонтаномъ предъ ними. 5) При вѣздѣ на землю монастырскую, со стороны Бахчисарая, подъ нагорнымъ утесомъ, учредить гостиницу для богомольцевъ и посѣтителей, съ бассейномъ противъ нея изъ протекающаго тутъ ручья, а предъ началомъ дороги отсюда вверхъ къ скалѣ, на развалинахъ древней малой Софійской церкви, которая была обращена нѣкогда въ мечеть, также пришедшую теперь уже въ совершенныя развалины, соорудить часовню въ честь Софій, Премудрости Божіей, съ кладземъ внутри ея. 6) Надъ источникомъ, откуда проведенъ подъ скалу фонтанъ, съ открытіемъ его изъ-подъ земли, поставитъ также часовню, для освященія воды во дни, уставленные для того церковію. 7) Въ отдѣльныхъ большихъ, въ разныхъ мѣстахъ по оврагу лежащихъ, скалахъ каменныхъ, съ изсѣченными въ каждой

изъ нихъ келліями, образовать отдѣльные помѣщенія для особенныхъ любителей пустынно-жительства, съ окруженіемъ каждой изъ сихъ скалъ фруктовыми и дикими деревьями. 8) Въ срединѣ оврага, изъ протекающаго тутъ ручья сдѣлать, въ трехъ мѣстахъ, по бассейну и развести вокругъ ихъ для обители виноградные и шелковичные сады.

Изъ сихъ предположеній, въ теченіе прошедшаго лѣта и осени, приведены въ исполненіе только нѣкоторыя, и то не вполне, а именно: у подножія скалы, въ ущеліяхъ и язвилахъ ея, устроено до 16-ти келлій, весьма удобныхъ къ помѣщенію братіи и вполне соответствующихъ характеру пустыннаго житія; въ нижней части горнаго склона, надъ самымъ протокомъ, выстроено каменное съ желѣзною кровлею зданіе для братской трапезы и поварни; въ одномъ изъ лежащихъ на противной сторонѣ оврага отломковъ скалы помѣщенъ на жительство одинъ изъ благоговѣйныхъ старцевъ, который, послѣ разнообразныхъ странствій по обителямъ отечественнымъ, а потомъ въ Палестинѣ и по горѣ Аѳонской, нашель, наконецъ, пристанище тѣлу и успокоеніе духу своему въ скитѣ Успенскомъ. Въмѣстѣ съ симъ все громадное ущеліе скалы Успенской, даже самая нагорная часть ея, будучи ограждены отъ вторженія и словесныхъ и безсловесныхъ, кои едва не до конца истребили побрывавшую ихъ нѣкогда растительность, видимо начали опушаться всякаго рода зеленью, такъ что въ нѣсколько лѣтъ голая и дикая, по мѣстамъ даже какъ-бы обожженная, мѣстность представитъ изъ себя снова пріятную горную картину для посѣтителей.

Немного, конечно, сдѣлано еще для святаго мѣста, и къ совершенію предлежитъ гораздо большее, и указанное здѣсь и не указанное; но когда вспомнишь, что все, что ни происходитъ теперь со св. скалою, дѣлается среди населенія иновѣрнаго, ко всему этому совершенно хладнаго,—вдали отъ сердца Россіи, столь сильно бьющагося для всего священнаго, и такъ любвеобильно разверзающагося на все богоугодное,—одними мѣстными, весьма скудными, средствами, при богатствѣ развѣ только упованія на милость Божію и невидимый покровъ Богоматери,—то и въ небольшомъ, доселѣ сдѣланномъ, невольно видишь явное знаменіе

благословенія свыше и воодушевляешься несомнѣнною надеждою на лучшее въ будущемъ.

И прочія, предназначенныя къ возстановленію, свята мѣста по горамъ Таврическимъ, подобно растеніямъ предъ наступленіемъ весны, также ощутительно уже пробуждаются отъ вѣковаго сна своего и представляются одно за другимъ готовыми къ воспріятію пакибытія и вещественнаго и духовнаго. Съ будущею весною, при помощи Божіей, должно начаться созданіе киновіи свв. Козмы и Даміана надъ цѣлебнымъ того-же имени источникомъ, въ самой глубинѣ горъ Таврическихъ,—и обновленіе въ скалѣ Ингерманской,—мѣстѣ подвига и кончины священно-мучениковъ Климента и Мартина,—двухъ древнихъ церквей, съ устроеніемъ тамъ и капой во имя ихъ киновіи. Христолюбивое попеченіе объ источникѣ Козмы и Даміана принялъ на себя Симферопольскій 1-й гильдіи купецъ Иванъ Санютинъ, а о скалѣ Ингерманской—Севастопольскій купеческій глава Г. Красильниковъ.—На развалинахъ древняго Херсониса, приснопамятнаго для всей Россіи крещеніемъ тамъ Великаго Князя Владимира, тамъ-же предположено учредить киновію во имя его, и для сего на оставшемся доселѣ фундаментѣ возстановить ту самую церковь, въ коей, по всей вѣроятности, совершилось его крещеніе, съ приданіемъ ей того-же вида, какой имѣла она въ то время. Святое дѣло сіе еще ожидаетъ боголюбиваго жертвователя, который могъ-бы ускорить его, послужа ему отъ избытковъ своихъ.

Такимъ образомъ, если продлится надъ всѣмъ предпріятіемъ благословеніе Божіе, и продлитъ вмѣстѣ съ собою усердіе къ исполненію его и въ труждающихся надъ нимъ и въ содѣйствующихъ ему своими посильными приношеніями,—то, въ нѣсколько лѣтъ, Крымъ увидитъ древнія св. мѣста свои спасенными отъ запустѣнія и приведенными въ благоприличный видъ, а православное отечество наше будетъ имѣть утѣшеніе находить въ сихъ мѣстахъ образъ пустынно-жительства по чину св. горы Аѳонской, тотъ святой образъ, который такъ сильно привлекаетъ къ себѣ многихъ и даже увлекаетъ на всегда за предѣлы земли отечественной.

IV.

7-е Марта *).

7-е Марта есть день священный для всей нашей страны; ибо въ этотъ день совершается церковью память семи священномучениковъ, въ Херсонѣ епископствовавшихъ. Имѣя пребываніе въ древнемъ Херсонесѣ, какъ главномъ тогдашнемъ городѣ греческомъ, на сѣверномъ берегу Чернаго моря, они вмѣстѣ съ тѣмъ были пастырями и проповѣдниками слова Божія для всего нашего поморія и земель, ему прилежащихъ. Время житія ихъ относится къ IV-му вѣку, знаменитому побѣдою христіанства надъ язычествомъ въ лицѣ Константина Великаго. Не много извѣстій и преданій сохранила для насъ св. исторія о житіи и подвигахъ каждаго священномученика. Но самое названіе сіе уже свидѣтельствуешь, что это были мужи временъ апостольскихъ, кои дѣйствовали съ дерзновеніемъ о всемогущемъ имени Іисуса Распятаго, поливая сѣемое ими ученіе вѣры слезами и самою кровію своею. Совершенное однимъ изъ нихъ (св. Капитономъ) чудо надъ огненною пещію, въ которую онъ вшелъ безвредно и вынесъ въ омофорѣ горящіе угли, было на первомъ вселенскомъ соборѣ предметомъ благоговѣйнаго удивленія не только для императора Константина, но и для отцевъ собора, изъ коихъ многіе сами славились даромъ чудотворенія. Кромѣ сего, изъ жизнеописанія священномучениковъ мы узнали, что они всѣ отправлены были на проповѣдь къ намъ патріархомъ Іерусалимскимъ (Ермономъ); почему церковь Херсонская имѣетъ драгоцѣнное право именовать себя родною дочерію—матери всѣхъ церк-

---

*) Напечатано въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1852 г. № 19—отъ 5 марта.

вей—церкви Иерусалимской. Спасительныя сѣмена вѣры христіанской съ тѣхъ поръ были у насъ не разъ заглушаемы и подавляемы тернами язычества; но, политыя въ самомъ началѣ кровію священно мучениковъ, никогда не могли истребиться и потерять своего животворнаго корня. Ко времени Владиміра Великаго они уже возрасли въ такое дерево, отъ плодовъ коего могла напитаться духовно-цѣлая Россія.

Не забудемъ-же освящать день святыхъ перво-наставлей и учителей нашихъ молитвеннымъ воспоминаніемъ ихъ житія, подвиговъ и чудесъ.

Наканунѣ сего дня въ пять часовъ вечера имѣетъ быть совершено въ Каѳедральномъ соборѣ и по всѣмъ церквамъ всенощное бдѣніе, а въ самый праздникъ—литургія съ молебномъ, въ 10 часовъ утра.

Марта 3-го, 1852 г.

Б. НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА

Архієпископа Херсонскаго

Иннокентія Борисова

къ Андрею Андреевичу Вагнеру.

Въ концѣ предыдущей нашей статьи мы упомянули о письмахъ Иннокентія къ А. А. Вагнеру, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ,—и привели отрывокъ изъ одного такого письма, помѣщенный въ „отчетъ Императорской публичной библіотеки“ за 1878 г. Мы думали этимъ и ограничиться—въ надеждѣ, что будущій издатель полнаго собранія сочиненій Иннокентія, самъ уже потрудится отыскать и напечатать упомянутыя письма его. Но обстоятельства такъ благопріятно расположились, что мы получили возможность имѣть точныя копіи со всѣхъ этихъ писемъ, снятыя лицомъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія. Именно—по нашей просьбѣ снялъ эти копіи съ подлинниковъ студентъ 4-го курса С.-Петербургской духовной академіи Владиміръ Романовичъ Кышевъ. Приносимъ и здѣсь нашу искреннюю и глубокую благодарность любезнѣйшему В. Р. Кышеву за его трудъ, выполненный имъ съ особенною любовію и аккуратностію,—мы печатаемъ присланныя имъ намъ копіи писемъ Иннокентія къ Вагнеру, какъ драгоценный памятникъ Иннокентіевской интимной бесѣды и какъ матеріалъ для біографіи достопамятнаго Херсонскаго святителя...

Всѣхъ писемъ Иннокентія къ Вагнеру—четыре. Одно изъ нихъ имѣетъ ту особенность, что писано на возвращенномъ письмѣ самаго Вагнера, при чемъ къ этому письму Вагнера сдѣланы по мѣстамъ замѣтки Иннокентіемъ... Иннокентій имѣлъ обычай иногда отвѣчать своему корреспонденту на его-же письмѣ—съ возвращеніемъ ему этого послѣдняго... Мы сами видѣли примѣръ этому въ перепискѣ Иннокентія съ протоіереемъ Арсеніемъ Гавриловичемъ Лебедя-

цевымъ... (Одно изъ таковыхъ двойныхъ — писемъ — о. Арсенія Гавриловича Лебединцева къ Иннокентію и отвѣтъ къ нему Иннокентія—хранится у насъ; но пока мы не имѣемъ возможности напечатать его). — Кромѣ писемъ къ Вагнеру, въ бумагахъ послѣдняго, переданныхъ въ Императорскую публичную бібліотеку, оказалось еще одно письмо Иннокентія къ какому-то Александру Николаевичу, — фамилію котораго мы пока не разгадали. — Печатаемъ и это письмо. — Письма Иннокентія мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сопровождаемъ своими подстрочными примѣчаніями...

Кто такой былъ А. А. Вагнеръ?—Точныхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ мы пока не имѣемъ. Но видно что въ 50-хъ гг. XIX в. онъ служилъ въ св. Синодѣ.. А изъ другихъ бумагъ его, хранящихся въ Императорской публичной бібліотекѣ, о которыхъ сообщены свѣдѣнія въ вышеупомянутомъ „отчетѣ“ ея за 1878 г., видно, что онъ былъ уроженецъ Харьковской губ., родился близъ извѣстныхъ св. Горъ, былъ въ большой дружбѣ съ профессоромъ Харьковскаго университета и извѣстнымъ малорусскимъ поэтомъ П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ, который посвятилъ ему много своихъ стихотвореній и переписывались съ нимъ по малорусски. — Можно также думать, что и съ Иннокентіемъ Вагнеръ познакомился еще въ Харьковѣ; знакомство это перешло потомъ въ большую взаимную сердечную пріязнь.

I.

Вотъ каковы нынѣ времена и вотъ каковы люди! Два пріятели возьмутъ у третьяго книгу, напечатаютъ, пустятъ въ продажу, ему не пришлютъ даже экземпляра; и — молчатъ!

Ну — дѣлаютъ-ли такъ добрые люди?—Исправиться не мѣди, — или казнь примѣрная.

Для св. Горы напечатанное — все вышлите въ св. Горы о. Арсенію, миѣ же на память дѣла — для разсылки по церквамъ — не болѣе 200 экземпляровъ. Такъ писано и о. Арсенію. — За труды онъ — негодный монахъ — обязывается должнымъ удовлетворить *).

---

*) Дѣло, повидному, идетъ о сочиненіи самого Иннокентія — объ описаніи имъ знаменитаго Святогорскаго монастыря, Харьковской губ., Изюмскаго уѣзда. Но какое именно здѣсь сочиненіе разумѣется, — сказать не можемъ.

Справьтесь, пожалуйста, если можно поскорѣе — что въ духовной цензурѣ съ проповѣдями здѣшняго протоіерея Павловскаго. Я ихъ отдавалъ въ цензуру; и миѣ совѣстно за нихъ ¹⁾).

Собираюсь въ путь — накіи въ Крымъ; очень нужно, чтобы составить планъ общій для обдѣлки скита ²⁾, но злая лихорадка такъ и держитъ за обѣ руки. Обдѣла природа наша!

Товарищу не кажите. Поклона не стоитъ. Тоже будетъ сказано и въ письмѣ къ нему о его товарищѣ — оба равные! ³⁾).

Сент. 26, 1850.

Одесса.

На конвертѣ: „Андрею Андреевичу въ собственныя руки“.

Помѣты Вагнера: п(олуч.) 10 октября; о(твѣч). — 10 мая 851 г.

II.

Письмо А. А. Вагнера къ архіепископу Иннокентію.

Прошу ближняго келейника владыки доложить ему, что пришелъ невзмѣнно-преданный преосвященному Вагнеръ, не рѣшается войти по невѣдѣнію, какъ будетъ принять, и заочно лобызая святительскую десницу, свидѣтельствуешь полное души своей нынѣ радованіе о воспоминаемомъ тезоименитствѣ незабвеннаго для него архимонастыря ⁴⁾).

Святой Иннокентій Иркутскій родился въ Малороссіи, подвизался въ Кіевѣ. Вагнеръ недостойный узрѣлъ свѣтъ

---

¹⁾ О судьбѣ этихъ проповѣдей протоіерея М. К. Павловскаго мы говорили выше.

²⁾ Разумѣется Успенскій скитъ — въ Крыму.

³⁾ Это — пріятельскій шуточный нагоняй за упомянутую выше книгу о Святогорскомъ монастырѣ. Подъ товарищемъ разумѣется товарищъ Вагнера по изданію этой книги въ Спб. Кто онъ былъ — не знаемъ. Значитъ — досталось обоимъ товарищамъ.

⁴⁾ „Маловѣре! почто усомнился еси?“ — Замѣчаніе преосвященнаго Иннокентія.

Божій въ свѣтыхъ Горахъ (въ Малороссіи же), возстановлен-
ныхъ преосвященнымъ Иннокентіемъ, бывшимъ Кіевскимъ-же,
теперь — Херсонскимъ... ¹⁾). Прошу того же келейника до-
ложить владыкѣ, что не соизволить ли хотя ради сего вспо-
нить о сиротствующемъ безъ него во многомъ.

Андрѣй В. ²⁾

Теперь уже и конверты съ собственно-ручною над-
писью преосвященнаго на мое имя собралъ и приложилъ къ
купленному литографированному изображенію владыки.. На-
добно же искать врачеванія въ скорби!

Пятница, 26 ноября 1854 г.

Утро, послѣ молитвы нарочитой.

С.-П.-бургъ, прежняя келлія въ 18-й линіи,
сидя противу портрета владыки.

Отвѣтъ Иннокентія на письмо Вагнера ³⁾

Какой годъ прожили мы!.. Безъ преувеличенія — миѣ
кажется онъ не годомъ, а чуть не четвертью вѣка. Градъ
бомбъ, море крови — вотъ его девизъ. Настоящій — выродокъ
прошедшаго года является на первый разъ съ миромъ: но
это миръ австрійскій, а не русскій, а намъ нужно теперь
свое, а не чужое. Ужъ кто болѣе насъ терпитъ? Но мы го-
товы терпѣть еще вдвое, только-бы не преткнуться о этотъ
не миръ, а миришко; весь страхъ нашъ за вашу Петербург-
скую трусость ⁴⁾...

---

¹⁾ „Да эта ли одна связь между нами?“ — Замѣч. его-же.

²⁾ „И безъ этого вспомнили незабвеннаго А. А — ча и молились за но-
ябрь усердно, чтобы Господь не оставилъ его своею благодатію... Вольно же
не вѣрить слову Апостола, что любовь о Христъ николиже отпадаетъ“. Замѣ-
чаніе преосвященнаго Иннокентія. —

³⁾ Отвѣтъ этотъ писанъ на свободномъ листкѣ предыдущаго Вагнеров-
скаго письма, отосланнаго обратно.

⁴⁾ Переговоры о мирѣ начались еще въ концѣ 1854 г., такъ какъ на-
ступившая зима прекратила на время военныя дѣйствія, да и дипломатія не
бездѣйствовала... Ею было предложено четыре пункта или условія для перего-
воровъ о мирѣ. Императоръ Николай Павловичъ — въ манифестѣ 14 декабря
1854 г. говорилъ, между прочимъ: „По долгу христіанства, мы не можемъ же-
лать продолженія кровопролитія, и конечно не отклонимъ мирныхъ предложе-
ній и условій, если они будутъ согласны съ достоинствомъ державы нашей и
пользами любезныхъ нашихъ подданныхъ“. Особенно Австрія настаивала на

Братъ нашъ (Стефанъ *) наконецъ въ генералѣхъ. Вѣдь быть не можетъ, чтобы въ немъ не проявилось при семь какой-либо перемѣны. Пожалуйста, подмѣтьте ее и дайте намъ знать о томъ. Такихъ людей надобно любить и жаловать. Процессъ его о восточномъ вопросѣ проигранъ. Свѣтлость его оказалась чернѣе сажи, и темнѣе ночи... Dixit!.

Нашему приснопамятному секретарю усердный поклонъ; всѣмъ прочимъ благословеніе отъ семи священно-мучениковъ Херсонскихъ.

Генв. 14, 1855.

Отъ скорби — подобной вашей врача пѣтъ на землѣ: онъ — тамъ! туда и за лекарствомъ!

Какъ я ждалъ васъ изъ-за моря! Поѣхалъ-бы далеко изъ Одессы, только-бы видѣться съ вами, но не къ вамъ — на сѣверъ. Если можно, напишите подробнѣе, что теперь съ вами. Вы будете писать чуть-чуть не къ самому себѣ.

1855 г.

принятіи Россією мирныхъ предложеній... Но таже Австрія заключила съ Францією и Англією сепаратный наступательный и оборонительный союзъ — тотчасъ послѣ полученія отъ Россіи увѣдомленія, что послѣдняя принимаетъ четыре пункта для переговоровъ... Такимъ образомъ стало обнаруживаться коварство Австріи, спасенной Россією въ 1849 г... Подобно Иннокентію, недо вѣрялъ мирнымъ предложеніямъ и Погодина... — Послѣ кончины Императора Николая Павловича, — весной 1855 г. опять усилились переговоры о мирѣ, но опять не привели ни къ чему... Митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ 7 апрѣля 1855 г. „надежды о мирѣ поколебались, чего и прежде опасаться надлежало. Австрія все говоритъ о мирѣ, а собрала армію, какой никогда не имѣла, и заключила договоръ съ нашими врагами. Теперь она трактуетъ о мирѣ, въ тоже время вновь учреждаетъ у себя военное министерство. Это-ли миролюбіе? — Отъ 30 апрѣля 1855 г. тотъ же митрополитъ Филаретъ писалъ: „... Кажется, Австрія хочетъ исполнить въ совершенствѣ предсказаніе умершаго перваго своего министра, что она удивитъ міръ своею неблагодарностію.“ (См. Н. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина кн. 13, стр. 188 - 190, 196 — 197; кн. 14, стр. 32 - 35). — Замѣтимъ еще при этомъ, что въ „Отчетѣ Императорской публичной бібліотеки за 1878 годъ на письмѣ Иннокентія ошибочно поставлена дата 14 января 1856 г., — вслѣдствіе чего можно было въ недоумѣніи подумать, что дѣло Иннокентія идетъ о Парижскомъ мирѣ... В. Р. Кышевъ исправилъ эту ошибку... Какъ ни неразборчивъ былъ почеркъ Иннокентія — но все же дату его на письмѣ нужно читать 14 января 1855 г.

*) Здѣсь разумѣется Степанъ Онисимовичъ Бурачекъ, издатель извѣстнаго журнала „Маякъ“, выходившаго въ С.-Петербургѣ въ началѣ 40-хъ годовъ XIX в.

III.

Думалъ послать письмо по почтѣ, но посылаю съ г. Троицкимъ. Повидайтесь съ нимъ: онъ стоитъ того *). Съ нимъ же буду ждать и отвѣта уже не почтового, а полного, въ космъ желательнаго пайти свѣдѣнія:

а) О вашемъ служебномъ, домашнемъ и, если можно, тѣлесно душевномъ состояніи: ибо всѣ они для меня важны, тѣмъ паче послѣднія.

б) О состояніи нашей части Синодальной у васъ, но не по толкованію новаго Стефана, хоть оно и не мѣшаетъ, а по вашему здравому разумѣнію.

в) Ходите ли вы по прежнему, или хотя не по прежнему, но ходите ли въ Цескій

д) Какъ разсуждаютъ у васъ о войнѣ, о Севастополѣ, о тѣхъ, кои тамъ заправляютъ дѣлами?

е) Нельзя ли достать у Исакова и прислать по сей вѣрной оказіи книгъ новыхъ, стоящихъ вниманія? Намъ теперь здѣсь доставать очень неудобно.

ф) Нѣтъ ли у васъ чего-такого, что намъ, въ нашемъ положеніи, нужно знать особенно?

Какъ я радъ за почтеннаго Степана Онисимовича! Кто это призрѣлъ на трудъ и заслуги его? Если Великій Князь, то честь ему и слава!—Есть ли его портретъ? Такихъ людей и видъ надобно сохранять; ибо они рѣдки.

---

*) Александръ Григорьевичъ Троицкій, редакторъ „Одесскаго Вѣстн.“, часто упоминаемый нами выше. Желая перейти на службу въ Петербургъ,—онъ ѣздилъ туда въ началѣ 1855 г. и былъ тамъ во время кончины Императора Николая Павловича. Въ выдержкахъ изъ „Записной книжки“ А. Г. Троицкаго, относящейся къ его поѣздкѣ изъ Одессы въ С.-Петербургъ въ 1855 году“ читасмъ: „Пятница 18 февраля. Въ 12 часовъ 5 мин. скончался Государь. Я въ то время былъ на молебствіи.—Вечеромъ былъ у Вагнера... Разсказы о послѣднихъ минутахъ Императора Николая“. (См. „Ришельевскій лицей и Императорскій Новороссійскій университетъ. Сборникъ издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета. Часть I. Одесса, 1898 г.“ Отдѣлъ второй—стр. 68). Кстати, на основаніи этой послѣдней книги, сообщимъ здѣсь вкратцѣ біографію А. Г. Троицкаго, какъ лица весьма близкаго къ Иннокентію.—Онъ родился 12 марта 1807 г.—въ Одессѣ, воспитывался въ Ришельевскомъ лицей, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1826 г.—первымъ воспитанникомъ Съ 1826 по 1832 г. былъ адъюнктомъ при этомъ же лицей физико-математическихъ наукъ. Съ 1829 года былъ учителемъ исторіи и географіи въ Одесскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, а вскорѣ назначенъ инспекторомъ сего института. Съ 1831 года онъ назначенъ былъ цен-

IV.

Нояб. 30, 1856. 12 часовъ утра.
Одесса.

Сейчасъ возвратился я изъ церкви, отслуживъ литургію и молебень св. Андрею Первозванному. И за литургіей и за молебномъ молились мы о томъ Андреѣ Андреевичѣ, который живетъ на Васильевскомъ островѣ и котораго недавно еще имѣли утѣшеніе видѣть въ Москвѣ. Чего желали ему въ молитвахъ? Того, что Господь найдетъ для него за лучшее, ибо мы сами очень часто ошибаемся въ своихъ желаніяхъ и готовы взять вмѣсто хлѣба камень и вмѣсто рыбы змію.

Цѣлуйте отъ насъ лобзаніемъ святымъ и прочую собратію, наченъ отъ Степ. Онисимовича и оберъ-доктора нашего Г. Эванова, и всю домашнюю Вашу церковь.

Вотъ Вамъ и маленькій пирожокъ!

зоромъ и секретаремъ вновь открытаго Одесскаго цензурнаго комитета. Кромѣ того А. Г. Тройн—ій былъ дѣятельнымъ членомъ и другихъ многихъ учреждений въ Одессѣ—ученыхъ, учебныхъ, общественныхъ—и проч., принадлежалъ вообще къ блестящему кругу даровитыхъ сотрудниковъ князя М. С. Воронцова... Но важнѣйшимъ дѣломъ А. Г. Тройницкаго было редактированіе имъ газеты „Одесскій Вѣстникъ“—съ 1834 г. Онъ сдѣлалъ ее не только лучшей изъ провинціальныхъ газетъ, но даже болѣе живою по свѣдѣніямъ, чѣмъ тогдашнія Петербургскія... Аккуратность его въ веденіи газеты была безпримѣрна. Въ теченіи 23 лѣтъ его редакторства „Одесскій Вѣстникъ“ ни разу не опоздалъ выходомъ въ свѣтъ...—Въ 1857 г. онъ покинулъ Одессу и переселился въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ назначенъ членомъ главнаго управленія цензуры и завѣдующимъ дѣлами центрального статистическаго комитета. Въ это время появился извѣстный замѣчательный трудъ его: „Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи“. При немъ-же стали издаваться и „Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи“. Въ 1861 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ; въ 1867 г.—Сенаторомъ, Почетнымъ Опекуномъ и Членомъ Государственнаго Совѣта.—Онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ по раскрѣпощенію помѣщичьихъ крестьянъ, какъ членъ редакціонныхъ комиссій и—путемъ защиты роли печати въ обсужденіи крестьянскаго вопроса.—Живя въ Петербургѣ, А. Г. Тр—ій не прерывалъ связей съ Одесскимъ обществомъ; нерѣдко бывалъ въ Одессѣ, гдѣ всегда принимали его весьма сердечно, а въ 1863 г.—избрали почетнымъ гражданиномъ г. Одессы.—Онъ скончался въ Петербургѣ 12 марта 1871 г. и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. Проф. Никитенко въ извѣстномъ своемъ „Дневникѣ“ такъ выразился о смерти А. Г. Тр—го: „Умеръ А. Г. Тройницкій. Это потеря для общества и лично для меня. Онъ былъ честный и благородный челоѣкъ и просвѣщенный администраторъ“.

У.

Письмо Иннокентія къ Александру Николаевичу Н.

Отсутствіе мое въ Волчанскомъ уѣздѣ недѣли на двѣ лишило меня удовольствія отвѣчать немедленно на письмо Ваше, почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ, и поблагодарить Васъ за чувства, въ немъ выраженные. Примите благодарность теперь и благоволите быть увѣреннымъ, что свиданіе и бесѣда съ Вами была для меня однимъ изъ самыхъ пріятныхъ свиданій и бесѣдъ, какія только я имѣлъ въ Харьковѣ. Вѣсти Ваши объ Ахтырскомъ монастырѣ обрадовали не меня одного, а многихъ. Нѣтъ ничего легче, какъ отвѣчать на вопросъ, который хотятъ намъ сдѣлать касательно сего монастыря, и мы ждемъ, съ нетерпѣніемъ ждемъ видѣть бонецъ дѣлу, тянущемуся около семи лѣтъ. Если не въ трудъ, то мы просили-бы Васъ не оставить насъ въ невѣдѣніи и о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, которое и Вамъ, какъ украинцу, какъ сосѣду иѣкогда по жительству святой горы Ахтырской, не можетъ быть чуждо. Священникъ Лопатинъ теперь-же вызывается мною въ Харьковъ для принятія должнаго—по заслугамъ его. Что касается до монахини Серафимы, то истинно не знаю, что сказать Вамъ. И, во-первыхъ, о монастырѣ Свято-горскомъ у насъ нѣтъ еще никакого дѣла; знаемъ только, что г-жа Потемкина имѣетъ намѣреніе возстановить его, и только. Во вторыхъ, и въ случаѣ возстановленія, власти возстановительницы трудно не простереться въ какомъ-бы то ни было видѣ на избраніе начальницы монастыря. Въ третьихъ, лицо рекомендуемое мнѣ вовсе неизвѣстно. Даже нѣтъ ея: посему при такой неизвѣстности странно было-бы дать за ранѣе рѣшительный отвѣтъ на вопросъ. Одно въ такомъ случаѣ можно сказать, что намъ, если откроется монастырь, непременно нужна будетъ добрая начальница, что такого лица у насъ самихъ нѣтъ на виду, что мы потому рады будемъ доброму лицу со стороны. Много обяжете, если скажете намъ что-нибудь о ходѣ самаго дѣла по Свято-горскому монастырю; ибо, еще повторю, у насъ нѣтъ о немъ ни

строки, кромѣ письма ко мнѣ Татьяны Борисовны, выражающей желаніе возстановить его *).

Какъ много обрадовали Вы меня вѣстію объ улучшеніи судьбы духовенства! Въ этомъ рѣшительная необходимость, и чѣмъ скорѣе приведуть въ исполненіе благодѣтельныя намѣренія, тѣмъ лучше. Да поможетъ Господь трудящимся въ семъ благомъ дѣлѣ!

Призывая на Васъ и занятія Ваши благословеніе Божіе, съ чувствомъ душевнаго уваженія остаюсь Вашъ усердѣйшій слуга И. Е. Х. и А.

Харьковъ.
Октябрь 1843.

Безыскусственность письма да расположить, если можно, и Васъ оставить всѣ искусственныя формы и титулы. Будемъ говорить за просто, какъ бесѣдовали въ моей келліи.

---

*) Татьяна Борисовна—это и есть упоминаемая выше г-жа Потемкина. Она была урожденная княжна Голицына и отличалась особенной благотворительностію.